

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

АРТЮНИНА АЛИНА АНАТОЛЬЕВНА

**НАРРАТИВ КАК ФОРМА РЕЧЕВОЙ ОНТОЛОГИЗАЦИИ КОНЦЕПТА
(НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА ВОСПОМИНАНИЕ / REMINISCENCE В
РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ)**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
д.филол.н, профессор А.М. Каплуненко

Иркутск – 2018

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СВЯЗИ КАТЕГОРИЙ «ВРЕМЯ» И «СОБЫТИЕ» С ФЕНОМЕНОМ «ВОСПОМИНАНИЕ»	12
1.1 Категория времени: между объективностью мира и субъективностью восприятия	12
1.2 Феноменологический поворот в научных представлениях о времени.....	18
1.3 Событие как мера времени в личных представлениях.....	24
1.4 К рабочим определениям ключевых терминов «простое / сложное событие», «макрособытие» и «впечатление».....	33
1.5 Воспоминание как процесс интерпретации событий прошлого.....	39
Выводы по Главе 1	44
ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДИСКУРСА ВОСПОМИНАНИЙ ВОКРУГ КОНЦЕПТА ВОСПОМИНАНИЕ / REMINISCENCE	46
2.1 Описание лингвистического эксперимента.....	46
2.2 Об индивидуальном характере концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE.....	49
2.3 Лексикографический анализ лексемы, называющий концепт ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE.....	54
2.4 Функционирование концепта ВОСПОМИНАНИЕ/ REMINISCENCE	60
в дискурсе.....	60
2.5 Выделение дискурса воспоминаний из автобиографического дискурса ..	62
2.6 Краткая характеристика функционально-прагматических особенностей дискурса воспоминаний.....	67
2.7 О признаках Дискурса Различий в текстах автобиографического характера	73
2.8 Репрезентация дискурса воспоминаний в текстах разных форм организации.....	75

2.8.1 Пример организации дискурса воспоминаний по типу «hypothetical – real».....	77
2.8.2 Пример организации дискурса воспоминаний по типу «general - particular».....	81
2.8.3 Другие способы организации текста в дискурсе воспоминаний	83
Выводы по Главе 2	88
ГЛАВА 3. СТРУКТУРА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАРРАТИВА В ДИСКУРСЕ ВОСПОМИНАНИЙ	91
3.1 Нарратив как прототипическая форма автобиографического дискурса ...	91
3.2 Признаки личного нарратива в текстах автобиографического характера	95
3.3 Функции нарратива в дискурсе воспоминаний.	102
3.4. Композиционно-содержательное варьирование жанров нарратива в описании концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCES	106
3.4.1 «Исповедь» как жанр автобиографического нарратива.....	111
3.4.2 «История» как жанр автобиографического нарратива.....	122
Выводы по Главе 3	128
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	130
Список литературы	136

ВВЕДЕНИЕ

Феномен воспоминания в настоящее время привлекает внимание представителей многих отраслей гуманитарного знания. Воспоминания достаточно подробно изучены в психологии (Р. Солсо, В.В. Нуркова, Е.Е. Сапогова, D. Berntsen, S. Schlagman, L. Kvavilashvili) и социологии (Ф. Иейтс, Д. Куртен, П. Штомпка), и результаты этих многолетних исследований нашли широкое практическое применение. В философской науке в последнее время отмечается всплеск интереса к данному феномену (П. Рикёр, К.П. Шевцов). В лингвистике воспоминания также являются интереснейшим объектом для изучения (Б.М. Гаспаров, Л.М. Ньюбина, О.П. Кормазина).

Воспоминание неразрывно связано с категорией времени. Время как философская сущность и физическое явление отражает последовательность изменений и длительность существования объектов. Большинство исследователей склонно разделять время физическое, объективное, измеряемое хронометрами и календарями, и время внутреннее, субъективное, ощущаемое и переживаемое человеком. Временная триада «прошлое – настоящее – будущее», существующая в естественно-рассудочной логике, является воплощением именно внутреннего, субъективного времени, поскольку прошлое, настоящее и будущее всегда соотносятся с каким-либо субъектом. Происходит присвоение человеком результатов того, что имело место в прошлом. И здесь немаловажную роль играет событие, поскольку именно оно служит мерой времени в личных представлениях человека. Уже в самом определении времени, приведенном выше, говорится о последовательности изменений, а ведь определение события часто трактуется как изменение.

Помимо этого, прошлое отображается в речевой деятельности в виде событий и их последовательности. Академик А.Д. Александров, в частности, полагал множество событий мерой не только времени, но и пространства [Александров, 1959, с. 273, 308]. Именно с событием тесно переплетается изучение феномена воспоминания в теории языка, поскольку именно событие чаще всего лежит в

основе воспоминания (Бахтин 1986, Лотман 1998, Николаева 1980, Арутюнова 1988, Демьянков 1983, 2004, Гольдин 1997).

Воспоминание – сильный пример реконструкции события, а, следовательно, дискурса. На основе воспоминаний вырос такой известный и продуктивный жанр, как мемуары. Дневники в целом следуют за стремлением сохранить прошлое, уже состоявшееся и пережитое.

В воспоминании сталкиваются время и событие как феноменологические сущности. Именно поэтому положения феноменологии Э. Гуссерля послужили теоретической основой диссертации. Помимо работ Э. Гуссерля, теоретическую и методологическую базу настоящего исследования составили работы отечественных и зарубежных исследователей в области когнитивной лингвистики: В.З. Демьянков, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Дж. Лакофф, теории дискурса: Т.А. ван Дейк, М. Хэллiday, М. Хоуи, Ю. Уинтер, дискурсивной практики: М.Фуко, А.М. Каплуненко, типологии дискурса: В.И Карасик, теории нарратива: У. Лабов, Дж. Валетски, Е.В. Падучева, В. Шмид, Д. Шиффрин, Э. Окс, Л. Капс, а также работы Д.С. Лихачева, М.М. Бахтина, Р. Барта.

Если вести речь о феномене воспоминания с лингвистической точки зрения, начинать следует с концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE. Актуальным для настоящего исследования оказался вопрос онтологизации концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE. При этом термин «онтологизация» понимается нами вслед за А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским как «введение знания, фиксированного в концептуальном представлении» [Баранов, 1990, с. 25]. Что касается термина «форма онтологизации», то в нашем исследовании он означает придание знаниям вида, доступного для понимания других индивидуумов. Т.С. Лапина пишет, что «смыслы... онтологизируются в знаковой форме: прежде всего в языке, а также в устремлениях, логотипах, эмблемах...» [Лапина. URL: http://analiculturolog.ru/component/k2/item/381-article_9.html]. Потому речевая форма онтологизации представляется нам прототипической.

Онтологизация концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE не сводилась к имени концепта, а обнаружила себя в виде текстов, подпадающих под параметры нарратива.

Концепт, по мнению М.Ю. Олешкова, «является свернутой моделью дискурса» [Олешков, 2009, с.70-71], следовательно, дискурс, разворачивающийся вокруг концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE, также нуждается в тщательном изучении.

Актуальность. Современные исследования в большинстве своём до сих пор акцентируют внимание на одном из компонентов триады «концепт – дискурс – нарратив». Назрела необходимость комплексного анализа того, каким образом взаимодействуют концепт, дискурс и его разновидность нарратив в речевой деятельности. Настоящее исследование представляет собой попытку предложить авторское решение этой актуальной задачи.

Научная новизна данной работы состоит в том, что впервые изучены способы онтологизации концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE и выявлены отличия от онтологизации большинства концептов, описанных в отечественной науке о языке [Карасик, 2002]. Необходимо в качестве нового отметить следующий вывод: онтологизация концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE и в русском, и в английском языках не сводится к обязательной номинации концепта. Имя *воспоминание* употребляется в дискурсе воспоминаний в 50% русскоязычных текстов лингвистического эксперимента, а его английский аналог *reminiscence* не встретился в нашем экспериментальном материале ни разу. При этом все тексты, полученные нами в ходе эксперимента и относящиеся к дискурсу воспоминания, подходили под параметры нарратива.

Объектом исследования выступают нарративные тексты, в своей совокупности репрезентирующие дискурс воспоминания.

Предмет исследования – способы нарративной организации дискурса воспоминания вокруг концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE.

Гипотеза исследования состоит в том, что концепт ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE онтологизуется в языке в виде нарратива.

Цель работы – рассмотреть, каким образом организуется и функционирует дискурс вокруг концепта ВОСПОМИНАНИЕ/ REMINISCENCE.

Для реализации поставленной цели и подтверждения гипотезы нами были поставлены следующие **задачи**:

1) Сопоставить критерии событийности и признаки события для проведения более полного анализа событий в текстах эксперимента.

2) Уточнить типологию события как темы дискурса воспоминаний.

3) Составить лексикографическое описание концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE.

4) Составить типологию дискурса воспоминаний и выявить разновидности функционирования концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE в дискурсе воспоминаний.

5) Сопоставить структурные элементы нарратива, и соотнести их с базовым определением нарратива для проведения анализа нарративных текстов из материалов эксперимента.

На защиту выносятся следующие **положения** диссертационного исследования.

1) Общим понятийным ядром концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE для русского и английского языков является «мысленное воспроизведение чего-либо, сохранившегося в памяти». Данная формулировка является межкультурным инвариантом. Содержание концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE имеет характер языковой универсалии.

2) Уточненное содержание термина «событие» включает в себя:

а) простое событие как последовательность действий или состояний, результатом чего является изменение положения дел в мире;

б) сложное событие как ряд взаимосвязанных простых событий, которые вместе формируют значение либо процессуальности, либо повторяемости;

в) макрособытие, или последовательность простых и сложных событий, временные параметры которых обычно ограничены контекстом макрособытия.

3) Макрособытие в речевой деятельности (дискурсе) порождает нарратив.

4) Дискурс воспоминаний является разновидностью автобиографического дискурса и выделяется из последнего по параметру «тема». Темой дискурса воспоминаний является макрособытие.

5) Нарратив является прототипической формой существования автобиографического дискурса.

6) Концепт ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE онтологизуется в языке как нарратив.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней на примере феномена воспоминания выявлена и описана связь таких лингвистических сущностей, как концепт, дискурс и нарратив. Помимо этого, предложена типология событий иерархического типа, в определенной степени связывающая типы событий и их восприятие в сознании человека. Данная типология может быть использована в качестве теоретической базы для дальнейшего изучения феномена события и выяснения его значения в нарратологии. Особенности выявленной связи между концептом, нарративом и дискурсом на примере феномена воспоминания могут быть использованы в рамках изучения теории языка, общей теории дискурса и теории нарратива.

Практическая ценность исследования состоит в том, что полученные в процессе исследования результаты могут быть использованы в теоретических и практических курсах общего языкознания, в курсах лекций по лингвистике дискурса, когнитивной лингвистике, интерпретации текста, в практике преподавания языков. Материал исследования может служить для разработки тематики курсовых и дипломных работ.

Основополагающими **методами** исследования стали такие общенаучные методы, как наблюдение, синтез и анализ, объяснение и сравнение, метод дедукции и индукции, экспериментальный метод. Помимо этого, использовались методы более частного характера: методы компонентного, контекстуального и лингво-аксиологического анализа, метод интерпретации. В данной работе нашли применение некоторые методы концептуального анализа, в частности

лексикографическое описание концепта, этимологическое описание слов *воспоминание* и *reminiscence*, анкетирование и комментирование.

Материалом диссертационного исследования послужили 219 текстов - анкет, полученных по электронной почте, из них 108 – на русском языке и 111 – на английском. Помимо этого, мы воспользовались материалами 7 толковых, 4 ассоциативных и 1 этимологического словарей русского языка, 8 толковых, 2 ассоциативных и 1 этимологического словарей английского языка.

Апробация работы. Результаты проведённого исследования обсуждались на заседании кафедры перевода и переводоведения ИГУ. По теме диссертации были сделаны доклады на Всероссийских научно-практических конференциях в МГЛУ ЕАЛИ «Проблемы устойчивого развития гуманитарных и естественных наук» в 2015 и 2016 гг., а также на конференции молодых учёных, проходившей в МГЛУ ЕАЛИ с 1 по 4 марта 2016 года «Современные проблемы гуманитарных и естественных наук». Основные положения работы были изложены в четырёх статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях: «Вестник ИГЛУ», «Вестник БГУ», «Вестник МГЛУ».

Структура работы. Содержание работы и её структура были определены в соответствии с поставленными целью и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

Во введении изложены актуальность темы исследования, обоснована его научная новизна, указаны объект и предмет исследования, его гипотеза, цель, а также задачи, поставленные для достижения цели, излагаются основные положения, выносимые на защиту. В этом разделе определяется теоретическая значимость и практическая ценность работы, перечислены основополагающие методы и материалы, использованные в работе.

В **первой главе** «Теоретические предпосылки феноменологической связи категорий «время» и «событие» с феноменом «воспоминание», как явствует из её названия, раскрываются теоретические предпосылки связи категорий времени и события с феноменом воспоминания. Категория времени как фундаментальная категория бытия подвергается осмыслению с древнейших времен, категория

события начала активно изучаться во многих отраслях гуманитарной науки с XX века, а феномен воспоминания совсем недавно привлек внимание филологов. Труды по феноменологии времени Э. Гуссерля помогают свести воедино вышеперечисленные сущности. Гуссерль предложил термин «внутреннего времени» как единственной реальности переживания событий. Это время служит своего рода «средой», в которой существуют воспоминания. Последнее трактуется нами как процесс интерпретации событий прошлого.

Событие как феномен принимается нами в трактовке М.М. Бахтина и Н.Д. Арутюновой. Далее, в данной главе анализируются типологии события, предложенные В.З. Демьянковым и В.Е. Гольдиным и вариант типологии события, принятый нами в настоящем исследовании. Рассматриваются также характеристики событийности, выделенные В. Шмидом и характеристики события, выделенные Н.Д. Арутюновой и проиллюстрированные примерами из материалов эксперимента.

Глава вторая «Организация и функционирование дискурса воспоминаний вокруг опорного концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE» дает описание эксперимента, проведенного нами для того, чтобы понять, каким образом организуется дискурс вокруг концепта ВОСПОМИНАНИЕ/ REMINISCENCE, имеющего индивидуальный характер. Для этого нами, во-первых, осуществлено лексикографическое описание концепта ВОСПОМИНАНИЕ/ REMINISCENCE по материалам толковых, ассоциативных и этимологических словарей русского и английского языков. Во-вторых, дано пояснение того, как функционирует вышеупомянутый концепт в дискурсе. Дискурс воспоминаний признается нами разновидностью автобиографического дискурса, выделяемого из последнего по параметру «тема» и функционирует в виде нарратива. Далее приводится краткая характеристика функционально-прагматических особенностей дискурса воспоминания по типологии В.И. Карасика и утверждается его принадлежность Дискурсу Различий согласно теории эволюции дискурса А.М. Каплуненко. Затем следует анализ текстов, репрезентирующих дискурс воспоминаний.

Анализируются формы организации этих текстов и выявляются коммуникативные стратегии их авторов.

Глава третья «Структура и функционирование нарратива в дискурсе воспоминаний» рассматривает нарратив как способ организации дискурса воспоминаний вокруг концепта ВОСПОМИНАНИЕ/ REMINISCENCE. В качестве теоретической базы для анализа нарративных текстов взяты работы У. Лабова и Дж. Валетски, Е.В. Падучевой, В. Шмида, Э. Окс и Д. Капс. Тексты автобиографического характера, полученные нами в ходе эксперимента, анализируются на предмет наличия признаков личностного нарратива в трактовках Е.В. Падучевой и В. Шмида. Центральное место в данной главе занимает исследование композиционно-содержательного варьирования нарративных жанров в описании концепта ВОСПОМИНАНИЕ/ REMINISCENCE, выполненное на экспериментальном материале в соответствии с теоретическими положениями, выдвинутыми Р. Бартом и вышеупомянутыми авторами – нарратологами.

В заключении изложен ход рассуждений, обосновывающих структуру настоящего исследования, обобщены его теоретические и практические результаты. Сформулированы основные итоги работы и предложены перспективные направления дальнейшей работы по данной теме.

Библиография включает 161 наименование (из них 30 на иностранных языках).

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СВЯЗИ КАТЕГОРИЙ «ВРЕМЯ» И «СОБЫТИЕ» С ФЕНОМЕНОМ «ВОСПОМИНАНИЕ»

1.1 Категория времени: между объективностью мира и субъективностью восприятия

Проблема времени традиционно считается одной из фундаментальных в изучении человека и природы.

Время является неотъемлемой частью бытия. Поэтому определенное истолкование времени входит как в обыденное сознание, так и в разные области науки и духовной культуры: грамматику естественного языка, мифологию, философию, теологию, искусство и литературу. Способы его измерения различны: движение небесных тел, психологическое восприятие, смена времен года, биологические ритмы, исторические эпохи, процесс счета, часы.

Научное исследование времени традиционно сосредоточено в физике. В этой области научного знания «процедура измерения времени осуществляется за счет мысленной остановки течения времени, необходимой для того, чтобы можно было приложить эталон к измеряемому времени. Такой прием называют опространствованием времени, или его геометризацией» [Казарян, 2009, с. 59]. В современной физике, в частности, С. Хокингом, предложены так называемые «световые конусы» как модели прошлого, настоящего и будущего для определенного события: «свет, распространяясь из некоего события в четырехмерном пространстве – времени, образует в нем трехмерный конус. Это конус называется световым конусом будущего или прошлого для данного события» [Хокинг, 2015, с.42]. Данная модель в графическом исполнении представляет собой подобие фигуры «песочные часы», где точкой соприкосновения двух конусов – прошлого и будущего – является настоящий момент.

В физике время – условная сравнительная мера движения материи, а также одна из координат пространства-времени, вдоль которой протянуты мировые линии физических тел. Иными словами, то или иное состояние пространственной организации живых систем (в 3-х мерном пространстве) всегда относится к какому-то определенному моменту (до, после). Развертывание структуры в пространстве неотделимо от развертывания ее во времени, которое для системы становится четвертым измерением. Пространство в естествознании выражает протяженность, порядок и характер размещения материального объекта, их взаимное расположение. Время в естествознании отражает последовательность процессов изменений и длительность существований объекта. Нетрудно заметить, что такие толкования – результат опыта измерения времени категориями пространства.

И Аристотель, и Ньютон верили в абсолютное время. Они полагали, что временной интервал между событиями можно измерить и результат будет одинаков при условии правильности работы измерительных механизмов (часов). В общей теории относительности нет единого абсолютного времени, пространство и время – динамические величины, «когда движется тело или действует сила, это изменяет кривизну пространства и времени, а структура пространства и времени, в свою очередь влияет на то, как движутся тела и действуют силы» [Хокинг, 2015, с. 51].

Современная физика признает существование трех, одинаково важных аспектов времени:

1. Время отмечает моменты во Вселенной, где время – это координата, помогающая находить объекты.
2. Время измеряет продолжительность периодов между событиями, т.е. то, что измеряется с помощью часов.
3. Время – это среда, сквозь которую мы движемся. Мы движемся сквозь него или время протекает сквозь нас – с точки зрения физики не имеет никакого значения.

При этом данные три аспекта не обязательно должны быть взаимосвязаны – скорее, они представляют собой логически независимые понятия [Кэррол, 2016, с. 20-21].

Особый интерес для целей нашего исследования представляет определение, связывающее пространство и время, которое дает основатель хроногеометрии д. ф.-м. наук, академик А.Д. Александров: «Пространство и время есть множество событий в мире, отвеченное от всех его свойств, кроме тех, которые определяются системой отношения воздействия одних событий на другие» [Александров, 1959 с. 273, 308]. В данном определении в ряд фундаментальных категорий «пространство» и «время» вводится категория «событие», как бы предвосхищая то значение события, которое оно приобретет в современной философской науке.

С. Хокинг также связывает воедино время, пространство и событие: «событие – это нечто, происходящее в определенной точке пространства и в определенный момент времени» [Хокинг, 2015, с. 40].

Выдающийся отечественный философ и литературовед М.М. Бахтин также отмечал существование почти полной аналогии «между значением временных границ и границ пространственных в сознании другого и в самосознании» [Бахтин, 1979, с. 97]. Это соотношение идей времени и пространства нашло отражение в его трудах по филологии. М.М. Бахтин ввел в филологическую науку термин хронотоп – «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений. ... В хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, вытягивается в движение» [Бахтин, 1975, с. 234].

Подтверждением соотнесённости времени и пространства в естественных языках можно найти в противопоставлении в пределах одной языковой единицы пространственных и временных значений, сопровождающемся определённым параллелизмом их структуры и функционирования. М. Кронгауз замечает, что это касается и знаменательной лексики (например, глаголы движения *идти*, *бежать*,

ползти и т.д. относятся и к перемещению в пространстве, и к течению времени), и служебных слов (например, предлоги *перед*, *после*, *в* и другие выражают отношения и в пространстве, и во времени) [Кронгауз, 2005, с. 180].

Таким образом, вопрос о связи пространства и времени важен не только для физики, но и для лингвистики. Связь этих ключевых категорий бытия и сознания человека неизбежно находит отражение в языке. В качестве примера такой связи в языке можно привести очевидную, давно известную особенность: пространственно-временной дейксис очень устойчив в речи детей и малограмотных людей. «Туда/там, сюда/здесь», а также «теперь/ тогда / потом» замещают в их общении целые ситуации; ср. исследования У. Лабова ещё в 1960-х годах [Лабов, 1975]. Первым это заметил ещё основатель теории дейксиса К. Бюлер [Бюлер, 1993]. Аналогичные рассуждения можно найти в монографии А.В. Кравченко [Кравченко, 1996].

Триада «прошлое – настоящее – будущее» доминирует в естественно-рассудочных представлениях о времени. Деление это несколько условно с точки зрения естественных наук, поскольку упирается в вопрос о границах настоящего, но для обыденного сознания является наиболее приемлемым.

Философия также не отказывается от этих понятий. Философский словарь под редакцией И.Т. Фролова трактует время как единство (целостность) прошлого, настоящего и будущего и характеризуется, прежде всего, длением, течением, открытостью. «Время длится – это значит, что настоящее существует. Смысл понятий «прошлое», «настоящее», «будущее» содержит два компонента. Один (абстрактный), остающийся жестким, неизменным ядром понятия, является чисто временным, связанным с существованием. Второй (конкретный) относится к событиям, наполняющим прошлое, настоящее, будущее, т.е. процессам в их завершённости, длительности или потенциальности, вероятности. Если происходят изменения конкретного наполнения настоящего, говорят: время течет. Время течет в будущее, события уходят в прошлое» [Философский словарь, 2001, с.103]. Метафоры «время – водный поток» и «время – идущий человек» очень близки опыту тела [Lakoff, Johnson, 1999, p. 141-142]. А это свидетельствует

о физическом ощущении времени; отсюда и биологическое время, и все иные теории, связанные с чисто субъективным переживанием.

В отличие от уже осуществившегося прошлого и от наполненного процессами настоящего, будущее не наполнено ничем действительным и открыто для созидания. Поскольку это свойство принято определять как открытость [Казарян, 2001, с. 103], у ряда учёных есть сомнения в том, что будущее обладает полными категориальными признаками времени (А.И. Смирницкий, Л.С. Бархударов, Р. Кингдон).

Из вышеприведённых рассуждений о времени следует, что его универсальное когнитивное представление имеет векторный характер. Любое перемещение в пространстве, изменение локации неминуемо отражается в естественно рассудочной логике, измеряется не как отрезок только пространства, но также времени. Более того, если речь идёт об изменении субстанции в процессе перемещения, для их общей характеристики предпочитают использовать категории времени. Неслучайно такие повседневные, бытийные процессы, как рост растений или живых организмов характеризуются высказываниями с предикатами времени [Кронгауз, 2005, с.180]: *«Но время летит, и вот мы уже старшеклассники», «Незаметно пролетели девять лет. И мы стали девятиклассниками».*

Тем не менее, время не тождественно изменению и изменяющемуся. Оно относительно независимо от них в том смысле, что время безразлично к тому, *что* именно изменяется. Показательный пример – короткая строка «Проходит жизнь, проходит сон...» стихотворения Б. Полоскина «Я люблю», где соседствуют весьма разные сущности, временные изменения которых объединены предикатом «проходит» [Полоскин, 2006, с.384].

Отношение современной науки к временной триаде достаточно определённо выражено С. Пристом: «В науке нет места для темпоральных категорий прошлого, настоящего и будущего. Физика имеет дело с порядком «до», «одновременно с» и «после». Чтобы понять, что «до», «одновременно с» и «после» не означают прошлое, настоящее и будущее, обратим внимание, что

прошлое означает «до сейчас», будущее – «после сейчас», а «сейчас» означает «когда я есть» и «когда я говорю (или думаю это)». Это субъективные, или самоцентрированные понятия. «До», «одновременно с» и «после» являются объективными отношениями, которые могли бы иметь место, если бы не было сознательных существ. Прошлое – всегда чье-то прошлое, Будущее – всегда чье-то будущее. Настоящее – чье-то настоящее. Науке нечего сказать о человеческом времени» [Прист, 2000, с. 8-9].

Таким образом, несмотря на то, что большинство физиков утверждают принципиальную тождественность прошлого, настоящего и будущего, с точки зрения личностной, естественно рассудочной логики они не равнозначны. Только настоящее доступно нашему непосредственному восприятию, равно как и действия с реальными объектами. Прошлое и будущее всегда представлено образами объектов физического мира, а не самими объектами. Но это – субъективные образы, потому что переживание прошлого и будущего субъективно.

Время принадлежит не только внешнему миру, но и внутреннему миру человека. Человек не только познает время, но и переживает его существование. [Казарян. URL:http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/kazaryan_filosofskie.pdf]. И переживает он его, потому что присваивает результаты того что происходит лично с ним, с человеком, с течением времени.

Итак, естественно рассудочная логика оперирует понятиями «прошлое», «настоящее» и «будущее», но сугубо субъективно, полагая конкретного индивидуума точкой отсчета в каждой данной конкретной системе временных координат. В обыденном сознании сосуществуют время внешнее, астрономическое (часы, календари) и время внутреннее (события, переживания), причем последнее превалирует в том смысле, что именно оно обуславливает и формирует жизненный опыт личности.

1.2 Феноменологический поворот в научных представлениях о времени

Переживание времени во внутреннем мире человека стало из основных проблем, изучением которых занялась феноменология.

Феноменологический поворот в представлениях о времени начался с трудов Ф. Brentano и наиболее полно оформился в теории его ученика Э. Гуссерля. Эдмунд Гуссерль во многих своих трудах подробно исследовал механизм восприятия времени человеком и даже посвятил данной проблеме отдельную книгу «Феноменология внутреннего сознания времени». В этой работе Гуссерль проводит границу между объективным временем, измеряемым хронометрами и имманентным временем протекания сознания. Под последним он подразумевает не время мира, не длительность вещи, но «являющееся время, являющуюся длительность как таковые» [Гуссерль, 1994, с. 6]. Акцент, сделанный на длительности – это способ взглянуть на время через пространство. А, значит, физические опыты сообразны с естественно рассудочным образом времени. Подтверждение теории Гуссерля можно найти в трудах Р. Декарта, который выделял только две категории – мысль и протяженность. Последняя вбирает в себя и время, и пространство [Декарт, 1989].

Э Гуссерль анализирует время, опираясь на различие объективного и имманентного времени. Им выделены три уровня временного протекания: трансцендентное объективное время, имманентное время длительности временного объекта, имманентное время самого потока восприятия. Предметом собственно феноменологического анализа может стать только имманентное время потока восприятия [Гуссерль, 1994. с. 6].

Гуссерль настаивает на первичности имманентного, или, иными словами, внутреннего времени по отношению к объективному трансцендентному, или внешнему, времени. В качестве доказательства данного утверждения учёный ссылается на то, что в опыте изначально временная последовательность переживается субъективно, и только потом мыслится объективное время. Данная последовательность, по утверждению Гуссерля, – есть истинный порядок соотношения внутреннего и объективного времени. Иными словами, объективное

время строится, исходя из внутреннего времени, а не только противопоставляется ему. Фактически излагается универсальная модель времени – но в сознании субъекта.

Гуссерль придерживается стандартных временных измерений – настоящее, прошедшее, будущее – в восприятии предмета, но в несколько видоизмененном виде. Вместо настоящего у Гуссерля точка «Теперь» – первоначальная импрессия; прошлое – это ретенционное сознание, как удерживание в области трансцендентального сознания некогда актуальных моментов времени «Теперь»; будущее – протенция, или предвосхищение. Настоящее воспринимается не как мгновение, не как точка, а как некий фрагмент (её ближайшие окрестности). То, что в объективном времени уже ушло в прошлое, продолжает ещё некоторое время актуально восприниматься сознанием, хотя и в изменённом виде. Для структуры восприятия в первичной импрессии, т.е. имеющий точку «Теперь», характерно то, что в каждый момент «Теперь» остаются ретенциальные точки длящегося объекта [Гуссерль, 1994].

Здесь можно напомнить, что выше (см. раздел 1.1. данной работы) уже отмечалась опорная роль дейктика «теперь» в представлениях о времени ребёнка и малограмотного человека.

Модель феноменологического сознания времени состоит из системы воспроизводящих актов воспоминания и имагинации. В сознании субъекта могут существовать два типа восприятия временных объектов – восприятие реального объекта (собственно восприятие) и восприятие воображаемых временных объектов (воспоминание). Длительность воспоминания произвольна, точка «Теперь» в воспоминании неактуальна, что позволяет утверждать сугубую субъективность воспоминания.

Таким образом, сознание времени по Гуссерлю – это акт в настоящем (точнее, само настоящее, интенция), включающий в себя прошлое (ретенцию) и будущее (протенцию).

В более поздней своей работе «Картезианские размышления» Э. Гуссерль, оперируя интроспективными психологическими категориями, говорит уже о

всеобъемлющем синтезе «в форме непрерывного сознания внутреннего времени» [Гуссерль, 2002, с. 373]

Другая сущность, обращение к которой проходит через большинство трудов Гуссерля – это ego (чистое «Я»), обладающее заключёнными в нём содержаниями, – то, чей «взор» проникает «сквозь» любое актуальное cogito, направляясь к предметному»; сопровождая все переживания, оно само не является переживанием [Гуссерль, 2002, с. 158, 161; Гуссерль, 1999, с. 38-39]. Само чистое Я лишено содержаний и, соответственно, не подлежит описанию [Гуссерль 1999.с. 176]. Его бытие («Я есмь») – аподиктическая очевидность [Гуссерль, 2002, с. 264]. «Ego само есть сущее для самого себя в непрерывной очевидности и, следовательно, непрерывно конституирующее себя в себе самом как сущее. [...] Ego схватывает себя не просто как текущую жизнь, но как Я, как мое я, которое переживает то или иное содержание, которое, оставаясь одним и тем же, проживает то или иное cogito» [Гуссерль, там же, с. 87].

Таким образом, единство сознания по Гуссерлю может трактоваться как внутреннее время ego – единственная реальность переживания [Воскобойник, 2004, с.45]. Предмет восприятия и переживания заключен в сознании как смысл, «т. е. как интенциональный результат синтетической работы сознания» [Гуссерль, 2002, с. 375]. Синтез смыслов здесь представляет собой разнесенные временные отрезки восприятия событий внутреннего времени. В конечном итоге, «...все в тот или иной момент обнаруживаемые посредством рефлексии переживания ego непременно предстают как упорядоченные во времени, как начинающиеся и заканчивающиеся во времени, как одновременные и последовательные – в постоянном бесконечном горизонте имманентного времени» [Гуссерль, там же].

Этот вывод, сделанный Гуссерлем, перекликается с приведенной нами выше цитатой С. Приста о субъективности человеческого времени, т.е. времени, которое переживается и присваивается человеком. Время в феноменологии – «это не природное, хронологически измеримое время, а форма лишь представленной, созерцаемой, осмысленной действительности, форма, вмещающая субъективный смысл времени, переживание, в котором время проявляется в трансцендентном

смысле, а также моменты переживания, обосновывающего понимание времени как такового» [Кормин, 1996, с.57].

Таким образом, время у Гуссерля отделено от пространственно-ориентированного человеческого бытия, оно обнаруживается через ощущения, чувства, события, впечатления как результат переживания события. События, как мы уже упоминали в первом разделе нашей работы, имеет особое значение в осознании времени, являясь, по определению А.Д. Александрова, его составной частью. В свою очередь, впечатление трактуется нами как результат переживания события или макрособытия.

Таким образом, прошлое как часть временной триады хранится в памяти индивидуума в виде событий, чувств, эмоциональных переживаний. Характер событий может быть разный, но в основе его лежит впечатление, чувство, эмоции. Иногда это действительно серьезное эмоциональное потрясение, которое невозможно забыть именно потому, что запомнилось чувство. Как пишет один из участников анкетирования (нами был проведен эксперимент – письменный опрос носителей английского языка как родного и русского языка, подробнее об этом эксперименте см. Главу 2, раздел 2.1 настоящего исследования), *«так получилось, что гиря отлетела и ударила моего друга Сашу в висок. Он упал в обморок. В тот момент я так испугался, что от страха чуть сам рядом не лег»*. Иногда запоминается комичность ситуации, например, описанной в тексте другого участника опроса: *«в день выпускного я сдавал экзамены на права и чуть не опоздал на вручение аттестата»*. Но самое главное – эти два события в результате личного переживания стали впечатлениями.

Прошлая реальность, равно как и настоящая, – это не статическое состояние, а динамический процесс. Она происходит, а не существует, она состоит из событий, а не из объектов [Штомпка, 1996.с. 266]. По Гуссерлю время – это сущность, постигаемая в личностном пространстве. К аналогичным выводам пришел и основатель теории систем Людвиг фон Берталанфи, выдвинувший концепцию биологического времени. Суть последней в том, что одни и те же события

интерпретируются по-разному одним и тем же человеком в разном возрасте [Берталанфи, 1973].

В юном возрасте время длится, а в преклонном – летит. Точка отсчета времени – личностное восприятие, личный опыт. Интересный материал для анализа личностного восприятия был получен нами в одном из текстов эксперимента: «(1) *Да, это были счастливые годы.* (2) *Из всех лет я вернула бы 10 и 11 классы.* (3) *Мы в классе никогда не ругались, жили дружно и боялись учительницы химии, очень странную женщину в парике*». В высказывании доминирует положительная эмоционально-оценочная составляющая смысла (предложение (1) и (2)). В подтверждение предложений (1) и (2) автор в предложении (3) пишет не только то, что их класс был очень дружный (= «очень хороший» с точки зрения русского мировосприятия), но и о страхе, внушаемом учительницей. Безусловно, во время учебы такая эмоция была несовместима с позитивными впечатлениями. Такое соседство оказывается возможным только в ретроспективе, а точнее – в воспоминаниях о макрособытии «школьные годы». Следовательно, можно утверждать, что феноменологическое субъективное время меняет не только последовательность, но также и оценку событий. Детские страхи в ретроспективе могут вызывать улыбку.

Далее, обращает на себя внимание грамматическое значение предиката в предложении (3), а именно его несовершенный вид. Значит, речь идет о неоднократном характере действий. Единичное событие «Мы испугались, увидев, как учительница химии неожиданно сняла свой парик» знаменует изменение положения дел в мире (не боялись – испугались) и в воспоминаниях обычно становится темой и фокусом соответствующего нарратива (ср. предыдущий пример, в центре которого инцидент с гирей). Единичное событие скоротечно, однако, воспоминание о нём насыщено деталями, подробностями, за которыми – эмоциональность переживания. И, напротив, повторяющееся событие утрачивает в воспоминании такие детали и подробности, переходит в ранг одного из множества перечисляемых событий под эгидой темы макрособытия.

С точки зрения личности, только события и объекты настоящего времени – материальны; события будущего и прошлого в каждый момент времени существуют в отстранённом, нередко – идеализированном виде. В виде впечатлений существуют события прошлого. В виде предполагаемых и\или воображаемых событий – в будущем. Поскольку автобиографический дискурс обращён в прошлое, он тяготеет к нарративу, в котором господствуют субъективные переживания событий, расширяющие или, наоборот, сжимающие их временные рамки сообразно значимости, приданной каждому событию во внутреннем времени его.

1.3 Событие как мера времени в личных представлениях

До сих пор мы пользовались понятием «событие», опираясь на ту часть его содержания, которая ясна по умолчанию. Теперь необходимо остановиться на содержании этого понятия более подробно.

Категория события в последнее время привлекает повышенное внимание представителей гуманитарных наук – философов, социологов, психологов, лингвистов. Истоки этого интереса мы находим у Э. Гуссерля, который связал время и событие в своих поздних произведениях. Здесь Гуссерль определяет ощущения как «временные события», тем самым подчеркивая важность события для понимания внутреннего времени [Гуссерль, 2002, с. 374].

З. Вендлер определяет события как, прежде всего, временные сущности [Vendler, 1967, p.144]. Связь времени и события указана в определении времени А.Д. Александрова. Считаем уместным ещё раз привести его: «Пространство и время есть множество событий в мире, отвлеченное от всех его свойств, кроме тех, которые определяются системой отношения воздействия одних событий на другие» [Александров, 1959, с. 273, 308]. Таким образом, устанавливается связь между временем и событием на базовом, философском уровне. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что событие выполняет функцию структурирования времени, события – это своеобразные «точки» на оси координат времени. Помимо этого, события служат для периодизации времени. Подтверждением этому служит тот факт, что хронологическое время события определяется по его содержательной характеристике (примеры из текстов эксперимента: *«после выпускного вечера нас объединили со вторым классом»*, *«когда я учился в 9 классе, наша школа развалилась»*, или рассказ А.П. Чехова *«Живая хронология»*).

Феноменология события занимала важное место в работах М.М. Бахтина. Важнейший вопрос его философии – это событие бытия, главным условием существования которого является способ бытия человека, а основной вопрос – это человеческое событие с точки зрения его воплощения, то есть бытия в мире с другими. «Акт нашей деятельности, нашего переживания, как двуликий Янус,

глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни, но нет единого и единственного плана, где оба лика взаимно себя определяли бы по отношению к одному единственному единству. Этим единственным единством и может быть только единственное событие свершаемого бытия» [Бахтин, 1986, с. 80]. М. Бахтин, как и Э. Гуссерль, рассматривает дихотомию объективного и внутреннего времени, но в другом ракурсе. Событие у Бахтина – это суть впечатления, создающие своего рода идиосинкразию, чувствительность, удлиняющую временной промежуток.

Категорией, объединяющей прошлое, настоящее и будущее у Бахтина выступает категория перехода. «Но самый момент перехода, движения из прошлого и настоящего в будущее (в смысловое, абсолютное будущее, не в то будущее, которое оставит все на своих местах, а которое должно наконец исполнить, свершить, будущее, которое мы противопоставляем настоящему и прошлому как спасение, преобразование и искупление, то есть будущее не как голая временная, но как смысловая категория, то, чего еще с ценностной точки зрения нет, что еще не предопределено) – этот момент есть момент чистой событийности во мне, где я изнутри себя причастен единому и единственному событию бытия» [Бахтин. Автор и герой в эстетической деятельности. URL: <http://teatr-lib.ru/Library/Bahtin/esthetic/>]. Вышеприведенные слова перекликаются с идеями Гуссерля о переживании внутреннего времени его. Тем не менее, есть тонкость, которая заставляет отнести к мысли отечественного исследователя с глубоким вниманием. М.М. Бахтин пишет о переживании именно события. Именно в категории перехода сталкиваются, по Бахтину, внутренняя динамика события и темпоральная интерпретация события. В качестве иллюстрации приведем отрывок из текста одного из наших респондентов, студента железнодорожного вуза: *«но все же самым заметным воспоминанием был тот день, когда я впервые увидел тепловоз на работе у брата. Тепловоз был большой, мощный, красивый, мне сразу захотелось прокатиться на нем»*.

В событии, описанном в этом тексте, прошлое, настоящее и будущее соединяются, восходя к макрособытию «выбор профессии». По единичному событию «тепловоз на работе у брата» запомнилось всё остальное. Такие события – это то самое впечатление, та самая идиосинкразия, о которой говорилось выше, удлиняющая временной отрезок. Неслучайно автор помнит именно это как *«самое заметное воспоминание»*, поскольку в его памяти закрепились единичное событие, за которым стоит эмоциональное переживание и которое способно «захватывать» время, включая прошлое, настоящее и будущее. Следовательно, выбор автором профессии, связанной с железной дорогой, в какой-то степени обусловлен вышеприведенным событием.

И на уровне языковом, и на уровне понятийном, событие обладает определенными характеристиками, которые реализуются в соответствующих структурах – языковых или когнитивных.

Событие по-разному определяется лингвистами. В.З. Демьянков в своей работе «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста» предлагает различать три разновидности понятия «событие»:

а) *событие как идея*; его аналогом, видимо, является интенционал имени или дескрипции; два неидентичных события – идеи могут в пространстве и времени полностью накладываться друг на друга; например, *«Я решила, что буду поступать в вуз ...»* – идея-событие А. *«В 10 классе я уже начала решать ... какие экзамены мне нужно сдавать для поступления в вуз»* – идея-событие В.

б) *собственно событие*, или *референтное событие*; его аналог – конкретный референт (экстенционал) имени – конкретный объект, занимающий конкретное же положение в пространстве – времени [Демьянков, 1983, с. 320], это – прообраз для идеи-события, которая в свою очередь дает его интерпретацию; если говорят, что два события происходят одновременно в одном и том же месте, значит, мы имеем два разных события – идеи, но одно референтное событие, рассматриваемое с разных точек зрения; Развивая тему, которой посвящены примеры события-идеи, можно дать следующий пример референтного события: референтное событие *«После сдачи экзаменов передо мной стоял трудный выбор – поступить после 9*

класса в колледж или закончить все 11 классов» предшествует событию ««Я решила, что это будет профессия, связанная с работой с людьми и управлением в организации».

в) *текстовое событие* в его атрибутах, «осциллирующих» в интерпретации (отдаленная аналогия его – «звуковая оболочка» имени). Так, текстовое событие может устанавливать течение событий плавно, без возвращения на начало и без исправлений, а может быть переполнено противоречивыми деталями, заставляющими выбирать то одну, то другую гипотетическую интерпретацию, т. е. соотносить текстовое событие то с одной идеей-событием, то с другой, при этом то предполагая наличие референтных событий, то полностью осознавая их невозможность. Между идеями-событиями и референтными событиями в рамках одной и той же интерпретации текста существуют соотношения типа «Идея-событию А, являющемуся причиной для идеи-события В, может соответствовать только такое референтное событие, которое происходит раньше референтного события для В» [Демьянков, 1983, с. 20-23]; подобной соотнесенности нет между идеей-событием и текстовым событием. Забегая вперед, не можем не указать, что текстовое событие у В.З. Демьянкова соотносится с макрособытием по Т. ван Дейку. Последнее рассматривается ниже, в разделе 1.4 присутствует более подробное рассмотрение термина «макрособытие». Упомянем лишь, что трактуем макрособытие как последовательность простых и сложных событий, которые в сознании дают впечатление, а в речевой деятельности (дискурсе) – нарратив. Собирая воедино приведенные выше примеры, мы получаем текстовое событие «Школьные годы в старших классах»: «Я решила, что буду поступать в вуз ...» – идея-событие А. «В 10 классе я уже начала выбирать ... какие экзамены мне нужно сдавать для поступления в вуз» – идея-событие В. Референтное событие «После сдачи экзаменов передо мной стоял трудный выбор – поступить после 9 класса в колледж или закончить все 11 классов» предшествует событию «Я решила, что это будет профессия, связанная с работой с людьми и управлением в организации».

В некотором смысле триада Демьянкова перекликается, по нашему мнению, с идеей М.М. Бахтина об интенсивности и экстенсивности события [Бахтин. Формы времени и хронотопа в романе. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronotop1.html].

Поскольку М.М. Бахтин не уточняет содержание терминов «экстенсивность» и «интенсивность», логично различать их в общепринятом смысле по линии категорий количества и качества: экстенсивность полагает наращение количества внешних признаков события, в то время как за интенсивностью стоит своего рода внутреннее уплотнение события в результате его переживания субъектом.

Текстовое событие по В.З. Демьянкову приближает нас к идее нарратива как обязательной речевой ипостаси концепта ВОСПОМИНАНИЕ/ REMINISCENCE. Поскольку речь идет о повествовательном тексте и событии, нельзя не упомянуть работы Ю.М. Лотмана в этой области. Ю.М. Лотман исследовал событие в рамках изучения повествовательного текста и определял его как «перемещение персонажа через границу семантического поля» [Лотман, 1970, с. 282], или как «пересечение запрещающей границы» [там же, с. 288]. Данное определение представляет интерес для нашего исследования в силу двух причин. Во-первых, автобиографические тексты, по результатам нашего исследования (подробнее см. Главу 3 настоящего исследования) являются повествовательными; во-вторых, опираясь на данное определение, В. Шмид трактует понятие событийности в рамках авторской теории нарративности, к которой мы обращались в ходе нашей работы (см. Главу 3 настоящего исследования). Граница, о которой идет речь у Ю.М. Лотмана, может быть как топографической, так и прагматической, этической, психологической или познавательной. Таким образом, событие заключается в некоем отклонении от законного, нормативного в данном мире, в нарушении одного из тех правил, соблюдение которых сохраняет порядок и устройство этого мира [Шмид, 2003, с. 11].

В своей работе «Нарратология» В. Шмид выделяет такое свойство нарратива, как событийность. Событийность трактуется им как наличие изменения некоей исходной ситуации, независимо от того, указывает ли данный текст на причинные

связи этого изменения с другими своими тематическими элементами или нет [Шмид, 2003, с.10-11]. В качестве условий существования событийности он выделяет:

- фактичность, или реальность;
- результативность.

Реальность или фактичность события состоит в том, что изменение должно действительно произойти. Для события недостаточно, чтобы субъект действия только желал изменения, о нем мечтал, его воображал.

С фактичностью связано другое основное условие событийности: результативность. Изменение, образующее событие, должно быть совершено до конца наррации (результативный способ действия). Нельзя говорить о событии, если изменение только начато (инхоативный способ действия), если субъект только пытается его осуществить (конативный способ действия) или если изменение находится только в состоянии осуществления (дуративный способ) [Шмид, 2003, с.14].

О самой же событийности Шмид пишет как о свойстве, которое подлежит градации. Иными словами, существуют степени событийности, изменение может быть событийным в большей или меньшей мере. Критерии степени событийности по Шмиду – это 1) релевантность изменения; 2) непредсказуемость; 3) консекутивность; 4) необратимость; 5) неповторяемость. Первые два критерия являются основными. Рассмотрим текст одного из наших респондентов. Событие, описанное в нем, отвечает большинству критериев событийности, т.е. обладает высокой степенью последней: *«(1) Из всех событий, произошедших в старших классах, мне лучше всего запомнилось, как я первый раз сел за руль автомобиля. (2) Это были незабываемые впечатления, я не могу забыть их до сих пор. (3) После этого я каждый день стремился сесть за руль, постоянно думал об этом. (4) Каждый вечер мы с друзьями просили у родителей машины и катались».*

(1) Событие обладает большой значимостью для автора, это подтверждается выбором именно этого эпизода в качестве маркера школьной жизни (*Из всех событий, произошедших в старших классах ...*), несмотря на то, что к школе это

не имеет никакого отношения. Таким образом, релевантность события для жизни автора не вызывает сомнений. Данное событие необратимо хотя бы потому, что сесть за руль именно в первый раз можно только единожды.

(2) Преобладает положительная эмоционально-оценочная составляющая. Наличие речевой избыточности (*незабываемые впечатления, я не могу забыть их до сих пор*) свидетельствует именно об эмоциональном восприятии данного события. Событию присвоен высокий ранг во внутреннем времени автора.

(3) Ярко выраженная консекутивность события в мышлении, наличие ретенция – удерживание эпизода в сознании автора после совершения события (*постоянно думал об этом*).

(4) Консекутивность события в действиях – последствием события (1) становятся другие события – *просили у родителей машины и катались*. Можно говорить об изменениях в жизни автора в результате совершения события.

Н. Д. Арутюнова в своей работе «Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт» предлагает наиболее полную, с нашей точки зрения, характеристику понятия «событие». Событие у Н. Д. Арутюновой – это *со-бытие*, т. е. оно наполняет собой бытие людей. Н.Д. Арутюнова выделяет следующие признаки события (примеры взяты из текстов, полученных в ходе эксперимента):

1. Отнесенность к жизненному пространству. События всегда личностны и социальны, в них есть указание на сферу жизни: *«Для меня школьные годы – это самые яркие моменты моей жизни, особенно 10 и 11 классы, тогда у нас всего один был выпуск. Там я нашла себе подруг. Подруги были «сорви - голова».* Сфера жизни «школьные годы» пересекается со сферой «друзья».

2. Принадлежность к магистральной линии жизни. На оси жизни событие, по словам Н.Д. Арутюновой, занимает особое, выделенное место, это – веха, иногда поворотный пункт. События часто определяют ход дальнейшей жизни [Арутюнова, 1988, с.172]. Иллюстрацией к данному признаку может служить приведенный в разделе 1.3 рассказ о тепловозе, событии, подтолкнувшем автора выбрать профессию железнодорожника.

3. Динамичность и кульминативность, «сценарность», неконтролируемость. Другой пример из школьной жизни одного из респондентов содержит, по нашему мнению, все эти четыре признака: *«Однажды мы разбили плафон в своем кабинете – кинули портфель друг другу, портфель задел этот самый плафон, и плафон вдребезги разбился прямо у нас на глазах»*. Динамика события прослеживается предельно наглядно, действия следуют одно за другим – *«кинули портфель, портфель задел ... плафон, плафон ... разбился»*. Точка осуществления события – *«плафон вдребезги разбился прямо у нас на глазах»* – знаменует собой кульминацию события. Поскольку наличествует кульминация и отрывок достаточно четко структурирован, то можно говорить о сценарности события, положенного в основу рассказа о разбитом плафоне. И хотя плафон разбился не сам по себе, а после попадания в него портфелем, произошло это непреднамеренно, случайно. Налицо неконтролируемость события, произошедшего спонтанно, как независимое, или, скорее, как не полностью зависящее от воли человека [там же, с. 173].

4. Слабая структурированность, целостность, отвлеченность от временной протяженности. На первый взгляд, такие характеристики события, как «сценарность» и слабая структурированность, противоречат друг другу. Но, как будет пояснено ниже, это характеристики разных типов событий. В качестве примера, содержащего все три характеристики, приведем нижеследующее: *«... нас объединили в один класс, в котором было восемь мальчиков и восемь девочек. Мы очень сильно сдружились, хотя до объединения классов были самыми заядлыми соперниками – во время всех соревнований и других мероприятий или ожесточенные «бои» между двумя параллельными классами»*. Слабая структурированность прослеживается на протяжении всего отрывка: *«мы очень сильно сдружились»* – это не целенаправленное действие, так же, как и *«или ожесточенные «бои»*. Нет указания на то, как часто и каким образом происходили «бои», отмечена только полнота охвата – *«во время всех соревнований и других мероприятий»*. Нет описания процесса становления дружбы внутри класса, сколько времени потребовалось на то, чтобы

одноклассники установили дружеские контакты – налицо целостность события и отвлеченность от временной протяженности.

5. Единичность и счетность. Такими характеристиками, как единичность и счетность, обладают приведенные выше примеры о разбитом плафоне, о поездке на тепловозе, об ударе гирей по голове. В примерах, где говорится о страхе перед учительницей в парике, о подругах, о соперничестве в параллельных классах эти признаки отсутствуют.

6. Отсутствие логической необходимости существования как признак, отличающий событие от состояния, качества, свойства и других форм бытия, присутствует во всех приведенных нами примерах так же, как и функциональность, недескриптивность обозначения конкретных событий.

7. Преимущественная включенность в интерпретирующий контекст. Мы полагаем, что данная характеристика события соотносится с признаком 1 «Отнесенность к жизненному пространству» и признаком 2 «Принадлежность к магистральной линии жизни», поскольку сфера жизни личности служит интерпретирующим контекстом для события (которое всегда лично и/или социально).

8. «Вершинная» позиция при пространственно-временном совмещении с другими событийными объектами (процессами, действиями), служащими субстратом события. Мы полагаем, что Н.Д. Арутюнова имела в виду иерархию события, состоящего из «субстратов» (термин Н.Д. Арутюновой) – действий, смены действий, процессов. Ниже, в разделе 1.4 мы изложим наше видение составных элементов события, его типологию и иерархию.

Из всех характеристик событий, изложенных выше, две первые совершенно определенно связаны с горизонтом жизни и внутреннем временем его; остальные, в конечном счёте, также восходят к субъективным представлениям о времени.

Очевидно, что самые структурированные, проработанные изложения сущности события – у В. Шмида и Н.Д. Арутюновой. Схемы Н.Д. Арутюновой и В. Шмида положены нами в основу собственного анализа событий (см. Главу 3 настоящего исследования). Исходя из критериев определения события, выделенных

В. Шмидом и Н.Д. Арутюновой, можно сделать вывод о том, что события различаются по ряду характеристик: могут обладать большей или меньшей степенью событийности, одним событиям присущ какой-то свой определенный «набор» признаков, другим – иной.

Без событий не может быть рассказа о прошлом. По определению И. В. Силантьева, нарратив есть последовательность изложенных в определенном коммуникативном акте событий [Силантьев, 2006, с. 85] т.е. не существует нарратива без событий. Смысл события в большей степени субъективен, чем объективен, поскольку формулируется в контексте рассказа о событии, т.е. в нарративе, и напрямую связан с его личностной интерпретацией. Имманентная связь нарратива и события несомненна, более того, часто событие рассматривается как минимальная нарративная единица [Томашевский, 1996, с. 176-178]. Нарратив, как и событие, имеет непосредственное отношение ко внутреннему времени его. Если событие структурирует внутреннее время, то нарратив – это та среда, в которой оно существует, поскольку, по словам В.И. Карасика, «в строгом смысле эгоцентричное время прослеживается только в нарративных текстах, сообщающих о некотором событии; ненарративные жанры отражают мир сквозь призму вечно длящегося настоящего момента – описание и рассуждение не имеют временного вектора, так как создают логическую, а не темпоральную последовательность» [Карасик, 1997, с. 156].

1.4 К рабочим определениям ключевых терминов «простое / сложное событие», «макрособытие» и «впечатление»

В ходе анализа примеров событий и при сравнении взглядов на категорию события у разных исследователей нельзя не заметить их разнородность. В связи с этим уместно привести высказывание О.Н. Дубровской: «Разнообразные интерпретации категории события показывают их гетерогенный характер и вскрывают необходимость создания типологии событий, в том числе и с точки зрения их внутренней структуры. Очевидно, наличие простых и сложных по структуре событий обусловлено самой сущностью события. Здесь событие

предстает как единица более высокого уровня – структурная единица коммуникации» [Дубровская, 2005, с.132].

В связи с тем, что наше исследование затрагивает область типологии события, мы хотели бы внести ясность в терминологию, применяемую нами.

В самом начале изучения категории события наше внимание привлёк термин «макрособытие», впервые употреблённый в работе Т. А. ван Дейка и В. Кинча «Стратегии понимания связного текста» [Дейк ван, 1988]. Ван Дейк и Кинч говорят о макрособытии в связи с описанием макроструктур дискурса. Термин «макрособытие» получает дальнейшее развитие в монографии В.Я. Шабеса «Событие и текст». Макрособытие трактуется им как событие, обладающее сложной структурой, то есть включающее в себя ряд взаимосвязанных микрособытий (пресобытие, эндособытие, постсобытие) [Шабес, 1989].

В. Е. Гольдин предлагает другую типологию события, выделяя простое и сложное событие. «Функционально-структурная и темпоральная целостность ситуаций, отличающая одни события от других, создает внутреннюю форму событий, которая у сложных событий складывается из взаимосвязанных частных событий, а у простых – из первичных событийных элементов, прежде всего – действий и сопутствующих им компонентов деятельности» [Гольдин, 1997, с. 25-26].

Если принять соответствие термина «макрособытие» термину «сложное событие», то возникает путаница в том, что считать частным событием. Очевидно, что аналогом микрособытия оно служить не может. Поэтому ниже мы излагаем наше понимание терминов «простое событие», «сложное событие», «макрособытие» и связь последнего с впечатлением.

1. Простое событие вслед за Гольдиным понимается как последовательность действий или состояний, результатом чего является изменение положения дел в мире. Так, «он неожиданно споткнулся и упал» – простое событие, последовательность двух действий, в результате которых идущий человек оказывается на земле. Или: «Он проснулся из-за несносной жары» – где последовательность состояний «жарко» – «проснулся» влечёт за

собой изменение состояний «спящий» – «бодрствующий». Как правило, предикаты простых событий выражаются глаголами совершенного вида.

2. Представляется, что употребление Гольдиным термина «частное событие» как элемента сложного события несколько запутывает задачу определения последнего. Поэтому мы предлагаем называть сложным событием сумму простых событий, которые вместе формируют значение процессуальности либо повторяемости. Так, неоднократные, повторяющиеся падения, вызванные тем, что человек споткнулся, дают сложное событие типа: *«Поднимаясь по каменистому склону, мы часто спотыкались и падали»*; *«В ту ночь он плохо спал, часто просыпаясь из-за жары»*. Характерно, что предикаты сложных событий часто выражены глаголами несовершенного вида.

3. Простым событиям свойственна сценарность [Арутюнова, 1989], сложным – слабая структурированность [там же]: «часто» не даёт представления о количестве и особенностях простых событий; сколько раз спотыкались и падали путешественники или просыпался от жары спящий, равно как и неизбежные различия в особенностях падений и пробуждений, в соответствующих сложных событиях не выражены.

4. Во избежание умножения сущностей мы отказываемся от термина «микрособытие», полагая простое и сложное событие составляющими макрособытия.

5. Временные параметры простых и сложных событий обычно ограничены контекстом макрособытия. Приведённые выше примеры могут принадлежать макрособытиям «Поход в горы», «Соревнование по ориентированию», «Спасение от дикого медведя / таёжного пожара» и т.п.; «Поездка в плацкартном вагоне июльской ночью из Иркутска в Улан-Удэ», «Ночёвка в африканской гостинице без кондиционера» и т.п. Макрособытие есть последовательность простых и сложных событий, которые в сознании дают впечатление, а в речевой деятельности (дискурсе) – нарратив (см. Главу 3 настоящего исследования). Как правило, впечатление имеет эмоционально-оценочный контур, который задаётся исходными высказываниями типа: *«От медведя мы удирали так стремительно,*

что не замечали ни камней, ни валежника ...», «На всю жизнь мне запомнился этот мой первый поход в горы», «Поездка из Иркутска в Улан-Удэ запомнилась невыносимой духотой в купе» и т.п. Подчеркнём главное: выбор простых и сложных событий осуществляется носителем впечатления – автором нарратива, исходя из их релевантности экспрессивно-оценочному контуру макрособытия. Так, «споткнулся и упал» будет упомянуто, потому что такое изменение положения дел в мире повышает угрозу того, что медведь настигнет убегающих.

В качестве примера соотношения вышеупомянутых терминов рассмотрим текст, присланный нам одним из участников анкетирования и повествующий о макрособытии «Десятый класс». Текст размечен так, чтобы получились высказывания, требующие комментариев:

(1) «10 класс я помню не очень хорошо. Особо ярких моментов не было, (2) была жуткая подготовка к ОГЭ – даже в 11 классе я так не зубрила. (3) В 10 классе к нам пришла молодая учительница по биологии. (4) Наши мальчики её сразу как-то невзлюбили. (5) Мне её уроки всегда казались скучными и нудными, хотя (6) домашние задания я всегда выполняла. (7) Однажды мальчики неудачно подшутили над ней – банальная кнопка на стул, и (8) с того дня биологии у нас больше не было до конца года. (9) Наш класс очень строго наказали за это. (10) Нам нельзя было участвовать в школьных дискотеках и праздниках, а (11) на линейке в честь окончания учебного года нас не награждали, как всех. (12) Потом была школьная отработка – 21 день исправительных работ, веселенькое время. (13) Мы бегали все время мокрые, в краске и известке и (14) жили «от завтрака до обеда».

(1) Процесс обучения в десятом классе безусловно может быть отнесен к жизненному пространству того школьника, который решил продолжить свое образование в школе после девятого класса, и принадлежит к магистральной линии его жизни. Пользуясь терминологией В. Шмида, он фактичен и, безусловно, результативен, поскольку автор в отрывке (2) упоминает об одиннадцатом классе – следовательно, результатом обучения в десятом классе был переход в одиннадцатый класс. Налицо стремление, установка

интерпретатора к воспоминанию, в первую очередь, единичных событий (ср. «особо ярких моментов не было»);

(2) первым вспоминается «подготовка к ОГЭ», имеющая статус макрособытия, ибо захватывает она не только весь десятый, но и девятый класс. Общеизвестным является тот факт, что ОГЭ сдается в девятом классе, а не в десятом. Очевидно, ОГЭ как событие не фиксировано по параметру «уровень обучения» (десятый класс). Событие осталось во внутреннем времени его как физическое и эмоциональное напряжение. И это – в точном соответствии с выводом Л. фон Берталанфи: любое событие, требующее высокой нервной отдачи, тянется дольше, запоминается прочнее [Берталанфи, 1973]. Да мы и сами это знаем, по собственным переживаниям. А результат, по нашему мнению, гипертрофированная кульминативность. Она-то и выходит за пределы чисто временных рамок события. Иными словами, налицо впечатление, не имеющее временных границ;

(3) простое событие, характеризующееся единичностью (любое простое событие единично!), но одновременно обладающее: а) релевантностью изменения и б) принадлежностью к магистральной линии жизни. Первое доказывается тем, что появление новой учительницы наложило отпечаток на ВЕСЬ ход жизни класса. Второе очевидно из его неразрывной связи именно с учёбой в 10-м классе школы;

(4) простое событие, обладающее аналогичными (3) признаками;

(5) сложное событие, простая сумма впечатлений «нудный урок 1 + нудный урок 2... + нудный урок N»;

(6) то же, что и (5);

(7) простое событие, которое, кроме единичности, характеризуется кульминативностью и

(8) консекутивностью: резкое изменение жизни класса вследствие наложенного на него наказания;

(9) типичное простое событие, также обладающее консекутивностью, выраженной в сложных событиях (10) и (11);

(12) сложное событие «отработка-день 1 + ...+ отработка день 21». Школьная отработка – безвозмездный труд учащихся по благоустройству пришкольного участка и выполнение несложных ремонтных работ в здании школы – иронически назван автором *«исправительными работами»* по аналогии с безвозмездным трудом заключенных в пенитенциарных учреждениях;

(13) сложное событие «бегали в краске день 1 +...+ бегали в краске день 21». Действия фактичны и динамичны (*мы бегали*), отвлечены от временной протяженности, их совокупность слабо структурирована, так же, как и в отрывке (14);

(14) сложное событие «жили от завтрака до обеда день 1 +...+ жили от завтрака до обеда 21 день». Очевидно, что впечатления автора, связанные с отработкой, не имеют эмоционально-оценочных «подённых» маркеров. Кроме того, здесь нельзя вести речь о макрособытии, потому что временные параметры впечатления названы точно: 21 день.

Событие обучения в десятом классе обладает целостностью и отвлечено от временной протяженности

Таким образом, макрособытие «Десятый класс», очевидно являясь фактичным, целостным (автор не ставит временных вех типа *в начале десятого класса, в середине второй четверти*, нет указаний на даты и время) и результативным, состоит из ряда простых и сложных событий, которые, в свою очередь, также обладают определенными и несомненными признаками событийности. Особо хотелось бы подчеркнуть следующее: чем сильнее, глубже переживается событие, тем более размытыми, нечёткими становятся его чисто временные рамки.

Несмотря на некоторые разногласия, учёные, тем не менее, едины в том, что важным для характеристики событий показателем является время. Все явления действительности происходят во времени, и содержание высказывания, излагающего сущность события, осознается нами в каком – либо временном плане – настоящем, будущем или прошлом [Фролова, 2003, с. 101].

В свете изложенных выше рассуждений правомерно будет и обратное утверждение, а именно: событие своего рода мера времени, в первую очередь

внутреннего времени его. Известны многочисленные примеры, когда хронологическое время события определялось по его содержательной характеристике (футбольный матч, концерт, звон колоколов и т.п.). Именно событие связывает прошлое и настоящее время в личностных представлениях. Событие обладает способностью перемещаться из прошлого в настоящее либо в художественных формах (памятники, произведения искусства, литература), либо в формах паракхудожественного нарратива (дневники, воспоминания, автобиографии).

Из трех типов событий – настоящего, будущего и прошлого – мы чаще всего обращаемся к последним. Это прямое следствие естественно-рассудочной логики, поскольку событие относят обычно к тому, что уже произошло. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова событие определяют как «то, что произошло, то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни» [URL: <http://ozhegov.info/slovar>].

Событие закономерно тяготеет к прошлому, поскольку оно становится событием только тогда, когда появляются частности, детали, т.е. тогда, когда событие уже осуществилось. Пока событие не стало реальностью, о нем нельзя рассказать полно [Фролова, 2003, с. 102].

1.5 Воспоминание как процесс интерпретации событий прошлого

Прошлое отображается в сознании в виде событий и их последовательности. Соединить прошлое с настоящим возможно с помощью процесса воспоминания. При этом следует иметь в виду то, что событие относится к переходным, объективно-субъективным категориям (по Бахтину), где объективная сторона события – совершившийся факт, а субъективная – переживание данного события индивидуумом. Воспоминание же относится к субъективным категориям, это присваивание результатов того, что происходит с человеком с течением времени. Воспоминание субъективно постольку, поскольку субъективно внутреннее время человека, в котором оно (воспоминание) существует.

Человеческое сознание использует различные способы для познания отдельных модусов времени. В «Феноменологии внутреннего сознания времени» Э. Гуссерль уделил пристальное внимание исследованию сущности воспоминания, включив его в перечень феноменов сознания и противопоставив его восприятию. «В воспоминании «является» нам некое Теперь, но оно «является» совершенно в другом смысле, чем в том, в котором является Теперь в восприятии» [Гуссерль, 1994, с.44]. Воспоминание по Гуссерлю – это репродуктивная модификация восприятия последовательности длящихся данных с определенной временной формой и некоторой временной протяженностью. И эта последовательность есть «последовательность переживаний в единстве сознания». «Только прошлые длительности я могу в повторяющихся актах «первично» созерцать, идентифицировать и предметно иметь в качестве тождественного объекта многих актов» [Гуссерль, 1994, с.47]. Речь здесь идет о том, что прошлое в сознании выступает как воспоминание. Иными словами, прошлое познается при помощи воспоминаний.

Взаимоотношения памяти и воспоминания могут быть выражены в виде дихотомического противопоставления «структура-процесс» [Баксанский, 2006, с. 149]. При этом в структуру памяти, по словам Л.Н. Ньюбиной, следует отнести виды памяти, «представленные в данном дискурсе, например: долговременную, семантическую, эмоциональную, эйдетическую и др. Память имеет функцию кумулирования информации, приравнивается часто к сознанию человека. Информация, получаемая извне, хранится не в виде разорванных слов, а систематизируется памятью в виде иерархизированных, но гетерогенных структур и моделей как общего, универсального, так и более частного порядка» [Ньюбина, 2008, с.13].

Воспоминание представляет собой «наборы операций или функций, анализирующих и преобразующих мысленный опыт человека» [Баксанский, 2006, с. 150].

Воспоминание характеризуется динамизмом, оно процессуально по своей природе. Само слово «воспоминание» включает в себе временную развертку,

акцентируя процессуальность обращения к прошлому. Л.Н. Ньюбина определяет следующие функции воспоминания: «Воспоминание выбирает из памяти наиболее значимые события и факты; оно определяет комбинацию и соотнесение глобальных и локальных фактов, универсальных и индивидуальных знаний; соединяет прошлое и настоящее «Я» в акте воспоминания; сочетает субъективно-объективное видение событий, объединяя в пространстве текста документальное и воображаемое, факты и вымысел, интеллект и эмоции» [Ньюбина, 2008, с.14].

Выбор нами лексемы *reminiscence* в качестве эквивалента русской лексеме *воспоминание* в нашем исследовании обусловлено тем, что мы полагаем вышеуказанную английскую лексему прототипическим представителем в данной группе синонимов - *recollection, remembrance, memory, memoir, flashback*. В отличие от других представителей в данной синонимической группе лексема *reminiscence*, по нашему мнению, не несет дополнительных оттенков значений.

Воспоминание тесно связано с категорией события, ведь в подавляющем большинстве случаев мы воспроизводим в памяти именно события. В письменной речи мы в состоянии в какой-то мере передать визуальные образы, но практически невозможно передать запахи и тактильные ощущения. Следовательно, вспоминаем мы чаще всего именно события. Но, поскольку, как было сказано выше, воспоминания субъективны, мы придаем эмоционально-оценочный контур вспоминаемым событиям. Иными словами, на объективную фактологическую основу события накладывается личностное восприятие этого события, его переосмысление, зачастую выраженное с помощью аксиологических средств языка. Для выражения оценочных смыслов используется эмотивная лексика, метафоры, эпитеты и другие тропы, синтаксические средства.

Таким образом, воспоминание обладает следующими характеристиками:

- субъективность,
- процессуальность,
- наличие оценочных смыслов и эмотивность.

Ниже в качестве подтверждающего примера приведен один из полученных нами в ходе анкетирования текстов:

«I had to learn how to truly approve and love the person I am, and that the more I did to become genuinely happy the more I was able to love and care for the people in my life. This self-actualization has become new crusade and I've never been happier».

На вопрос о том, что лучше всего запомнилось ему за годы обучения в high school, автор называет обретение самоуважения и принятие себя как личности. Самооценка и самоуважение, безусловно, весьма субъективные сущности, утверждать их наличие или отсутствие может лишь сам автор. Далее, ряд вытекающих друг из друга этапов – *«to learn how to truly approve and love the person I am → become genuinely happy → love and care for the people»* – указывают на процессуальность. Результатом оказывается *«self-actualization»*.

В тексте доминирует эмоционально-оценочная составляющая смысла, автор оценивает себя в прошлом с позиции настоящего (связь прошлого с настоящим также является показателем процессуальности). Подводится итог тому главному, чему индивидуум должен научиться в юности – принятию себя таким, как он есть, самореализации в духовном и профессиональном плане, социализации, выстраиванию отношений с другими людьми. Исключительная важность этого процесса характеризуется словом *crusade* (кампания, поход, цель), обладающим коннотативным значением «преодоление больших трудностей на пути к великой цели». Слово *crusade* в данном тексте является эмотивом – ассоциативом, в то время как выражения *genuinely happy, I've never been happier* относятся к эмотивам – номинативам. Их использование призвано донести до читателя тот факт, что важность и сложность самореализации и принятия самого себя не просто осознаны, но и пережиты автором.

Воспоминание не есть сохранение или восстановление нашего прошлого, но всегда преображенное прошлое [Бердяев, 2003, с. 109]. «Парадокс времени состоит в том, что прошлое существует лишь в настоящем. Власть времени состоит в придании прошлому вечности» [Нюбина, 2008, с. 18]. Этот тезис Л.М. Нюбиной находит подтверждение в теории А.Н. Уайтхеда, выделяющего Мир Действий и Мир Ценностей; в отдельных контекстах последний также именуется Миром Вечности. Мир Действия, по А. Н. Уайтхеду, является «миром

Порождения», который «творит настоящее, видоизменяя прошлое и предвосхищая будущее». Мир Ценностей существует вне времени, «за пределами непосредственности исторического факта» [Уайтхед, 1990, с. 306–307]. Соотнесение Мира Ценностей и Мира Вечности позволяет нам высказать предположение о том, что воспоминания относятся к Миру Ценностей отдельной личности. Смысл воспоминаний претворяется в истории каждой отдельной личности, как в приведенном ниже отрывке из письма одного респондента: «*I was always blessed to have a good and loyal set of friends throughout my adolescence and throughout my adulthood, and I believe they were really my saving grace during the rough patches*».

Главные ценности для автора – дружба и преданность (*throughout my adolescence and throughout my adulthood*), хорошие и верные друзья (*a good and loyal set of friends*) – относятся к общепризнанным. Но в авторском тексте они приобретают личностную значимость. Говоря о них, наш респондент использует выражения *was blessed, saving grace*, относящиеся к религиозному дискурсу, интенсифицируя таким образом значение дружбы и верности в своем жизненном мире, характеризуемом как *the rough patches*.

Таким образом, воспоминание – это реконструкция определенного события или событийной вехи во внутреннем времени *ego*. К числу характеризующих его признаков относятся субъективность, процессуальность, эмоционально – оценочный контур. Воспоминания могут относиться к Миру Ценностей индивидуума.

Выводы по Главе 1

Время как фундаментальная категория бытия является объектом исследования многих наук, как естественных (физика, биология), так и гуманитарных (философия, история и т.д.).

Обнаруживается некоторое противоречие в понимании сущности времени в естественных науках и в обыденном сознании. Противоречие это состоит в том, что естественные науки, в частности физика, склоняются к признанию условности понятия времени. Однако естественно рассудочная логика разделяет объективное (измеряемое часами или календарями) и субъективное (определяемое событиями или переживаниями) время. В обыденном сознании субъективно сосуществуют понятия «прошлое», «настоящее» и «будущее», поскольку точкой отчета в конкретной системе временных координат является определенный субъект.

Феноменология Э. Гуссерль, основываясь на описании первичного опыта познающего сознания, также полагает, что время может быть объективным (внешним) и имманентным (внутренним), субъективно переживаемым человеком. Новаторством Э. Гуссерля можно назвать то, что он утверждал приоритет, первичность именно внутреннего времени. Связь имманентного времени и понятия «чистого Я», обладающего всеми заключёнными в нём содержаниями и взаимоотношения его с сознанием (ещё одна сущность, привлекавшая пристальное внимание Э. Гуссерля) позволяет утверждать существование внутреннего времени его как индивидуального субъективного восприятия и переживания времени в сознании индивида.

Событие – это исходный элемент структурирования времени. Событие феноменологично по своей сути, поскольку переживается в сознании человека, в его внутреннем времени его. В лингвистической науке наблюдается многообразие интерпретаций категории события (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Н.Д. Арутюнова), что, в свою очередь, отражается в разнообразии его классификаций (В.З. Демьянков, В.Е. Гольдин).

Мы полагаем, что по своей структуре событие может быть:

1. простым. Простое событие отражает единичное изменение положения или состояния дел в мире. Предикаты простого события зачастую выражены глаголами совершенного вида. Такое событие, как правило, характеризуется сценарностью.

2. сложным. Сложное событие представляет собой сумму простых событий, передающих значение процессуальности или повторяемости и обладает слабой структурированностью. Предикаты сложного события чаще всего выражаются глаголами несовершенного вида.

3. макрособытием, т.е. последовательностью простых и сложных событий, которые в сознании человека дают впечатление, а в речевой деятельности (дискурсе) – нарратив.

Воспоминание является феноменом репродуктивного сознания и представляет собой реконструкцию прошлого опыта. Иными словами, это воспроизведение в сознании прошедших событий. Поскольку воспоминание – это феномен сознания, то оно, безусловно, субъективно. В свете этого особый интерес представляет жанр автобиографии, где автор является одновременно и субъектом, и объектом воспоминания.

ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДИСКУРСА ВОСПОМИНАНИЙ ВОКРУГ КОНЦЕПТА ВОСПОМИНАНИЕ / REMINISCENCE

2.1 Описание лингвистического эксперимента

Выраженный субъективный характер материала нашего исследования предопределяет выбор из множества получивших признание теорий. В нашей работе следует отдать предпочтение положениям феноменологии Э. Гуссерля. Как позитивизм или эмпиризм, феноменология занимается изучением материала, данного в опыте, но в отличие от них она признает правомочность использования данных, полученных не только из сферы чувственного восприятия, но и вне ее (например, интуитивных представлений об отношениях, ценностях и т. д.). Для того, чтобы сделать какое-либо явление объектом изучения, необходимы такие предпосылки, как наблюдение и переживание этого явления, а также интуиции, вызванные этим явлением. Таким образом, данное положение теории Э. Гуссерля – о правомочности использования в анализе результатов научного эксперимента данных чувственного восприятия и интуитивных представлений – является теоретическим основанием нашего эксперимента.

Другой теоретической основой нашего эксперимента послужило утверждение В.З. Демьянкова об организации дискурса вокруг концепта. В.З. Демьянков на основе работ по зарубежному языкознанию дает развернутое определение дискурса, включая в него характеристики, относящиеся к разным дисциплинам – семиотике, теории коммуникации, социологии, модальной логике и др.: «Discours – дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта, создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п.» [Демьянков, 1982, с. 7].

В связи с этим уместно сослаться на точку зрения М. Ю. Олешкова, который развивает мысль В. З. Демьянкова и утверждает следующее: именно **концепт** – концептуальная доминанта дискурса – «является «свёрнутой» моделью дискурса или его фрагмента, в которой латентно «присутствуют» все возможные потенциальные реализации» [Олешков, 2009, с. 71].

Целью нашего эксперимента было выяснить, каким образом разворачивается дискурс вокруг концепта ВОСПОМИНАНИЕ/ REMINISCENCE.

Задачами эксперимента было:

- 1) выявить общее понятийное ядро концепта ВОСПОМИНАНИЕ/ REMINISCENCE,
- 2) определить, к какому виду относится дискурс, организованный вокруг вышеупомянутого концепта
- 3) определить форму дискурса, организованного вокруг вышеупомянутого концепта.

Первым этапом нашего исследования послужило лексикографическое описание концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE по материалам толковых словарей русского и английского языков.

Далее, с целью получить релевантные лингвистические сведения о переживании концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE и о том, как разворачивается дискурс воспоминаний, мы обратились к пользователям социальных сетей, родившихся в США, для которых английский язык является родным, с просьбой поделиться воспоминаниями о школьных годах, в частности о «high school». Вопрос-просьба был сформулирован следующим образом: «Please share your reminiscences of your high school years». Аналогичная просьба была адресована российской аудитории нескольких вузов Республики Бурятия и Иркутской области, причем вопрос «Каковы ваши воспоминания о школьных годах в старших классах?» был задан и студентам, и преподавателям. Чтобы у российских респондентов интересующий нас временной интервал более точно соответствовал времени «high school», для них в вопросе было сделано уточнение: «в 9-11 классах». По условиям межкультурной коммуникации

вышеуказанные формулировки вопроса к респондентам можно считать идентичными.

Время «школьные годы» было выбрано нами в связи с тем, что оно является одним из ключевых отрезков человеческого бытия, зачастую определяющего вектор дальнейшего развития человека, когда происходит личностное становление индивидуума, осознанное овладение инструментами культуры в сотрудничестве с другими людьми, по Л.С. Выготскому [Выготский, 1999]. Помимо этого, личный опыт времени «школьные годы» переживается большинством людей независимо от языка и культуры. В странах, где среднее образование является обязательным, школьные годы – это универсальное социокультурное явление, охватывающее приблизительно один и тот же возраст человека, и все события этого явления происходят в схожих условиях.

Помимо этого, причиной выбора этой части опыта является то, что концепт ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE в сознании носителей разных языков и культур обычно соседствуют с концептами ДЕТСТВО, ЮНОСТЬ, ОБРАЗОВАНИЕ.

Участники опроса откликнулись, прислав свои ответы в форме эссе – текстов объемом от 250 до 1060 слов. В общей сложности нами было рассмотрено чуть более 200 текстов. Большинство респондентов – это молодые люди, не так давно – 3-6 лет назад – окончившие школу. Но были и авторы зрелого возраста, – 50-57 лет. Все респонденты были поставлены в известность, что их тексты будут использованы в научно-исследовательской работе. В связи с этим большинством из них было выдвинуто требование анонимности, особенно на этом настаивали респонденты из США.

Все полученные в ходе эксперимента данные мы разместили в сводной таблице. За основу распределения данных мы взяли возрастные группы, соответствующие положениям теории систем Л. Бергаланфи о биологическом времени [Бергаланфи, 1973]. В свою очередь, данные каждой возрастной группы мы разделили по признаку пола. Числовые данные в ячейках относятся к количеству текстов, представленных каждой возрастной группой.

	20-25 лет		26-35 лет		36-45 лет		старше 45	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Русскоязычные респонденты	24	21	7	13	10	9	9	15
Англоязычные респонденты	17	19	12	21	10	8	13	11

Распределение нами текстов по графам в соответствии с признаками пола, возраста и родного языка призвано доказать то, что макрособытие «школьные годы» вспоминается индивидуумами независимо от вышеуказанных признаков, поскольку является вехой во внутреннем времени его.

Заключительным этапом эксперимента стал анализ полученных нами эссе, проводимый в следующих направлениях:

- формы организации текстов эссе,
- соответствие полученных текстов признакам нарратива,
- при выявлении в текстах эссе характеристик нарратива определить жанр/жанры текстов.

Несмотря на отдельные количественные расхождения в количестве текстов между русскоязычными и англоязычными участниками, мы полагаем, что это не препятствует научно обоснованному сравнению результатов анализа.

2.2 Об индивидуальном характере концепта

ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE

Выводы из теории Э. Гуссерля о феноменологическом сознании времени открывают широкие перспективы для исследований в области когнитивной лингвистики, поскольку она (когнитивная лингвистика) является теоретическим расширением, в контексте которого очень важно разобраться с естественно рассудочным впечатлением о событии прошлого.

Естественно рассудочное впечатление есть продукт естественно-рассудочной логики, иными словами, логики естественно-речевого общения, когда логика не

оценивается в соответствии с классическими дедуктивными и индуктивными принципами. Естественно-рассудочная логика основана на суждениях и умозаключениях, восходящих к опыту практической деятельности человека, в то время как наука – логика опирается на правила, выводимые чисто интеллектуально. Мы полагаем, что образ прошлого, проходящий в воспоминании, также опирается на опыт практической деятельности. Но он (образ) может также быть результатом научной обработки. Типичным примером такой научной обработки может служить произведение учёного-историка. Даже в случае, когда историк описывает современные ему события, он полагается на категориальный аппарат его науки.

Исторически научные представления о концепте формировались как группы предпочтений либо общественной, либо индивидуальной сущности, результат суждения, преодолевающего различия единичных мнений и устанавливающего признаки всеобщего. Он становится источником, началом понимания, требующим всеобщего, несмотря на большое количество окружающих его различий. Концепт, в силу собственной семантики и прагматики его семиотического окружения, избрал в себя представление о точках взаимопонимания.

Ученые, занимающиеся изучением концептов, пока не имеют единой точки зрения на природу концепта. По мнению Г.Г. Слышкина, концепт может существовать в индивидуальном или коллективном сознании. Им выделяются индивидуальные, групповые (социокультурные), этнокультурные и общечеловеческие концепты (антология концептов). Автор указывает на то, что индивидуальные концепты богаче и разнообразнее, чем коллективные, так как коллективный опыт и коллективное сознание есть производные от сознания и опыта отдельных индивидуумов, входящих в коллектив. Производная эта образуется путем редукции всего уникального в персональном опыте [Слышкин, 2000].

С этой точкой зрения трудно согласиться, если полагать целью научную классификацию. Цель любой теории – наведение границ, четкая категоризация. Как писал М. Фуко в своем труде «Археология знания», первостепенная задача,

которую ставит перед собой любая теория – это разделение и ограничение. «Сегодня проблема состоит в установлении и переустановлении рядов, в определении элементов ряда, в строгом разграничении отношений, характерных для каждого данного случая, в выведении закона и, помимо всего прочего, в описании связей между различными рядами и последовательностями с целью создания их «матрицы», – этим объясняется множественность страт, потребность в членениях и хронологической спецификации» [Фуко, 2004, с. 3].

Если же концепты могут быть как индивидуальными, так и коллективными, разграничение разновидностей крайне затруднено. Д.С. Лихачев под концептом понимал обобщенную мыслительную единицу, которая отражает и интерпретирует явления действительности в зависимости от образования, личного опыта, профессионального и социального опыта носителя языка [Лихачёв, 1993, с. 3-4]. Другими словами, в определении Д.С. Лихачева концепт имеет индивидуальную природу. В.И. Карасик полагает, что концепты хранятся в памяти индивидуума в виде значимых, осознаваемых, типизируемых фрагментов личностного опыта [Карасик, 2002, с. 33]. Область чувств и личного опыта у каждого человека индивидуальны, нельзя найти и двух людей, чувства которых совпадали бы полностью. Это служит дополнительным подтверждением того, что концепт вероятнее всего носит индивидуальный характер.

З.Д. Попова и И.А. Стернин развивают когнитивный подход к пониманию концепта, определяя концепт как «глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания» [Попова, Стернин, 2000, с. 4]. Концепты формируются, по мнению цитируемых ученых, из непосредственного чувственного опыта, из предметной деятельности человека, из мыслительных операций человека с другими концептами, существующими в его памяти, из языкового общения, например, в форме разъяснения, из самостоятельного усвоения значения языковых единиц. Этот тезис показывает важность эмпирического усвоения знания, интериоризации знания: от предметного чувственного – к абстрактному мыслительному образу.

Цитируемые лингвисты считают, что язык является лишь одним из способов формирования концептов в сознании человека. Важным моментом в рассматриваемом понимании концепта является также тезис о том, что «никакой концепт не выражается в речи полностью», так как: 1) концепт – это результат индивидуального познания, а индивидуальное требует комплексных средств для своего выражения; 2) концепт не имеет жесткой структуры, он объемён, и поэтому целиком его выразить невозможно; 3) невозможно зафиксировать все языковые средства выражения концепта [Карасик, 2002, с.108].

Д.С. Лихачев отмечает, что концепт, являясь обобщением различных значений слова в индивидуальных сознаниях носителей языка, позволяет общающимся преодолевать существующие между ними индивидуальные различия в понимании слов. Концепт, по Д.С. Лихачеву, является результатом соединения усвоенного значения слова с личным жизненным опытом говорящего [Лихачев, 1993, с.4]. Продолжая мысль Д.С. Лихачева, подчеркнем, что включение индивидуальных концептов в ситуацию общественного договора приводит к их качественному изменению. В результате проявляется понятие, продукт Дискурса Согласования [Каплуненко, 2007, с.119].

Таким образом, определение концепта, на которое мы опираемся в данной работе – это начало движения к всеобщему, устанавливающее лишь несколько признаков всеобщего в море различий [Каплуненко, 2007, с. 116-117].

Следуя историческому подходу к проблемам лингвистики, и опираясь на положение об эволюционировании концепта в понятие, а понятия, в свою очередь, в термин, рассмотрим все три семиотические сущности слов *воспоминание* и *reminiscence*.

Понятие, по нашему убеждению, является сущностью с более плотным содержанием и более узким объемом, чем концепт. Под плотностью понимается градуируемая характеристика содержания, определяемая количеством признаков, вовлеченных в его описание [Каплуненко, 2007, с. 119]. Содержание понятия в общем и целом совпадает с содержанием дефиниций в словарях общего назначения.

Воспоминание – 1) мысленное воспроизведение чего-нибудь сохранившегося в памяти. 2) записки или рассказы о прошлом. [Ожегов, Шведова. URL: <http://ozhegov.info>]

Заслуживающим упоминания фактом является вхождение слова *reminiscence* в русский язык в форме «реминисценция», но здесь оно приняло несколько иное значение, чем слова *воспоминание*.

Реминисценция – 1) смутное воспоминание, отголосок. 2) В поэтическом и музыкальном произведении черты, наводящие на воспоминание о другом произведении; обычно – результат невольного заимствования автором чужого образа, мотива, стилистического приема, интонационно-ритмического хода. В современном искусстве встречается как сознательный прием, рассчитанный на память и ассоциативное восприятие читателя (слушателя) [Большой энциклопедический словарь. URL: http://enc-dic.com/enc_big/Reminiscencija-50518.html].

Термин *воспоминание* относится к Дискурсу Экспертного Сообщества и в психологической науке обладает следующим содержанием: «...извлечение из памяти долговременной образов прошлого, воспроизведение событий из жизни, мысленно локализуемых во времени и пространстве. Благодаря им обеспечивается единство личности от раннего детства до старости» [Психологический словарь терминов «Мир Вашего Я». URL: http://www.psychologist.ru/dictionary_of_terms/].

Reminiscence – the ability to better perform a task after a period of time has lapsed from the initial learning, than immediately after the task is learned [PsychologyDictionary. URL: <http://psychologydictionary.org/reminiscence/>].

Понятие и термин *воспоминание (reminiscence)* не входят в круг наших научных интересов в рамках настоящего исследования. Поэтому в дальнейшем они упоминаются лишь эпизодически.

Таким образом, концепт как личностное осмысление эпизодов и явлений окружающей действительности, по нашему мнению, носит в большей степени индивидуальный характер.

Концепт ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE, отражающий и интерпретирующий этот процесс, носит индивидуальный характер.

2.3 Лексикографический анализ лексемы, называющий концепт ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE

Лексикографический анализ лексемы, называющей концепт, необходим для выявления смыслового содержания концепта. Анализ словарных статей является начальным этапом анализа номинативного поля концепта, и, как правило, используется в совокупности с этимологическим исследованием слова, с выявлением ассоциативно-связанных смысловых признаков, с анкетированием и комментированием, поскольку словарные толкования в различных словарях зачастую повторяются.

Полагаем целесообразным начать лексикографическое описание концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE с анализа словарных статей толковых словарей русского и английского языков. Иными словами, проведем дефиниционный анализ слов «воспоминание» в русском и английском языках. Ниже приведены определения слова «воспоминания» из словарей, изданных в 1992-2011г.г. (в обратном хронологическом порядке относительно года издания).

Воспоминание - воспроизведение в своем уме того, что индивид видел, слышал, делал и т. д. [Филиппов, Романова, Летягова. 2011. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/976>].

Воспоминание, воспоминания – 1) то, что сохранилось в памяти; мысленное воспроизведение этого [Ушаков. 2008. URL: <http://ushakovdictionary.ru>].

Воспоминание – 1) мысленное воспроизведение чего-нибудь сохранившегося в памяти. 2) *мн.* то же, что мемуары [Евгеньева. 1984. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?p=3068>].

Воспоминание – 1) мысленное воспроизведение чего-либо прошедшего, сохранившегося в памяти, 2) записки или рассказы о прошлом, о своей или чьей-либо жизни, мемуары [Большой толковый словарь русского языка. 2004. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/бтс/воспоминание>].

Воспоминание – 1) мысленное воспроизведение чего-нибудь сохранившегося в памяти, 2) записки или рассказы о прошлом [Лопатин. 2004. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/русский-толковый-словарь-лопатина/воспоминание>].

Также нас заинтересовал материал по данной теме, предоставленный ассоциативным словарем русского языка:

Воспоминание – память, прошлое, помнить, вспоминать, жизнь, приятные, детство, ностальгия, вспомнить, история, фотографии, плохие, мозг, грусть, время, фото, радость, приятное, былое, молодость, старость, мысли, человек, хорошие, любовь, забыть, радостные, прошедшее, счастье, старые, свадьба, юность, рассказ, мечты, будущее, быль, год, грустные, альбом, давно, дневник, друг, думать, истории, лето, мемуары, времена, моменты, бабушка [Словарь ассоциаций русского языка. URL: <http://wikivox.ru/word/прошлое>].

Для нас представляет интерес такие слова, ассоциирующиеся с воспоминанием, как *память, время, прошлое, детство, юность, друг* поскольку они, с одной стороны, подтверждают верность выбранной нами последовательности работы (от времени через прошлое к воспоминаниям), а с другой стороны, перекликаются с темой нашего эксперимента – рассказом о школьных годах (*детство* и *юность* как временной отрезок, соотносенный со школьными годами, *друг* – как частый объект воспоминаний о школе)

Для толковых словарей русского языка характерно использование слова *воспроизведение* для интерпретации слова *воспоминание*.

Воспроизведение (книж.) – только ед. действие по глаголу воспроизвести. [Ушаков. 2008. URL: <http://ushakovdictionary.ru>].

Воспроизведение – процесс действия по значению глагола воспроизводить, воспроизвести, воспроизводиться, воспроизвестись [Ефремова. 2000. URL: <http://www.mirsllovefremova.ru>].

Очевидно, что в дефиниции слова *воспроизведение* также есть референциальная связь с процессуальностью.

В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля, изданного в 1863-1866 гг., *воспоминание* присутствует в глагольной форме «воспомянуть, вспомянуть что, кого или о чем, вспомянуть, вспомянуть или вспомянуть или вспомянуть, вспомянуть, вспомянуть; приводить себе на память, освежать, будить, обновлять в уме своем память о ком, чего; перебирать в мыслях или словами прошлое, бывшее; || напоминать кому о чем, помянуть кому что. – *ся*, быть вспомянутому, приходиться на память» [Даль. URL: <http://slovari.yandex.ru>]. Тот факт, что глагол «воспомянуть» интерпретируется в словаре В.И. Даля глаголами и глагольными словосочетаниями несовершенного вида, является одним из главных признаков процессуальности. То же самое можно отнести и к дефинициям слова *воспроизведение*, в которых также преобладают интерпретации, организованные вокруг ключевых глаголов [Артюнина, 2015, с. 10-12].

Что касается этимологии слова *воспоминание*, то можно предположить, что оно происходит от глагола *воспомянуть* (см. толковый словарь В. И. Даля). Глагол *воспомянуть/воспомянуть* был образован от глагола *мнить* с помощью приставок *в(о)с-* и *по-*. Глагол-основа *мнить* в определенном периоде истории русского языка был основным глаголом мнения, причем он использовался для выражения как мнения-оценки, так и мнения-предположения [Зализняк, 2008, с. 115]. Глагол *мнить* – индоевропейского происхождения и обнаруживает себя в сходном значении в славянских (включая праславянский), германских (включая древнепрусский и готский), балтийских, греческом и древнеиндийском языках [Фасмер. URL: <https://vasmer.lexicography.online/м/мнить>].

В словарях английского языка приводятся следующие описания слова *reminiscence*:

Reminiscence 1)The act or power of recalling past experience; the state of being reminiscent; remembrance; memory. The other part of memory, called reminiscence, which is the retrieving of a thing at present forgot, or but confusedly remembered. 2) That which is remembered, or recalled to mind; a statement or narration of remembered

experience; a recollection; as, pleasing or painful reminiscences [Webster's 1913 Dictionary. URL: <http://www.webster-dictionary.org/definition/reminiscences>].

Reminiscence 1) The act of recalling or narrating past experiences. 2) (*Often plural*) some past experience, event, etc., that is recalled or narrated; anecdote [Collins English Dictionary. 2003. URL: <http://www.thefreedictionary.com>].

Reminiscence 1) The act or process of recollecting past experiences or events. 2) An experience or event recollected. 3) A narration of past experiences. Often used in the plural [The American Heritage® Dictionary of the English Language. 2009. URL: <http://www.thefreedictionary.com>].

Reminiscence 1) The act or process of recalling the past. 2) A mental impression retained and revived. 3) Often, **reminiscences** a recollection narrated [Random House Kernerman Webster's College Dictionary. 2010. URL: <http://www.thefreedictionary.com>].

Reminiscence 1) A story told about a past event remembered by the narrator [Oxford Dictionaries. 2014. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/reminiscence>].

Reminiscence 1) An act of remembering long-past experiences, often fondly. 2) A mental image thus remembered [English Wictionary. 2014. URL: <http://en.wiktionary.org/wiki>].

Reminiscence 1) the act of remembering events and experiences from the past 2) Your reminiscences are the experiences you remember from the past, often written in a book [Cambridge English Dictionary & Thesaurus. 2015. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english><http://www.thefreedictionary.com/>].

Reminiscence 1) a mental impression retained and recalled from the past 2) The process of remembering (especially the process of recovering information by mental effort).

Synonyms: recollection, recall.

Related Words: anamnesis, anecdotes, commitment to memory, exercise of memory, flashback, hindsight, learning by heart, looking back, memoir, memoirs, memories, memorization, memorizing, memory, recall, recalling, recollecting, recollection,

reconsideration, reexperiencing, reflection, reflections, reliving, remembering, remembrance, retrospect, retrospection, review, revival, rote, rotememory, study, youth [WordNet Dictionary. 2015. URL: <http://www.webster-dictionary.org/definition/reminiscences>].

Мы не наблюдаем изменений значения слова REMINISCENCE в словарных статьях за период с 1913 по 2015 гг.

В отличие от русского слова *воспоминание*, этимология английского *reminiscence* известна.

Reminiscence *n.* 1580s, «act of remembering» from Middle French *reminiscence* (14c.) and directly from Late Latin *reminiscentia* «remembrance, recollection» (a loan-translation of Greek *anamnesis*), from Latin *reminiscentem* (nominative *reminiscens*), present participle of *reminisce* «remember, recall to mind» from *re-* «again» + *menisci* «to remember, «from root of *mens* «mind» from PIE root **men-* «mind, understanding, reason». Meaning «collection of something past» is attested from 1811 [Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/>]

Для дефиниционных словарей английского языка характерно использование слов *act, process* для интерпретации слова *reminiscence*. В таких дефинициях, как *the act or process of recollecting, the act of recalling or narrating* онтологизируется признак процессуальности. Вышеуказанные словосочетания *the act or process of recollecting, the act of recalling or narrating* прямо указывают на наличие процессуальности, так как в английском языке процессуальность имеет формальное выражение – суффикс *-ing*. Процессуальность, безусловно, согласуется с характером основной формы онтологизации воспоминания – с нарративом (см. Главу 3 настоящего исследования).

Обращает на себя внимание и тот факт, что и английское слово *reminiscences* и русское слово *воспоминания* обычно используются во множественном числе. Это, в свою очередь, указывает на два важных признака процесса: 1) дискретность, 2) собирательность.

Сопоставительный анализ дефиниций позволяет выделить понятийное ядро, общее для русского и английского языков. Таким признаком является «мысленное

воспроизведение чего-либо, сохранившегося в памяти», что мы назовем межкультурным инвариантом.

Среди слов, ассоциирующихся в сознании говорящих как с воспоминаниями, присутствуют слова *детство, юность, youth, study, мемуары, memoir, memoirs, retrospect, retrospection, review* (по материалам ассоциативных словарей) [Русский ассоциативный словарь. URL: <http://thesaurus.ru/dict/index.php>; Словарь ассоциаций русского языка. URL: <https://wikivoх.ru/word/прошлое>; Webster's 1913 Dictionary. URL: <http://www.webster-dictionary.org/definition/reminiscences>; WordNet Dictionary. URL: <http://www.wordassociations.net>]. Очевидно, эти понятия представляют ценность для говорящих.

Слова *детство, юность, youth, study* отражают те периоды в жизни каждого индивидуума, которые запоминаются лучше всего, а слова *мемуары, memoir, memoirs, retrospect, retrospection, review* непосредственно связаны с процессом и результатом воспоминаний.

В целом, рассматривая итоги анализа толковых и ассоциативных словарей русского и английского языков, корпусов текстов на данных языках можно сказать, что содержание концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE имеет характер когнитивной и языковой универсалии.

Если говорить о разнице лексикографического содержания концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE и его же содержания, полученного экспериментальным путём, то последнее отличается от первого большей развернутостью и многообразием, а также детальностью описания. Объясняется это как индивидуальными особенностями внутренней картины мира респондентов и свойствами их памяти, так и постановкой вопроса при проведении анкетирования. Лексикографическое содержание концепта обладает высокой степенью абстракции и обобщения (в силу своей «книжности»), поэтому превосходит по объёму содержание того же концепта, полученное в ходе проведения лингвистического опыта.

Концепт ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE относится к концептам ментальной деятельности. Этот статус концепта укрепляет во мнении, что его

содержание индивидуально. Подчеркнем в очередной раз, что ментальная деятельность, включая концепт ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE, обусловлена особенностями внутреннего времени ego, или опытом соответствующих переживаний. Последние, в свою очередь, индивидуальны.

2.4 Функционирование концепта ВОСПОМИНАНИЕ/ REMINISCENCE в дискурсе

Прежде, чем приступить к вопросу о функционировании исследуемого нами концепта в дискурсе, хотелось бы остановиться на том, что мы понимаем под термином «дискурс». По нашему мнению, дискурс – это реконструкция сложного, универсального целого на основе совокупности текстов. В нем отсутствуют какие-либо параметры (или единицы), присутствующие в соответствующих текстах. Здесь уместно вспомнить термин М. Фуко «архив высказываний» [Фуко, 2004]– мы выбираем из множества текстов высказывания, устойчиво, регулярно воспроизводимые в них. Дискурс есть абстракция обобщения на основе текста, в результате чего он (текст) интерпретируется, т.е. наделяется универсальным смыслом в контексте ситуации. Именно в результате такой абстракции дискурс подводит разные тексты под «общий знаменатель».

В названии настоящей работы фигурируют слова «речевая онтологизация», а не «дискурсивная онтологизация». Объясняется это тем, что исходный материал данного исследования – это тексты, а тексты всегда относились к сфере речи. Иными словами, речь – это конкретные тексты, созданные на данном языке и каждый такой текст единичен и индивидуален. Таким образом, дискурс, по нашему мнению, абстрактен, а речь – материальна и конкретна. О нашем понимании соотношения понятий «дискурс» и «текст» будет сказано ниже в п. 2.8.

Возвращаясь к теме функционирования концепта в дискурсе, мы полагаем, что существует два вида дискурса воспоминания. Первый вид дискурса – явный продукт прямой коммуникации. В дискурсе этого вида концепт манифестируется

соответствующим знаком языка. В дискурсе второго вида, являющийся продуктом не прямой коммуникации, концепт не выражен в языковой форме, но, как представляется, присутствует на интенциональном горизонте сознания носителя языка. Показателем этого присутствия является тот факт, что соответствующая реакция адресата следует на стимул «воспоминание», акцентированный в вопросе адресанта. Не следует забывать, что исследования дискурса начинались с исследования диалога как формы коммуникации. Поэтому если один из коммуникантов инициирует диалог введением имени концепта, дальше в работу вступает принцип языковой экономии. Иными словами, повторение имени концепта в дискурсе отнюдь не обязательно.

Две разновидности дискурса при более тщательном анализе обнаруживают три разновидности функционирования концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE.

1. Данный концепт может иметь прототипическое языковое выражение, то есть слово *воспоминание* и *reminiscence* присутствуют в описании концепта как лексема: «Самое эмоциональное воспоминание – как мы готовили к выпускному вечеру номер «Силовое жонглирование».

Прототипическая форма оязыковлени концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE встретилась нам в 55% русскоязычных текстов. В текстах англоязычных авторов она отсутствовала. Вероятно, причина этого кроется не в сфере лингвокультурологии, а в технике описания личного опыта. В системе образования США большое внимание уделяется обучению четко и связно излагать свои мысли, обосновывать собственные утверждения [Тартарашвили, 2015, с.114-115].

Во всех текстах англоязычных респондентов присутствовал глагол *remember*. Его употребление вместо существительного *reminiscence* – это чисто стилистический прием. Прямая номинация *reminiscence* нежелательна, так как задает прозаический дискурс, а в США очень развит момент игровой культуры. Эта особенность подводит нас к выделению второй разновидности функционирования изучаемого концепта.

2. Концепт ВОСПОМИНАНИЕ/ REMINISCENCE может иметь косвенное выражение, т.е. в описании концепта использовались такие слова, как *вспоминать, помнить, приходить на память, не в состоянии забыть, remember* и т.д.: *«I'm not sure how it happened, as I don't remember ever caring enough, but I did graduate high school»*. Ещё пример: *«Выпускной был тоже замечательный, но последний звонок мне запомнился больше»*.

Косвенное выражение концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE встретилось в 40% текстов русскоязычных авторов и 100% англоязычных текстов.

3. Может иметь место отсутствие прямых либо косвенных форм языкового выражения концепта. Концепт может обнаруживаться, например, за событийным значением глагола «быть» в грамматической форме прошедшего времени: *«Было столько переживаний и слез по поводу ЕГЭ, было волнение перед последним звонком. Эти бесконечные репетиции, подготовки...»*. В текстах, относящихся к данному виду, присутствовали также глаголы движения *незаметно пролетели* в переносном значении.

Косвенная форма выражения концепта была обнаружена в 5% русскоязычных текстов. В текстах англоязычных авторов она отсутствовала.

2.5 Выделение дискурса воспоминаний из автобиографического дискурса

Поскольку концепт, как было сказано выше, является своего рода «свёрткой» рассматриваемого дискурса, логичным представляется переход к рассмотрению особенностей дискурса воспоминаний.

Теоретическая проблема вычленения одного дискурса из другого является весьма актуальной для нашего исследования. В нашем случае речь идет о выделении дискурса воспоминаний из автобиографического дискурса.

В ходе анализа данных эксперимента (его описание приведено в разделе 2.1 настоящего исследования) было выявлено, что все полученные нами тексты относятся к автобиографическому дискурсу. Основанием для такого заключения является возможность применения к ним так называемого пакта Ф. Лежёна. Пакт в качестве условий включает следующие параметры:

1. Форма языка: а) повествование; б) проза.
2. Объект изображения: индивидуальная жизнь, история личности.
3. Положение автора: идентичность автора (чье имя указывает на реальное лицо) повествователю.
4. Позиция повествователя: а) идентичность повествователя главному герою; б) ретроспективная перспектива повествования [Lejeune, 1988, с.4].

В любой автобиографии объектом повествования (наррации) является «процесс становления авторского е^{го}», рассматриваемый в ретроспективе. Поэтому автор воспоминаний неизбежно реконструирует «традиционные этапы формирования человеческой личности (рождение и детство автобиографического героя, школьные годы и отрочество, начало взрослой жизни и процесса социализации индивидуума)» [Бондарева, 2006, с.70].

В связи с этим встаёт вопрос о соотношении дискурса воспоминаний с автобиографическим дискурсом. Принято считать, что дискурс делится на типы, а жанры дискурса представляют собой конкретизацию типов дискурса.

М.М. Бахтин в своей работе «Проблема речевых жанров» указывает на соответствие жанров типическим ситуациям речевого общения, типическим темам [Бахтин. Проблема речевых жанров. URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm]. Следствием этого являются «контакты значений слов с конкретной реальной действительностью при типических обстоятельствах» [Бахтин, там же].

Но в нашем случае едва ли уместно утверждать, что дискурс воспоминаний – это один из жанров автобиографического дискурса. У жанра достаточно жесткие рамки, а содержание текстов, репрезентирующих воспоминания, настолько различно, что представляется невозможным соотнести их с каким-либо одним жанром. Поэтому мы полагаем, что дискурс воспоминаний – это не жанр, а разновидность автобиографического дискурса.

Опираясь на теорию Т. ван Дейка о связности дискурса, логично заключить, что целевой дискурс воспоминаний представляет собой пример автобиографического дискурса. Тем не менее, введенный М.М. Бахтиным термин «тема»

представляется нам очень важным в контексте исследований дискурса, поскольку М. Хэллидей характеризует дискурс через параметры «участники», «тема», «способ представления» [Halliday, 1991]. Под темой дискурса понимается сфера социального взаимодействия, в которой участники оперируют языком как основным инструментом сотрудничества. Упрощая, но не искажая суть хэллидеевского определения, А.А. Кибрик и П.Б. Паршин поясняют, что тема – это то, о чем идет речь в данном дискурсе [Кибрик, Паршин. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html?page=0,0].

Участники дискурса рассматриваются вкуче со всеми статусными и ролевыми задачами, социально значимыми отношениями, в которые они вовлечены. Способ дискурса есть собственно функция, выполняемая через употребление языка для достижения той или иной цели, формально-содержательная организация текста, канал его репрезентации (устный или письменный), его коммуникативная цель (побуждение, убеждение, объяснение).

По мнению Е.В. Ивановой, параметр «тема» является одним из традиционных и основных критериев классификации дискурсов в современных лингвистических исследованиях. Поскольку объектом или темой дискурса может быть любая область человеческой деятельности, список тем имеет открытый характер. Следовательно, можно допустить, что разновидностей дискурса столько, сколько видов деятельности человека. Соответственно, каждый вид деятельности порождает собственный вид дискурса с присущей ему лексикой и стилистикой [Иванова, 2007, с.134].

Очевидно, что автобиографический дискурс шире по параметру «тема»: он содержит не только воспоминания, но и факты, не несущие аксиологической нагрузки, как, например, автобиографии анкетного типа: «Я, такой-то, родился тогда-то, в такой-то семье...» и т.п. В дискурсе такого типа доминирует документальность и до минимума сведено переживание события во внутреннем времени его.

Таким образом, отталкиваясь от термина «тема», введенного М.М. Бахтиным, в контексте дискурсивного анализа, и опираясь на критерии типологии дискурса,

предложенные М. Хэллидеем и В.И. Карасиком, мы считаем возможным выдвинуть утверждение о целесообразности выделения по параметру «тема» дискурса воспоминаний. Темой дискурса воспоминания является макрособытие по ван Дейку, или сложное событие по В.Е. Гольдину, или текстовое событие по В.З. Демьянкову (см. раздел 1.4 настоящего исследования). Процесс воспоминания соединяет прошлое и настоящее, а прошлое как раз и отражается в сознании в виде событий и их последовательности, и выражается в виде нарратива. Связь события и дискурса мы находим и у В.З. Демьянкова в его определении события. Событие по В.З. Демьянкову – это нечто, лежащее в ряду других эпизодов дискурса. «Связный дискурс может быть посвящен одному целому событию, подразделяемому на фазы (тоже события, но рассматриваемые как составляющие более крупную единицу), и может не содержать никаких событий» [Демьянков, 1983, с.322] (подробнее о событии см. раздел 1.3 настоящего исследования).

Мы полагаем, что совокупность переживаний личности, объединённых темой «школьные годы», является макрособытием, поскольку состоит из некоторого количества простых и сложных событий. Как уже упоминалось нами в разделе 1.4, простое событие рассматривается нами как последовательность действий или состояний, ведущих к изменению положения дел в мире. Простое событие, как правило, единично и сценарно (по классификации Н.Д. Арутюновой). Сложное событие, будучи суммой простых событий, образует значение процессуальности, повторяемости, оно зачастую слабо структурировано. Макрособытие как последовательность простых и сложных событий в сознании формирует впечатление, а в дискурсе порождает нарратив. Макрособытие, в силу своей произвольной структуры, соотносится с текстовым событием по типологии В.З. Демьянкова, о которой говорится в п.1.3.2 настоящего исследования. Эта типология включает в себя идею-событие (как интенционал имени события), референтное событие (как собственно событие) и текстовое событие.

Анализ полученных нами текстов говорит о том, что в одних случаях макрособытие во внутреннем времени его авторов имеет достаточно четкую

структуру (подготовка события или условия возникновения события, далее следуют составляющие события или непосредственно относящиеся школьным годам события и, наконец, последствия). В других случаях макрособытие имеет более рыхлую структуру и состоит из некоторого количества простых событий, не особенно последовательно связанных между собой (более подробно см. анализ примеров в разделе 2.8.1 и 2.8.2).

Т. ван Дейк трактует дискурс в том числе и как социальное явление [Дейк ван. К определению дискурса. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>]. Поэтому целесообразно добавить к определению макрособытия следующую характеристику: совокупность переживаний (experience) личности в определенной социальной роли, которой соответствует период жизнедеятельности, определяемый метафорой «жизненный этап». В нашем исследовании эта роль – «школьник/школьница». Представляется, что целостный образ макрособытия формируется в сознании личности post factum, когда роль прожита, исполнена и наступает очередной жизненный этап (в нашем случае – учёба в вузе или работа). Следовательно, представление макрособытия требует ретроспективной конструкции.

В процессе реконструкции макрособытия устанавливается связь между его элементами. Это служит доказательством того, что индивидуум «не просто воспринимает» события, «а осуществляет логическую и чувственную обработку ретроспективной информации путём соотнесения» событий «друг с другом, организуя их в одно целое» [Фомина. URL: <http://cheloveknauka.com/konstruktsiya-s-vtorichnoy-predikatsiey-kak-sredstvo-reprezentatsii-makrosobytiya#ixzz4AWjNd69h>]. «Школьные годы», таким образом, служат характерным примером макрособытия, являя собой цельный образ, состоящий, тем не менее, из более или менее последовательной во времени цепочки отдельных – простых и сложных – событий.

2.6 Краткая характеристика функционально-прагматических особенностей дискурса воспоминаний

Ещё одним релевантным свойством исследуемого дискурса является его персональный и бытийный характер.

В.И. Карасик выделяет персональный (лично-ориентированный) и официальный, или институциональный дискурсы. «В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института» [Карасик, 2002, с.293-294]. Персональный дискурс представлен В.И. Карасиком как бытовое и бытийное общение. Специфика бытового общения, детально отраженная в исследованиях разговорной речи, «является генетически исходным типом» дискурса, органически усваиваемым с детства [Карасик, 2002, с.240].

Бытийный дискурс имеет развернутый, предельно насыщенный смыслами характер, здесь используются все формы речи на базе литературного языка. Бытийное общение «преимущественно монологично» [Карасик, 2002, с.240]. В.И. Карасик разделяет бытийный дискурс на прямой и опосредованный. Прямой бытийный дискурс представлен в его классификации двумя противоположными видами: смысловым переходом и смысловым прорывом. Смысловой переход имеет в качестве основной композиционно-речевой формы рассуждение, т.е. вербальное выражение мыслей и чувств, их назначением является определение неочевидных явлений, имеющих отношение к внешнему или внутреннему миру человека. Примером смыслового перехода может послужить следующий текст, полученный нами в ходе эксперимента:

«I think high school nostalgia is overrated and deceptive (1). I don't romanticize the idea of going back because I remember that unless we all are still the same people we were as insecure students (which happens I suppose. (2), we're much better off with all the realities of adulthood because we've grown and developed for the better (3)».

Автор формулирует свой тезис (1) достаточно четко, используя оценочно-квалификационные предикаты – high school nostalgia is overrated and deceptive. Далее следуют аргументы – только эмоционально незрелые и инфантильные люди

могут всерьёз грустить об ушедшей юности (2), быть взрослым, уверенным в себе и оптимистичным – намного лучше (3). Перед нами – построенный по классическому канону логики образец рассуждения. Далее, в данном тексте автор раскрывает такое неочевидное явление, как преувеличение и обманчивость романтики школьных лет и тоски по ним. Она доказывает, что, если бы те, кто переживает сейчас это чувство, вернулись в прошлое, они не были бы действительно счастливы. Иными словами, вышеприведенный отрывок является рассуждением, идентифицирующим неочевидное явление – *high school nostalgia*, т.е. служит примером развертывания смыслового перехода прямого бытийного дискурса, в фокусе которого находятся рассуждения и умозаключения жизне-философского характера. При этом логическая последовательность пропозиций – лишь внешнее условие развёртывания глубокого интенционального плана, чувственных переживаний автора. Следует отметить также, что в данном отрывке экстенционал не господствует; главное у автора – всё-таки интенционал, чувства.

Противоположный смысловому переходу вид прямого бытийного дискурса – это смысловой прорыв. Смысловой прорыв – это озарение, инсайт, внезапное понимание сути дела, душевного состояния, положения вещей. Композиционно-речевой формой смыслового прорыва является текстовый поток образов [Карасик, 2002, с.240]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в текстах наших респондентов мы не нашли примеров смыслового прорыва. Чаще всего данный вид дискурса встречается в поэзии. Нам показалось интересным в плане раскрытия концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE стихотворение У. Уитмена, поэтому оно и приведено ниже в качестве иллюстрации смыслового прорыва в прямом бытийном дискурсе:

*A man, yet by these tears a little boy again,
 Throwing myself on the sand, confronting the waves,
 I, chanter of pains and joys, uniter of here and hereafter,
 Taking all hints to use them, but swiftly leaping beyond them,
 A reminiscence sing.*

Опосредованный бытийный дискурс – это аналогическое (переносное) и аллегорическое (символическое) развитие идеи через повествование и описание. Подавляющее большинство полученных нами текстов (около 90%) относятся к опосредованному бытийному дискурсу, причем повествовательная форма превалирует.

Примером повествовательной формы опосредованного дискурса в текстах наших респондентов может служить следующий отрывок: *«И вот наступил 11 класс. Все время было посвящено подготовке к экзаменам, репетициям по проведению последнего звонка, и кончено же, выпускного бала!*

Прошел последний звонок, и наступила пора сдачи экзаменов, мы все без проблем сдали выбранные нами экзамены. Далее началось самое прекрасное время – репетиции, постановка вальса, выбор платья, прически и т.д.

23 июня, вечер, мы все очень красивые, вальс, нас поздравляют, в глазах радость и грусть. Директор вручает билеты во взрослую жизнь, т.е. аттестаты».

Воспоминание повествует о таком сложном в функционально-структурном плане событии, как последний год в школе. Сложное событие, лучше всего запомнившееся автору и ассоциирующееся у него со временем «школа» состоит из ряда взаимосвязанных простых событий – подготовка к выпускным экзаменам, последний звонок, выпускной вечер в школе. Структура текста представляет собой ряд коротких, состоящих из 1-2 предложений абзацев. Данный тип повествования можно отнести к типу «хроник». «Хроника» – это нарратив, имеющий определенную цель, описывающий хронологически серию простых событий, и то, как они проходили, но не несущий в себе определенной оценки. [De Fina, 2003] (подробнее о жанрах нарратива см. Глава 3, раздел 3.4 настоящего исследования). Автор повествует о единичных событиях – *«наступила пора сдачи экзаменов», «нас поздравляют»* и т.д. Фраза *«далее началось самое прекрасное время»* – единственная, содержащая интенционал сложного события «Последний год в школе». В целом следует отметить, что у русскоязычных респондентов

превалирует экстенционал, в то время как англоговорящие авторы видят школьное прошлое через интенциональные смыслы.

Событие у автора выступает как конкретный объект действительности, репрезентированный в дискурсе воспоминаний в пространственно-временном измерении. В семантической структуре дискурса преобладает экстенционал, иными словами, денотативное пространство, с которым соотносятся конкретные образы: «последний звонок», «выпускной вечер»

Иными словами, смысловое содержание данного текста в целом вытекает непосредственно из линейно организованного смысла его составляющих. Единичные события *«и вот наступил 11 класс»*, *«прошел последний звонок»* – это референтные события по В.З. Демьянкову. Поскольку в них господствует экстенционал, они слагаются в последовательность текстового события чисто линейно, без нарушений временного порядка, которые нередки в интенциональных контекстах.

Описание – это статическая характеристика очевидных, наблюдаемых явлений. Повествовательная и описательная аналогия базируется на устойчивых социально закрепленных ближайших смысловых связях. Описание также присутствует в текстах респондентов: *«...(1)Ну и конечно, выпускной бал. (2) В конце июня, ближе к вечеру по городу шествует парад выпускников в самых разнообразных платьях и костюмах. (3) Девушки, как феи, пестрят всеми цветами радуги, а парни, как галантные ухажеры, все хороши как на подбор»*.

В соответствии с основными признаками описания в вышеприведенном отрывке перечислены: название события – выпускной бал, время проведения выпускного вечера, его участники. Предваряется отрывок номинативным предложением (1). Далее следует перечисление одновременно присутствующих признаков и действий – (2). В описаниях, как правило, употребляются предикаты несовершенного вида прошедшего времени. Но для интенсификации дескриптивного эффекта могут использоваться презенсные формы глаголов, что мы можем наблюдать в предложении (2) и (3) – *шествует, пестрят*. Для трансляции личных ощущений описываемого события автором в предложении (3)

используется метонимия «*Девушки...пестрят всеми цветами радуги*» параллельная конструкция – «*девушки, как феи / парни, как галантные ухажеры*». Описание в данном примере преимущественно опирается на последовательность экстенциональных высказываний.

Событие «выпускной вечер» встретилось нам в 50% текстах русскоязычных информантов, и не встретилось совсем в воспоминаниях англоязычных авторов. Вероятно, событие «выпускной вечер» включено в поле концепта ВОСПОМИНАНИЕ в контексте школьных лет в концептосфере русскоязычной аудитории.

Согласно классификации В.И. Карасика, персональному дискурсу противопоставляется институциональный дискурс, представляющий собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений [Карасик, 2002, с. 193]. Другими словами, институциональный дискурс есть статусно-ориентированное общение. В нашем случае, если в качестве головного жанра выступает именно автобиография – резюме, автобиографическая справка, curriculum vitae, то автобиографический дискурс можно было бы считать институциональным. Тексты, относящиеся к этим жанрам, составляются по определенному шаблону и имеет место отбор событий, релевантных не для личности, а для института, с которым субъект вступает в отношения. Однако пишет автобиографию персона, личность, пусть и по установленному соответствующим институтом образцу. Смысл институционального дискурса в том, что он продуцируется от имени института. Поэтому приказ, распоряжение; закон, подзаконный акт, договор и т.п. являют институциональный дискурс как статус, волю, намерение и т.п. организации. Подпись руководителя только свидетельствует, что документ представляет организацию. Автобиография же – это детали личности. Руководители кадровых подразделений организаций не заверяли эти детали собственной подписью. Выбор этих деталей осуществляется личностью. Подобно этому автор мемуаров или просто дневника, не записывает с хронологической точностью все детали происходящего, но выбирает их каждый раз сообразно коммуникативному заданию. Таким образом, несмотря на изложенные

соображения по поводу институциональности / персональности автобиографического дискурса, последний признаётся персональным.

В свою очередь, в персональном дискурсе «говорящий выступает как личность во всем богатстве своих уникальных характеристик» [Карасик, 2002, с. 285]. Иными словами, персональный дискурс служит для раскрытия внутреннего мира автора, для самоактуализации. Здесь, как нам кажется, прослеживается связь между персональным дискурсом и внутренним временем его индивидуума. В нашем экспериментальном материале содержатся образцы исключительно персонального бытийного дискурса.

Вопрос о функциях, которые реализует персональный бытийный дискурс достаточно дискуссионный и требует более глубокого изучения, нежели позволяют рамки настоящего научного исследования. Если предполагать, что выделение функций дискурса базируется на основных функциях языка по типологии Р.О. Якобсона [Якобсон, 1975, с.198], то главными функциями дискурса воспоминаний, относящегося к персональному бытийному дискурсу выступают (по результатам изучения нашего эмпирического материала) коммуникативная, и эмотивная функции. Коммуникативная функция дискурса реализуется в информировании потенциальных собеседников о событии, лежащим в основе воспоминания. Реализация данной функции обнаруживается во всех текстах наших респондентов. Эмотивная функция, сообщающая потенциальным собеседникам об эмоциональном состоянии информантов, присутствует реже, в основном в текстах с преобладанием интенционала содержания. Мы допускаем, что дискурс воспоминаний выполняет и другие функции и повторяем, что данный вопрос требует отдельного исследования.

Таким образом, дискурс, образующийся вокруг концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE, относится, по нашему мнению, к персональному бытийному опосредованному дискурсу (по классификации В.И. Карасика). Мы выделяем дискурс воспоминаний из автобиографического дискурса и полагаем, что он (дискурс воспоминаний) не является жанром автобиографического дискурса, а представляет собой самостоятельный дискурс,

который может считаться разновидностью автобиографического дискурса. Этот дискурс существует в виде нарратива и имеет весьма разнообразное и разнородное содержание. В данном виде дискурса принимаются попытки раскрыть свой внутренний мир во всем его богатстве, общение носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер, используются все формы речи на базе литературного языка [Карасик, 2002, с. 240].

2.7 О признаках Дискурса Различий в текстах автобиографического характера

Наконец, релевантной целям нашего исследования представляется эволюционная теория дискурса. В ней различают три поступательные дискурсивные формации. Дискурс Различий – это множество дискурсов, в которых выражаются расхождения в суждениях и оценках в определенных областях социальной практики. Дискурс организуется вокруг концепта и при этом обнаруживает многочисленные различия, связанные с индивидуальными контекстами интерпретации.

Целью участников Дискурса Различий является «установление признаков всеобщего» [Каплуненко, 2007, с. 117], вылавливание их в бесконечности феноменологических рассуждений и интерпретаций. Общего языка в Дискурсе Различий не бывает.

Дискурс Согласования – дискурс, иллокутивная цель которого есть согласование точек зрения. Дискурс организуется вокруг понятия, преодолевающего различия, обусловленные феноменологичностью концепта.

Дискурс Экспертного Сообщества – результат объединения носителей специального знания, порождающих дискурс, в котором образуется и функционирует термин [Каплуненко, 2007, с. 119].

Поскольку исследуемый нами дискурс организуется вокруг концепта, то логично предположить, что он может быть отнесен к Дискурсу Различий. Это предположение подкреплено тем, что в исследованном нами материале авторы восходят к макрособытию через совершенно разные последовательности и

сочетания единичных событий. Иными словами, их опыт переживания, а, следовательно, состав внутреннего времени его различен.

Концепт ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCES уникален тем, что организующийся вокруг него Дискурс Различий предельно обнажает конкретное время его. Пожалуй, ни в одном ином случае так чётко не выстраивается цепь событий, маркирующих переживание (в герменевтическом смысле) субъекта Дискурса Различий. Тексты, полученные нами в ходе эксперимента, повествуют о совершенно различных вещах: *«High school for me involved major identity crisis all three years and a constant struggle with depression»*. Школьный опыт в памяти респондента связан с кризисом собственной идентичности и постоянной борьбой с депрессией.

Или другой пример воспоминаний о школе: *«The Vietnam War was polarizing us even at that age: jocks and peace freaks were the terms back then»*. Респондент старшего возраста упоминает войну во Вьетнаме и её влияние на школьников как часть воспоминаний о школьных годах.

Русскоязычный респондент пишет следующее: *«Нас до девятого класса было два – «А» и «Б» класс, после окончания которого большая часть учащихся ушли в средне-специальные учебные заведения. Мы очень сильно сдружились, хотя до объединения классов были самыми заядлыми соперниками»*. Следует отметить, что в подавляющем большинстве текстов русскоязычных авторов превалирует образ класса. Автор мыслит себя частью коллектива, поэтому в его воспоминаниях судьба класса описывается так подробно: сначала часть учеников покинула класс для получения профессионального образования, потом произошло слияние с другим классом. Для автора очень важен тот факт, что изменилось его окружение в школе, так как треть его жизни в школьный период проходило именно в классе. Словосочетание «дружный класс» является синонимом понятия «хороший класс» в русскоязычной концептосфере.

Следующий пример в некоторой степени перекликается с предыдущим: *«Начну с того, что, когда я учился в девятом классе, нашу школу признали аварийной, и мне пришлось переводиться в другую школу. Но, по сути, я остался в своем*

классе, просто обучался в здании другой школы. Затем у меня возник конфликт с преподавателем математики, и я снова сменил школу и продолжил обучение в гимназии». Изложена цепь событий, также имеющих большое значение для автора. Но все эти события имеют отношение к ближайшему окружению школьника – классу. Поэтому за экстраординарным событием – разрушением школы – следует пояснение, что состав класса не изменился, всего лишь поменялось здание, поменялась форма, суть осталась неизменной. И снова чрезвычайное событие в школьной жизни автора – серьезный конфликт с учителем, что приводит к радикальным изменениям – автор вынужден уйти в другую школу. Вышеперечисленные события в жизни автора очень важны для автора, они имели отношение к базовым ценностям русскоязычного школьника – класс, учитель, школа.

Все эти примеры очень наглядно показывают, что воспоминания об одном и том же отрезке времени у респондентов разные. Фокусирование событий в текстах носит сугубо индивидуальный, личный характер, несмотря на то, что время культуры «школьные годы» должно порождать какое-то общее поле интерпретации. Дискурсы Различий респондентов встречаются лишь в одной точке, заданной именем макрособытия «школьные годы».

2.8 Репрезентация дискурса воспоминаний в текстах разных форм организации

Изучая эмпирический материал, мы ставили своей целью провести анализ полученных нами текстов как образцов дискурса воспоминаний путем 1) выявления стратегий, которых придерживались авторы текстов и 2) определения форм организации текста при развертывании дискурса воспоминаний.

В нашем исследовании мы опираемся на следующее определение стратегии: коммуникативная стратегия – это часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой совокупность различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной

коммуникативной цели. Стратегия – общая рамка, канва поведения, которая может включать и отступления от цели в отдельных шагах [Мальцева, 2007, с. 82]. В исследуемых нами текстах были выявлены примеры использования стратегии позиционирования и драматизации (подробнее – см. анализ примеров). Выбор стратегии обусловлен либо прагматическими задачами, стоящими перед авторами, либо их индивидуальными особенностями и творческими способностями. Реализация авторской коммуникативной стратегии происходит в текстах, репрезентирующих дискурс воспоминаний.

В связи с этим заслуживают особого внимания труды М. Хоуи, посвященные изучению дискурса, в которых главная роль принадлежит тексту. М. Хоуи сумел обобщить разновидности англоязычного текста на весьма высоком уровне. Текст, по М. Хоуи, это место (a site), где сталкиваются и взаимодействуют намерения автора и ожидания читателя. Текст служит очевидным доказательством индивидуального целенаправленного взаимодействия между одним или более авторами и одним или более читателями [Ноеу, 2001, р.11–13]. Само взаимодействие М. Хоуи называет дискурсом.

Изучив результаты эксперимента Ю. Уинтера, М. Хоуи приходит к выводу о внутреннем, или интуитивном понимании структуры дискурса любым носителем языка. Он назвал это понимание а «consensus» about discourse organization» – согласованностью в организации дискурса [Ноеу, 1983, р.5]. Внутри текста как части дискурса существует связи между его частями. М. Хоуи назвал их clause relations или просто relations. Установление этих связей – когнитивный процесс, в ходе которого мы интерпретируем значение предложения (или группы предложений) в свете примыкающего к нему предложения (или группы предложений). Поскольку это когнитивный процесс, то он происходит на семантическом уровне, но проявляется на поверхности дискурса с помощью определенных сигналов, т.е. с помощью структурной организации текста.

Сам М. Хоуи не разграничивал понятия устного дискурса и письменного текста, относил свои исследования к обеим формам – устной и письменной – текста. Иными словами, бесспорным является то, что дискурс и текст – смежные

понятия. Мы в своей работе придерживаемся того мнения, что текст входит в дискурс как конечное частное в общее и открытое.

Исследователь выделяет несколько типов организации текста: «problem – solution», «hypothetical – real» and «general – particular» [Hoey, 1983]. Мы использовали эти модели для описания структуры дискурса полученных нами текстов.

2.8.1 Пример организации дискурса воспоминаний по типу «hypothetical – real»

Нижеприведенный текст соответствует модели «hypothetical – real». Согласно этой модели текст можно условно разделить на две части: предполагаемую (hypothetical) и действительную (real). В предполагаемой части излагается то, что, по мнению автора, не соответствует истине; приводится утверждение, требующее либо подтверждения, либо опровержения. В действительной части автор формулирует то, что считает правдой; приведенное в предполагаемой части утверждение или подтверждается, или опровергается.

Текст разбит на отдельные отрывки для удобства восприятия и анализа.

(1) *«High school was unique for me. My experience was different from any of my friends' or siblings' experiences. My sister was the social butterfly who went to every social event, but was also a popular athlete. My brother was the popular class clown who was social and coasted through school without a care in the world. I was the grade-obsessed over-achiever.*

(2) *Movies always depict high school as a battle between social classes. There are mean girls and jerks who spend their time making high school miserable for those who do not belong to their same social circle. They tease people, play jokes, talk back to teachers, and tend to get whatever they want».*

Для изложения воспоминаний о школьных годах автором выбрана стратегия позиционирования. В трактовке Лакло и Муфф определенная идентичность приобретает субъектом посредством дискурсивного структурирования

социального мира и осуществления процедур позиционирования внутри дискурса. На основе процесса позиционирования индивидуум формирует мнение о себе как у себя самого, так и у других людей [Лакло, 2006].

Автор исследуемого примера позиционирует себя буквально с первых строк. Сообразно с правилами естественной когниции [Lakoff, 1999], он начинает с ближайшего окружения: противопоставляет свой опыт школьной жизни (*experience was different from any of my friends' or siblings' experiences*), свой образ в школьные годы (*the grade-obsessed over-achiever*) опыту и образу сестры (*the social butterfly*) и брата (*the popular class clown*). Характерным для данного примера дискурса воспоминаний является изображение связи между автором и другими по аналогии с известным семиотическим противопоставлением «субъект – другой» [Сартр, 2015].

В соответствии с моделью «hypothetical – real» М. Хоуэя и Ю. Уинтера приведенный выше отрывок начинается с части «действительное» (1), или с изложения реального опыта индивидуума. Второй абзац – переход к стереотипной части, в ней описываются стереотипы школьной жизни, навязываемые кинематографом «*movies always depict high school as a battle between social classes*».

(3) «*I don't remember high school being like that at all. I wouldn't consider myself «popular», but I wasn't a «loser». I played many sports with the so-called popular crowd, so I got along with them. However, I don't recall anyone mean people. Everybody seemed to get along. In fact, most of that popular crowd was very friendly and nice towards those of supposedly lower social standing. I have a hard time watching movies that show high school the way described earlier because, according to my own experiences, that's not what it is like in real life*».

Третий абзац воспоминаний относится к типу *real* в соответствии с моделью М. Хоуэя и Ю. Уинтера. В ней опровергается широко распространенная точка зрения о школе как о поле битвы представителей разных социальных слоев, изложенная во втором абзаце (часть *hypothetical*) и констатируется реальное с точки зрения личного опыта (положение дел *de facto*). В то же время автор не

отклоняется от стратегии позиционирования. Собственные переживания акцентируются в режиме откровения – *I don't remember high school being like that at all; I have a hard time watching movies that show high school the way described earlier because, according to my own experiences, that's not what it is like in real life.* Откровение характерно и в позиционировании «я-в-прошлом» – *I wouldn't consider myself «popular», but I wasn't a «loser». I played many sports with the so-called popular crowd, so I got along with them.*

Воспоминания как ментальный акт, безусловно, являются частью субъективной реальности. Внутреннее время его автора включает в себя, прежде всего образ себя в прошлом. И здесь можно говорить о бидоминантности в субъективной реальности, которая выражается в двух противопоставлениях: 1) «я для себя» vs «я для других»; 2) «я здесь и сейчас» vs «я в прошлом/будущем» [Бахтин, 1979].

Это явление наблюдается в исследуемом нами тексте, где эти два времени – презенсное (настоящее) и преториальное (прошедшее) употребляются попеременно.

Далее автор продолжает, вновь упоминая сюжеты кинофильмов и книг и опровергая сложившиеся стереотипы ссылками на собственный опыт:

(4) *«Another popular scene that is depicted in movies and books is prom or other dances. Such social events were not a part of my high school experience. I cared too much about my grades and getting a scholarship to a good nursing program, so I spent most of my free time studying or meeting with a club. I was a member of Key Club, HOSA, National Honor Society, Operation Smile, A'Capella, softball, basketball, and more. I took Anatomy, Medical Science, EMS, Sports Medicine, AP Calculus, AP English, AP World History, and every other advanced class offered at the school. I spent most of my senior year setting up fundraisers and other charity events. I was determined to be chosen as one of two youth members of a surgical mission to Arequipa, Peru, with a group known as Children's Surgery International. In order to earn the position, I had to raise a minimum of three hundred and fifty dollars, fill out an application, write an essay, and go through a series of interviews. I raised over eight hundred dollars, completed all requirements, and was selected to go»*

Первое предложение отрывка (4) относится к области *hypothetical* модели Хоуэя – Уинтера, а весь остальной текст – к области *real*, причем эта часть текста выглядит как резюме. Автор объясняет, почему она не принимала участия в развлекательных мероприятиях в школе, подробно перечисляя все программы и курсы, которые она изучала. В данном случае мы имеем классическое представление событий во внутреннем времени *ego* – перечисляются те события, которые позиционируют автора как человека особенного, и, несомненно, успешного. Четко прослеживается стратегическая коммуникативная цель автора «создание собственного имиджа». Очевидно, что в жизни каждого человека бывают и успехи, и поражения. В соответствии со стратегией самопрезентации автор исключает упоминания о неудачах. Здесь определённо господствует стратегическая ценность *homo mercarens* – «успех» [Фромм, 2016].

По словам Е.Е. Сапоговой, автор строит автобиографический текст, явно или скрыто организуя его сюжет вокруг собственной формулы мировосприятия и самовосприятия [Сапогова, 2005]. Это рассуждение дополняется мнением Л.М. Бондаревой [Бондарева, 2006], согласно которому автор выступает в роли «режиссера», не репродуцирующего, а творчески реконструирующего лично пережитое. Мы не считаем сравнение автора с режиссером удачным. Автор – это рассказчик, нарратор, а это, хоть и предполагает творчество, но от режиссуры отличается.

Позиционирование помимо противопоставления предполагает попытку определить отношения в системе «субъект – среда» через социально-культурный контекст дискурса. Социально-культурный контекст данного примера – это протестантская этика: автор много и усердно трудился, чтобы достичь поставленной перед собой цели, и он этой цели достиг. Любой текст апеллирует к той культуре, к которой он принадлежит, и наш пример – не исключение.

(5) *«Many people think it's sad that I, in some people's opinions, wasted high school. However, I do not see it that way. I loved high school. I thrived in high school. I had fun, had plenty of friends at school, and was extremely happy. I am still happiest when I keep myself busy. I don't think I would change anything if I could go back».*

Структура данного абзаца повторяет структуру предыдущего абзаца (4) – первое предложение является предполагаемым (hypothetical), все остальные – то, что, по мнению автора, является действительным (real). В отрывке (5) используется тот же прием сочетания презенсного и претериального времен: в начале и в конце отрывка – настоящее простое время, в середине – прошедшее, что обеспечивает когезию и когерентность автобиографического дискурса. Особенностью данной части текста является то, что она содержит аксиологические высказывания, относящиеся к личному опыту – *I loved high school; I thrived in high school; I had fun, had plenty of friends at school, and was extremely happy.*

Воспоминания автора вышеприведенного текста носят выраженный интенциональный характер и в определенной степени напоминают резюме, концентрируясь вокруг внешних событий. Автор позиционирует себя на фоне стереотипов, выдвигая на передний план собственные достижения.

2.8.2 Пример организации дискурса воспоминаний по типу «general - particular»

Приведенное ниже эссе привлекло наше внимание тем, что являлось весьма наглядным примером организации текста в соответствии с моделью «general – particular» тех же М. Хоуэя и Ю. Уинтера. Данный способ организации текстового пространства широко распространен, поскольку позволяет связно и логично приводить суждение, дополняя его примерами.

(1) *«Школа всегда оставляет в памяти самые добрые, положительные и в то же время поучительные воспоминания. Старшие классы – особенная часть этих воспоминаний.*

(2) *Одним из самых ярких воспоминаний о старших классах – это День самоуправления или День учителя. В этот единственный день в году вся школа находится в распоряжении Совета старшеклассников. Старшеклассники*

занимают место директора, учителей и всего вспомогательного состава школы. И тогда нет предела фантазии...

(3) Ещё я всегда вспоминаю конкурс талантов среди учеников старших классов – Старттинэйджер. Все старшеклассники соревнуются между собой в танцах, различных сценках, умениях подать все это самым необычным и интересным образом.

(4) Ну и конечно, пиком всего этого является выпускной бал – «Алый парус». Для нас устраивают прощальный концерт, а после, когда становится темно, по реке пускают лодку с большим алым парусом как символ прощания со школой».

Структура текста достаточно четкая и логичная. Модель «general – particular» предполагает изложение общей информации, а затем переход к отдельным фактам. В абзаце (1) дано общее (general) утверждение о макрособытии «школьные годы» как о формирующем дискурс воспоминаний явлении. Содержание абзацев (2), (3), (4) относится к части particular, в них приводятся описания сложных ежегодно повторяющихся событий, входящих в состав макрособытия. В свою очередь, абзацы (2), (3), (4) содержат предикаты несовершенного вида (одна из характерных особенностей сложного события) и построены по той же модели «general – particular»: начальные предложения содержат названия сложных событий, в последующих предложениях раскрывается содержание каждого из них. Исходя из содержания текста, можно предположить повторяющийся характер всех изложенных в части (2), (3) и (4) сложных событий. Эти события слабо структурированы – не указаны время и место проведения мероприятий, являющихся сложным событием, отсутствуют примеры неизбежных различий в особенностях событий, которые, несомненно, наличествуют (невзирая на их регулярный характер). Повторяемость события, так же, как и его слабая структурированность (слабая структурированность именно события, но никак не самого текста) относятся к свойствам сложного события.

Характерной особенностью данного текста является употребление исключительно настоящего исторического времени в описании трех событий (День самоуправления, конкурс талантов и выпускной вечер). По нашему

мнению, это является показателем стратегии драматизации. Суть драматизации с семиотической точки зрения заключается в иконизации, или максимально возможном сокращении расстояния между знаком и объектом (ср. Клюканов 1989). Ещё Аристотель в своем труде «Поэтика. Риторика» выделял диатипическую функцию поэтического языка, назначение которой в том, чтобы образ воспринимался чувством, а не разумом, зрением, а не слухом [Аристотель, 2016]. Ясно, что драматизация работает в аналогичном русле. Человек переживает события из прошлого в режиме «здесь и сейчас» и хотел бы рассказать о них так, чтобы у собеседника возникло почти визуальное представление о повествуемых эпизодах. Иными словами, целью данной стратегии является приближение словесного к зрительному образу. При этом на интенциональном горизонте участников коммуникации присутствует состояние сопереживания.

Помимо этого, настоящее историческое время часто используется авторами для маркирования прошедших событий в соответствии с их статусом. События, изложенные с помощью настоящего исторического времени, важнее для автора и имеют более высокий статус во внутреннем времени его. Они переживаются до сих пор, и эти переживания носят герменевтический характер. Следовательно, эти три сложных события – это так называемые маркированные во внутреннем времени его события, они чрезвычайно важны для автора, являются олицетворением времени «школа». Наличие маркированных событий во внутреннем времени его говорит о том, что в данном примере господствует фактор субъективного времени, о котором подробно говорится в первом разделе Главы 1 настоящего исследования.

2.8.3 Другие способы организации текста в дискурсе воспоминаний

Следующий пример дискурса воспоминаний не содержит ни прямых, ни косвенных указаний на имя исследуемого нами концепта. По своей структуре он отличается от рассмотренных выше текстов. Его автор так же, как и автор примера, проанализированного в разделе 2.7.1, использует стратегию

позиционирования, но в данном случае это позиционирование не себя самого, а своего класса.

(1) *«Первый год мы ходили в школу, как в детский сад. Мы играли, учились и ждали родителей. Мы постепенно становились школьниками. Незаметно пролетели девять лет. И мы стали девятиклассниками».*

Согласно условиям эксперимента, рассказ должен был содержать воспоминания о старших классах, и подавляющее большинство респондентов четко выполнили это условия. Однако автор данного текста счел необходимым упомянуть о школьных годах, предшествующих старшим классам. Никаких примечательных событий не упомянуто, макрособытие во внутреннем времени автора отсутствует. Скорее, данный абзац выполняет функцию введения в структуре текста.

(2) *«Наш класс был самый дружный, умный, общительный и любознательный. Нашего классного руководителя Селезнева Ивана Александровича мы очень любили и ценили.*

(3) *Наш класс был всегда ответственным, поэтому все школьные мероприятия доверяли нам. Мы добросовестно относились к нашим заданиям. Мы пытались везде участвовать, проводить праздники, конкурсы, викторины и соревнования».*

Класс в воспоминаниях автора выступает как единое целое, он персонифицируется – «дружный», «умный», «общительный», «любопытный». Мы полагаем, что в абзаце (2) имеет место концептуальная метонимия «Класс – это личность». Второстепенный для нашего исследования концепт КЛАСС относится автором текста к одушевленным сущностям через приписываемые ему адъективы, с помощью которых осуществляется ментальная операция персонификации, другими словами – прилагательными с семой «одушевленность». Выделяется авторитет для личности – классный руководитель. Эта концептуальная метонимия поддерживается до начала абзаца (3). Затем следует переход к концептуальной метонимии «Класс – это содружество личностей». Эта метонимия поддерживается местоимением первого лица

множественного числа «мы». В русской культуре местоимение первого лица множественного числа «мы» не является чисто грамматической категорией. Оно имеет оценочное содержание, «мы» переходит в мир ценностей, имплицитно выражая единение, общность интересов всех членов коллектива.

Обе концептуальные метонимии – «Класс – это личность» и «Класс – это содружество личностей» – использованы автором для осуществления стратегии позиционирования. Но в данном примере, в отличие от примера 1, позиционируется не автор как личность, а его школьный класс. Он позиционирует свой класс как идеальный. Как уже упоминалось выше, «мы» – это ценность, составляющая суть воспоминаний о прошлом. Русские в воспоминаниях в подавляющем большинстве случаев мыслят себя как часть «мы», часть коллектива. Поэтому в их воспоминаниях идеальный класс – это дружный класс, где все поддерживают друг друга. Автор данного примера в каждом предложении делает акцент на то, что его класс практически соответствовал идеалу, то есть был дружный, добросовестный, ответственный, общительный, уважающий учителей.

(4) *«В школе у меня было много друзей. Когда мы приходим в родную школу, нам радуются и ученики, и учителя.»*

(5) *«Летом мы с классом ездим отдыхать. Родители и учителя научили нас понимать, что знания нужны везде и всегда, ведь у нас впереди ещё целая жизнь.»*

Первое предложение абзаца (4) является продолжением основной когнитивной линии текста. То, что автор впервые упомянул себя, употребив местоимение первого лица единственного числа, по нашему мнению, является частью стратегии позиционирования своего школьного класса как идеального – «иметь много друзей в классе/в школе» означает ровно то же самое, что «быть частью дружного класса». Далее мы наблюдаем рассогласование в текстуальной композиции – уход от линии воспоминаний о былой школьной жизни, продолжается практика совместных действий (*когда мы приходим в родную школу, нам радуются и ученики, и учителя; летом мы с классом ездим отдыхать*). Рассогласование имеет и грамматическое выражение в виде перехода

на презенсное время. И это не историческое настоящее, использованное для отображения герменевтического переживания прошлых событий, как в примере в разделе 2.7.2, а обусловленный авторским замыслом переход к текущим событиям, призванный подтвердить идеальность его класса – имеет место «дружба, проверенная временем», то есть подлинная дружба.

Во втором предложении абзаца (5) снова возникает отклонение от основной когнитивной линии. Появляются новые линии – «родители и школа», «авторитет родителей». Обнаруживается явная композиционная шероховатость – упоминание о родителях появляется в абзаце о дружбе. Авторитет родителей, также как и коллективизм, относится к традиционным ценностям в России.

(6) *«Учеба – это мой главный труд. Я стараюсь выполнять всё, что задают с интересом и любознательностью».*

Данный текст примечателен не только тем, что в нем отсутствуют такие слова, как *воспоминание, вспоминать, помнить, приходить на память, не в состоянии забыть*. Его характерной особенностью является многократное употребление местоимения первого лица множественного числа – местоимение «мы» встречается 10 раз, «наш» – 4 раза, «нам» – раза. Воспоминание организовано во внутреннем времени-эго автора вокруг коллективного «мы». Объяснение этому можно найти в менталитете русских людей, где центральное место занимает понятие «соборность», «коллектив» [Прохоров, 2011]. Как следствие этого в сознании (и в речи) русских «я» и «мы» легко перемежаются, не всегда ясно, когда автор говорит о своем коллективе, когда о себе лично. «Мы» в воспоминаниях становится эмоциональным концептом. А эмоции раскрываются в пропорциях, отражающих внутренний мир переживаний языковой личности.

Автор не вступает в кооперативные отношения (кооперация Грайса). Данный текст в целом является высокостереотипным, он изобилует клише и трафаретными выражениями – *наш класс был самый дружный, умный, общительный и любознательный; в школе у меня было много друзей; родители и учителя научили нас понимать, что знания нужны везде и всегда; учеба – это мой главный труд*. Нам представляется, что объяснение этому явлению можно

найти трудах Р. Акоффа и Ф. Эмери. В своей книге «О целеустремленных системах» они исследуют человеческое поведение как систему целеустремленных (телеологических) событий. Разработанные ими типологии и понятия столь же применимы к общественным системам, как и к индивидам. По их мнению, общественная система Советского Союза (существующего на момент написания книги) является объективно-экстерналистской, что предполагает внешне-внешнюю адаптацию. При таком виде адаптации индивид или система реагирует или откликается на внешнее изменение модификацией окружения. По нашему мнению, одной из причин выбора автором высокостереотипной формы изложения является объективный экстернализм, свойственный по Р. Акоффу и Ф. Эмери, представителям культуры Советского Союза, а, значит, и российской культуры [Акофф, 1974, с.136]. Согласно авторской типологии, объективный экстерналист склонен изменять окружение в соответствии с собственными представлениями о его «идеальном» состоянии, в то время как субъективный экстерналист изменяет окружение в соответствии с собственными нуждами. Иными словами, наш респондент как представитель российской культуры не склонен к раскрытию своего внутреннего мира, и в своем повествовании основной акцент делает на окружении – одноклассниках, учителях, родителях. Отсюда и лингвистический маркер воспоминаний «мы». Помимо этого, стоит отметить, что, поскольку речь идет о человеческом поведении как системе телеологических **событий**, то будет верно и обратное утверждение: установленные в данной культуре ценности будут влиять на выбор тех событий, которые приведены в качестве примера воспоминаний о времени «школьные годы».

Комментируя проанализированные выше примеры, нельзя не отметить, что в текстах автобиографического дискурса ожидаемо присутствует определённая конвенциональность, повторяемость сюжетов, тем более, что в нашем исследовании задан единый хронотоп «я – сейчас и я – в – прошлом». Однако в силу индивидуальных особенностей внутреннего времени его и специфических авторских интенций акценты в каждом полученном нами сообщении расставлены по-разному.

Выводы по Главе 2

1. Нами была поставлена цель – определить, каким образом происходит организация дискурса вокруг опорного концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE. Для этого нами были проведены:

а) лексикографический анализ словарных единиц *воспоминание* и *reminiscence* на материале толковых словарей русского и английского языков;

б) опрос пользователей социальных сетей, родившихся в США и РФ, для которых английский и русский язык соответственно является родным, с просьбой поделиться воспоминаниями о школьных годах, в частности о «high school». Вопрос-просьба был сформулирован как «Please share your reminiscences of your high school years». Аналогичная просьба была адресована российской аудитории в следующей форме: «Каковы ваши воспоминания о школьных годах в старших классах?», которую, по условиям межкультурной коммуникации, можно считать идентичной формулировке на английском языке.

Результаты эксперимента послужили материалом для данного научного исследования в его практической части.

2. Концепт ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE предположительно существует во внутреннем времени его индивидуума и относится к концептам ментальной деятельности, его содержание индивидуально, поскольку исходит из особенностей внутреннего времени его или из опыта соответствующих индивидуальных переживаний.

Общим понятийным ядром концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE для русского и английского языков является «мысленное воспроизведение чего-либо, сохранившееся в памяти». Данная формулировка является межкультурным инвариантом. Содержание концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE имеет характер когнитивной и языковой универсалии.

3. Представляется возможным выделить два вида дискурса воспоминаний: дискурс, в котором концепт выражен в языковой форме, и дискурс, в котором отсутствует манифестация соответствующего языкового знака. Эти два вида

дискурса обнаруживают три разновидности функционирования концепта: 1) прототипическое (прямое) выражение концепта (слово *воспоминание* и *reminiscence* присутствуют в описании концепта); 2) косвенное выражение концепта (в описании концепта присутствуют такие слова, как вспоминать, помнить, remember, приходить на память, не в состоянии забыть); 3) может иметь место отсутствие как прямых, так и косвенных форм языкового выражения концепта.

4. Дискурс воспоминаний относится к автобиографическому дискурсу. Дискурс воспоминаний может быть выделен из автобиографического дискурса как его разновидность по параметру «тема» (на основании работ М.М. Бахтина и в соответствии с типологией дискурса М. Хэллидэя и В.И. Карасика). Темой дискурса воспоминаний является макрособытие по ван Дейку, или сложное событие по В.Е. Гольдину, или текстовое событие по В.З. Демьянкову.

5. В соответствии с типологией дискурса В.И. Карасика, дискурс воспоминаний относится к персональному бытийному дискурсу, выделенному из автобиографического дискурса. В полученных нами в ходе эксперимента текстах превалирует опосредованный бытийный дискурс, существующий в виде нарратива. Прямой бытийный дискурс в форме смыслового перехода присутствовал в них в гораздо меньшей степени, а виде смыслового прорыва – отсутствовал вообще.

6. Согласно эволюционной теории дискурса А.М. Каплуненко, автобиографический дискурс (и, соответственно, дискурс воспоминаний как его разновидность) относится к Дискурсу Различий, поскольку содержит расхождения в суждениях и оценках времени «школьные годы».

7. Анализ эмпирического материала выявил наличие различных форм организации текста при развертывании дискурса воспоминаний. В качестве основы для анализа нами были взяты текстовые модели М. Хоуи и Ю. Уинтера. В частности, были выявлены и описаны тексты, построенные по моделям «hypothetical – real» и «general – particular». При этом авторы текстов прибегали к стратегиям драматизации и позиционирования. Для англоязычных респондентов

характерно позиционирование себя как личности, для русскоязычных авторов – своего класса как коллектива единомышленников. Истоки этого явления кроются, по мнению Акоффа и Эмери, к которому присоединяемся и мы, в различии систем телеологического поведения, свойственного представителям российской культуры и культуры США; и, как следствие, в различии ценностей в вышеупомянутых культурах. Эти ценности, в свою очередь, обуславливают выбор событий для развертывания дискурса воспоминаний.

ГЛАВА 3. СТРУКТУРА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАРРАТИВА В ДИСКУРСЕ ВОСПОМИНАНИЙ

3.1 Нарратив как прототипическая форма автобиографического дискурса

Нарратив, наряду с дискурсом и концептом в настоящее время являются научными объектами, к которым приковано внимание большинства исследователей. Взаимосвязь этих сущностей - интересный и сложный вопрос, на который ещё предстоит найти ответ современной науке о языке. Если говорить в целом, то изучение данной проблемы в теории языка находятся на стадии выработки дефиниций и наведения границ между понятиями.

Мы начали наше исследование с вопроса о разграничении объективного и имманентного времени, так называемого внутреннего времени его, и завершаем его (исследование) изучением особенностей нарратива в текстах воспоминаний. Наша работа посвящена анализу логической и лингвистической связи внутреннего времени его и нарратива, что имеет под собой то обоснование, о котором И.В. Троцук, ссылаясь на упомянутые выше (раздел 1.3) идеи В.И. Карасика, пишет: «Лингвистическое разграничение вариантов функционально-стилистической репрезентации времени в языке основано на различии «фактуры» времени в основных композиционно-речевых формах: эгоцентричное время прослеживается только в нарративных текстах, сообщающих о некотором событии» [Троцук, 2004, с. 49]. Иными словами, внутреннее время его может быть отражено только в нарративе, другие жанры привязаны к точке «Теперь» по Гуссерлю, отражают только длящееся настоящее, поскольку устанавливают не темпоральную, а логическую связь между своими элементами.

Упоминание о нарративе в связи с событием можно найти в типологии событий, предложенной В.З. Демьянковым (подробно см. Главу 1 настоящего исследования). Введенный В.З. Демьянковым термин «текстовое событие» приближает нас к идее нарратива как обязательной речевой ипостаси концепта

ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE, связывая воедино событие, концепт и нарратив.

Взаимосвязь дискурса и концепта комментировалась в Главе 2 настоящего исследования. В настоящем разделе целесообразно сделать некоторые уточнения, касающиеся особенностей нарратива в условиях концетцентрической организации дискурса. При этом будем рассматривать содержание таких уточнений как частные выводы, дополняющие полученные ранее результаты.

В лингвистике нарратив, как правило, изучается совместно с дискурсом. Именно изучение нарратива дало импульс исследованиям дискурса, эти два понятия тесно взаимодействуют. О повышенном внимании исследователей к вышеуказанным сущностям свидетельствует и большое число разноречивых определений и толкований терминов «дискурс» и «нарратив».

В работах, посвященных нарративу, приходится сталкиваться с его определением как конструкта /междисциплинарного конструкта (О.Г. Алифанова, Л.Г. Профатилова). С точки зрения О.Г. Алифановой, нарратив – это когнитивный конструкт, состоящий из определённого количества связанных между собой нарративных высказываний и нарративных аргументов, представленных в нарративных субстанциях, последовательность и взаимосвязь которых определяется автором, в зависимости от целей, стоящих перед ним. Мы полагаем, что в данное определение вкралась ошибка в определении сущностей. Конструкт есть продукт абстракции отождествления. В конечном итоге конструкт – это продукт дедукции. Нарратив же – весьма конкретная сущность, самая древняя форма бытия текста. В тексте нарратив является не конструктом, а способом организации текста во времени связями предложений. В нарративном дискурсе есть инвариантные признаки, присущие только нарративу:

- 1) последовательность событий во времени;
- 2) наличие наблюдателя;
- 3) наличие временной ретроспективы.

Возможно, в психологии или социологии правомерно говорить о нарративе как о конструкте, поскольку не во всех областях науки он имеет конкретную

языковую форму. Например, если говорить о последовательности психических реакций, то они могут изменяться по законам нарратива – являть собой ряд последовательных во времени и связных образов. При этом они могут быть лишены речевой связности. Но в лингвистической науке иное – языковое – наполнение нарратива. М. Бахтин и В. Пропп, стоявшие у истоков отечественной нарратологии, не мыслили нарратив без материи.

Вопрос о взаимосвязи нарратива и дискурса также входит в сферу приоритетных интересов лингвистов. Большинство современных исследователей сходятся в понимании того, что отношения между дискурсом и нарративом иерархичны. Д. Шиффрин определяет нарратив как «форму дискурса» [Schiffrin, 2006, p.18], О.Г. Алифанова полагает, что «нарратив с дискурсивной точки зрения – это способ организации дискурса» [Алифанова, 2010, с.17]. Й. Брокмейер и Р. Харре рассматривают нарратив как подвид дискурса, но как вид наивысшего уровня или классифицирующего понятия в таксономии нарративных форм более низкого уровня [Брокмейер, 2000, с. 31].

Совсем другой тип отношений мы наблюдаем между нарративом и концептом. Концепт, согласно исследованиям О.Г. Алифановой, является одним из когнитивных компонентов нарратива. Следовательно, возможно и обратное утверждение – нарратив может служить средством репрезентации и онтологизации концепта. В частности, правомерно выдвинуть гипотезу, что концепт ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE с необходимостью содержит своего рода речедеятельное расширение в форме нарратива.

Определение, данное У. Лабовым и Дж. Валетски, представляется нам наиболее емким и соответствующим задачам нашего исследования: «нарратив – один из способов передачи прошедших событий из биографии рассказчика, при помощи последовательности упорядоченных предложений, которые передают временную последовательность событий посредством этой упорядоченности» [Labov, Waletzky, 1967, p. 13]. Данное определение будет принято в качестве рабочего. Необходимыми лингвистическими признаками нарратива, с точки зрения У. Лабова, являются: 1) наличие придаточных предложений, соответствующих

временной организации событий; 2) отнесенность повествования к прошедшему времени; 3) наличие определенных структурных компонентов – ориентировки (описания места, времени действия, персонажей), осложнения/конфликта, оценки (выражения авторского отношения к происходящему), разрешения конфликта и коды (завершения повествования и его отнесения к «здесь-и-теперь») [Лабов, 1997]. Обращает на себя внимание тот факт, что данное определение исключает статус нарратива как конструкта.

В разделе 2.2 Главы 2 настоящей работы подробно исследованы дефиниции слов *воспоминание* и *reminiscence* на материале толковых словарей русского и английского языков. Исходя из задач данной главы, целесообразно подчеркнуть тот факт, что уже само определение слов *воспоминание* и *reminiscence* содержит связь с нарративом; сравним: «воспоминание – 1) мысленное воспроизведение чего-либо прошедшего, сохранившегося в памяти, 2) записки или рассказы о прошлом, о своей или чьей-либо жизни, мемуары [Большой толковый словарь русского языка. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/бтс/воспоминание>]». Сравнивая эту словарную статью, посвященную слову *воспоминание*, нельзя не заметить некую общность с определениями нарратива, в том числе и с классическим определением У. Лабова, где есть ссылка и на биографию рассказчика (ср. «мемуары» в дефиниции слова «воспоминания»), и на события, произошедшие в прошлом.

В толковых словарях английского языка связь между воспоминанием и нарративом прослеживается даже более наглядно: *reminiscence* 1) The act of recalling or narrating past experiences [Collins English Dictionary. URL: <http://www.thefreedictionary.com>]. Или следующее определение: *reminiscence* 1) The act or process of recollecting past experiences or events. 2) An experience or event recollected. 3) A narration of past experiences. Often used in the plural. [The American Heritage Dictionary of the English Language. URL: <http://www.thefreedictionary.com>]

Таким образом, на уровне определения слова «воспоминание» четко прослеживается его концептуальная связь с нарративом. Мы можем наблюдать

это как в русском, так и в английском языках, что доказывает межкультурный и межъязыковой характер этой связи.

Для подтверждения нашей гипотезы мы исследовали текстовый материал, полученный в ходе эксперимента, описание которого приведено в предыдущей главе. Мы попытаемся доказать, что:

- 1) тексты, полученные нами, являются примерами нарратива;
- 2) эти тексты являются репрезентациями концепта ВОСПОМИНАНИЕ/
REMINISCENCE

3.2 Признаки личностного нарратива в текстах автобиографического характера

Перед тем, как изучать полученные нами эссе на предмет наличия нарративности, изложим те теоретические основания, на которые мы опирались в нашей работе.

Вышеупомянутая Д. Шиффрин определяет нарратив как «форму дискурса, через которую мы реконструируем и репрезентируем прошлый опыт для себя и для других» [Schiffrin, 2006, с.18].

Традиционный нарратив – это повествовательная форма, при которой залогом коммуникационной целостности текста служит сознание повествователя [Падучева, 1996, с. 206].

Внутри традиционного нарратива различают перволичное повествование, то есть повествование от первого лица, и нарратив третьего лица. В текстах автобиографического содержания, к которым относятся исследуемые нами эссе, повествование ведется от первого лица. Следовательно, концепт «воспоминание» будет существовать в виде перволичного, или, как он чаще обозначается в настоящее время, личностного нарратива.

В исследованиях таких авторитетных специалистов в области нарратологии, как Е. В. Падучева и В. Шмидт, выделены следующие характерные признаки личностного нарратива:

1. Допустимая субъективность и субъективная модальность в основном корпусе повествования.

2. Наличие неполноценной (неканонической) коммуникативной ситуации, когда собеседник отсутствует. В норме внутренний адресат появляется только в лирических и риторических отступлениях.

3. Противопоставление – расстояние во времени и в пространстве между повествователем и изображаемым миром.

4. Событийность, т.е. наличие в тексте событий.

Нарративность – важный фактор автобиографии (между автором, его «я» и «реальностью» существуют достаточно напряженные отношения), в формулировке проблемы идентичности «я» рассказчика (непрерывность идентификационного процесса, множественность идентичностей) [Руус, 1997]. В Главе 2 настоящего исследования было сказано, что все полученные нами тексты относятся к автобиографическому дискурсу. Иными словами, нарратив является наиболее распространённым способом организации автобиографического дискурса (и дискурса воспоминаний соответственно), что мы и попытаемся продемонстрировать.

Субъективность, как известно, является неотъемлемым свойством человеческого мышления и в силу этого проявляется в языке. Термином «субъективная модальность» охватываются разнообразные языковые явления. Субъективность, по мнению многих авторов, это то, без чего не может существовать нарратив. Дж. Брунер, например, утверждал, что функция нарратива состоит в субъективизации мира [Bruner, 1990]. Той же точки зрения придерживаются Й. Брокмейер и Р. Харре [Брокмейер, 2000]. Возможно, субъективность признается свойством нарратива потому, что в нарративе всегда присутствует точка зрения нарратора. И если в текстах художественной литературы точки зрения повествователя, или фокус повествования – достаточно сложный для исследования объект, то в автобиографических эссе личность автора дана априори и выступает в качестве логического субъекта, или мировой линии нарративного текста [Бабушкин, 2003].

Е.В. Падучева определяет субъективную модальность как эгоцентричность минус дейксис [Падучева, 1996, с. 299]. К сфере субъективной модальности относят, прежде всего, те языковые средства в составе данного высказывания, с помощью которых говорящий *характеризует* свое отношение к этому самому высказыванию – к любому его аспекту или части. Но это отношение должно быть выражено неэксплицитно, т.е. оно не может находиться в составе данного высказывания с помощью отдельного предложения с подлежащим в 1-м лице, обозначающим говорящего [Падучева, 1996, с. 300].

Общим для всех проявлений субъективной модальности является: 1) эксплицитность в выражении модального субъекта; 2) участие говорящего в эксплицитной формулировке их значения. Следующие примеры хорошо иллюстрируют эту особенность (все выделения произведены нами – А.А.Артюнина):

*«I went to school in a movie, at least that's what **it felt** like».*

*«My senior year started out great and I was **really** looking forward to everything I would be involved in throughout the year».*

*«Начну с того, что, **на мой взгляд**, все школьные дни, начиная с первого и заканчивая одиннадцатым классом, для меня были самыми впечатляющими».*

В приведенных выше примерах субъективное восприятие школьных лет как самых счастливых и уникальных (при том, что авторы данных строк ещё очень молоды, и очевидно, что в их жизни будет ещё большое количество важных событий), равно как субъективное ощущение нереальности, «киношности», введено в качестве частных высказываний в составе их текстов. Кроме того, выделенные фрагменты *really* и *на мой взгляд* являются элементами субъективной модальности.

Если говорить об особенностях коммуникативной ситуации в автобиографических текстах, то следует помнить, что нарратив существует в условиях неполноценной (неканонической) ситуации общения. Неканоническая коммуникативная ситуация характеризуется следующими моментами: 1) пространство говорящего не совпадает с пространством адресата; 2) время

произнесения высказывания (время говорящего) не совпадает со временем восприятия (время адресата) и 3) высказывание может не иметь конкретного адресата. Неканоническим коммуникативным ситуациям присуще также получение нового адресата при каждом новом обращении к тексту [Падучева, 1996]. Все эти признаки свойственны полученным нами текстам воспоминаний о школьных годах. Эти тексты не были адресованы какому-либо конкретному лицу. Излагались те события, чувства, мысли, которые возникают в памяти при упоминании школьных лет. В нарративе внутренний адресат появляется только в лирических и риторических отступлениях.

«You don't realize who your true friends are until after graduation»

Из всех полученных нами текстов только один содержал формальное обращение к собеседнику. Местоимение 2-го лица *you* не обозначает адресата действия, равно как и русское «вы» в аналогичной функции. Их употребление обусловлены так называемой бидоминантностью субъекта, его двойственностью [Бахтин. Автор и герой в эстетической деятельности. URL: <http://teatr-lib.ru/Library/Bahtin/esthetic/>]. Бидоминантность является одним из основных свойств сознания индивидуума и упрощенно может быть названа «диалогом с самим собой». Обычно применение авторами нарративных текстов местоимений 2-го лица в ситуации неканонического общения говорит о том, что авторская нарративная стратегия претендует на откровение.

Неканоническая коммуникативная ситуация в автобиографическом нарративе характеризуется ещё и тем фактом, что автор выступает в нарративе как повествователь и как герой повествования.

«Конечно, нам предстоял не очень веселый момент – экзамены. Но это только кажется, что очень страшно, на самом деле это не так».

В вышеприведенном примере автор-герой полагает, что выпускные экзамены – очень тяжелое испытание, он испытывает страх, в то время, как автор – повествователь уже знает, что экзамены не являются катастрофой, хотя признает, что ничего веселого в них нет. Слово «кажется» является индикатором присутствия в данном отрывке модуса кажимости, что позволяет сообщать не

только о признаках явлений и объектов в мире, но и о том, какими они предстают во внутреннем времени его автора. По словам Т.И. Семеновой, «языковой реализацией когнитивного взаимодействия кажущегося и действительного являются высказывания, в которых одному и тому же объекту предцированы разные признаки: объективные в концептуальном мире говорящего (повествователя)» (в нашем случае – это выпускные экзамены, ЕГЭ, ежегодные обязательные для каждого выпускника средней школы испытания) «и субъективные в концептуальном мире наблюдателя (персонажа)» (в примере – экзамены как нечто, внушающее самые серьезные опасения, происходящее впервые, влияющее на дальнейшую жизнь молодого человека) [Семенова, 2008, с. 30]. Таким образом, в коммуникативной ситуации автобиографического нарратива мы обнаруживаем репрезентацию внутреннего мира человека с «внутренней» и «внешней» точек зрения. Это противопоставление «внутренней» и «внешней» точек зрения на себя самого может быть рассмотрено и как оппозиция «я сегодняшний» / «я вчерашний». Иными словами, автор – повествователь дистанцируется от автора – героя.

Одной из наиболее характерных особенностей нарратива является дистанция во времени и в пространстве между повествователем и изображаемым им миром, именно в жанре автобиографического рассказа противопоставление автора «как он есть сегодня» его окружению в прошлом раскрывается в полной мере.

«I was always blessed to have a good and loyal set of friends throughout my adolescence and throughout my adulthood, and I believe they were really my saving grace during the rough patches. I made many compromises and mistakes in this effort and soon wasn't able to recognize much of my «old» self».

В данном примере достаточно четко прослеживается расстояние во времени между личностью автора сейчас и в прошлом. Поиски собственной идентичности – «*to recognize much of my «old» self*» – и реконструкция личного опыта являются целью любого биографического повествования. В данном отрывке позиция автора состоит в оценке прежнего себя с высоты прожитых лет и пережитых событий. Осмыслен жизненный опыт, полученный во время обучения в старших классах

школы, признаны собственные ошибки. Рассуждения автора о своем прошлом подтверждают высказывание И.В. Троцук о том, что «нарративы стремятся не к объективности, а к истинам опыта» [Троцук, 2004, с. 71]

«И в заключение хочется сказать одно – школьные годы были самыми беззаботными, в отличие от взрослой студенческой жизни».

В этом примере суммируется личный опыт автора, то, что было им пережито в прошлом. Беззаботные школьные годы противопоставляется тому, что он ощущает в данный момент («взрослость», полагающая ответственность за самого себя в студенческой жизни).

Таким образом, в последнем и предпоследнем примерах мы видим, что авторы как бы смотрят на себя со стороны и в своих эссе о школьных годах излагают свой личностный опыт в виде личностного нарратива. Как только появляется расстояние во времени и пространстве между изображаемым временем и настоящим, мы наблюдаем уход от протокольных номинаций. Формируется локальный миф. Локальные мифы имеют большое значение в системе социокультурного самоопределения человека. Согласно современным интерпретациям мифа, в частности определению Р. Барта означаемое мифа – это и есть концепт [Барт, 1989, с.72-84]. Таким образом, прослеживается связь «нарратив» – «миф» – «концепт». В нарративе время – мифологично. В повествовании от первого лица рассказчик выступает как одно из действующих лиц изображаемых событий. Он принадлежит к описываемой нарративной реальности и рассказывает о ней сквозь призму своих восприятий, чувств, взглядов, мнений, что мы и видим в исследуемых нами текстах [Москаленко, 2009, с.176]. Время «школа» переживается как цельный образ.

По определению Э. Окс, личностный нарратив (personal narrative) – это нарратив о личностном опыте (narrative of personal experience). Личностный нарратив чаще всего носит ретроспективный характер, так как в тот момент, когда события происходят, их участники не в состоянии сразу же рассказать о своих поступках, чувствах и мыслях, возникающих в данной ситуации. Личностный нарратив становится способом размышления об опыте и придания ему

автобиографической формы. Роль рассказа о себе в жизни человека состоит в том, что он позволяет соотнести свои поступки в прошлом и представление о себе в пока ещё не реализованном будущем со своим пониманием себя в настоящем, что создает у человека чувство целостности и непрерывности собственной личности [Ocks, 2004, с. 285].

Основной единицей личностного опыта является событие, зафиксированное в автобиографическом нарративе. Именно событие структурирует опыт личности. Событийность как характерная черта нарратива присутствует во всех текстах, полученных нами.

«Самые яркие воспоминания оставили о себе занятия спортом и поездки на соревнования, они поглощали практически все мое свободное время. В одиннадцатом классе мы выиграли первенство Бурятии по волейболу командой, которая состояла только из моих одноклассников. Так же я был участником школьной команды КВН, до сих пор остались записи с нашими выступлениями. В одиннадцатом классе каждый день после уроков у нас были репетиции «Последнего звонка» и выпускного вечера. На одной из последних репетиций во время жонглирования гири я получил сотрясение мозга и попал в больницу, тем самым был освобожден от репетиций».

Приведенный выше текст насыщен единичными событиями. О событии много сказано выше, в Главе 1. Тем не менее, целесообразно подчеркнуть здесь ещё одну особенность, отмеченную В. Шмидом. По определению В. Шмида термин «событие» обозначает нечто внеочередное, неожиданное, нетривиальное. Событие заключается в некоем отклонении от законного, нормативного в данном мире, в нарушении одного из тех правил, соблюдение которых сохраняет порядок и устройство этого мира [Шмид, 2003, с.13-14]. И участие в КВН, и выигранный чемпионат по волейболу, и подготовка к «Последнему звонку» безусловно, является отклонением от привычного течения школьной жизни, от повседневных действий. И крайне неожиданным, можно сказать, чрезвычайным событием, является травма автора во время репетиции.

Каждое событие является изменением состояния, но отнюдь не каждое изменение состояния является событием. Для того чтобы изменение состояния могло считаться полноценным событием в собственном смысле этого слова, оно должно удовлетворять определенным требованиям.

Основное условие события – это его *реальность* или *фактичность*, изменение должно действительно произойти (см. Главу 1, раздел 1.3 настоящего исследования). И хотя изложение воспоминаний о школьных годах является субъективным взглядом отдельного индивидуума на свое прошлое, но сами события, связанные в памяти наших авторов с их школьной жизнью, реально происходили. Имеет место соответствие критерию фактичности.

Что касается критерия результативности как ещё одного основного условия событийности (см. Главу 1, раздел 1.3 настоящего исследования), то в приведенном выше примере идет перечисление уже свершившихся событий с очень небольшими описательными комментариями. Иными словами, все события были совершены до конца, закончены.

Фактичность и результативность представляют собой необходимые условия события. Без них изменение претендовать на статус события не может.

Таким образом, проанализировав полученный нами эмпирический материал, можно прийти к выводу, что в текстах наших респондентов присутствовали все выделенные Е. Падучевой и В. Шмидом признаки нарратива. Следовательно, автобиографические тексты из нашего эксперимента являются нарративами.

3.3 Функции нарратива в дискурсе воспоминаний.

Вопрос о функциях нарратива достаточно подробно освещен в научной литературе (О.Г. Алифанова, Дж. Брунер, Д. Шиффрин), особенно это касается исследований по психологии (Е.Е. Сапогова) и социологии (И. В. Троцук). Функции нарратива в дискурсе воспоминаний отличны от функций самого дискурса воспоминаний, совпадающих с основными функциями языка (по Р. Якобсону). На основании изложенного в п.п.3.1 и 3.2 можно выделить следующие функции нарратива в дискурсе воспоминаний:

1. структурирующая функция. Об этом мы упоминали в п. 3.2 настоящей работы, цитируя Д. Шиффрин, которая говорит о реконструкции и репрезентации прошлого опыта в дискурсе посредством нарратива [Schiffrin, 2006, с.18]. Нарратив связывает воедино и упорядочивает отдельные события прошлого, иногда значительно отдаленные друг от друга во времени, образуя определенную структурную и смысловую последовательность.

«My sophomore year I was kind of dorky and felt awkward most of the time, but I tried to pretend I was cool, because you know, it is high school.

My junior year I felt a little bit more relaxed. I still struggled with depression but I had some great friends that were very encouraging.

My senior year started out great and I was really looking forward to everything I would be involved in throughout the year, not to mention the excitement of finally graduating».

В приведённом выше отрывке эмоциональный опыт проживания времени «Школьные годы» структурирован в соответствии с годами обучения в high school. Превалируют интенциональные смыслы - в отрывке речь идет об изменении внутренней самооценки автора в тот период времени. И структура отрывка, и его содержание градиентны – «*my sophomore year*», «*my junior year*», «*my senior year*» / «*felt awkward most of the time*», «*felt a little bit more relaxed*», «*started out great*». События, о которых идет речь в данном эссе, относятся исключительно к внутреннему миру автора, но при этом не перестают отвечать критериям событийности – фактичности, результативности, консекутивности.

2. субъективирующая функция. Согласно Дж. Брунеру, нарратив субъективизирует мир [Bruner, 1990] (подробнее см. раздел 3.2 настоящего исследования). Автор воспоминаний сознательно или непроизвольно осуществляет выбор событий, релевантных целям повествования. Им присваиваются результаты его личностного опыта. Обнаруживается связь структурирующей и субъективирующей функций – способ изложения/структурирования прошлого опыта автором в соответствии с его личностными приоритетами. Общеизвестным является тот факт, что нередко

воспоминания разных людей об одном и том же событии диаметрально противоположны. Ниже приводится отрывок из эссе, полученного в ходе лингвистического эксперимента, в котором, по нашему мнению, субъективирующая функция преобладает.

«(1)Старшее звено в моей школе мне запомнилось очень хорошо. С 1 сентября 9 класса началась моя бурная творческая и общественная жизнь в школе.

(2) Я стала участвовать во многих районных и республиканских мероприятиях.

(3)Весна в 9 классе была первой «свободной» весной. Прогулки с друзьями, репетиции до поздней ночи. Тогда же я подружилась с двумя моими одноклассницами, которые стали моими лучшими подружками. Мы всегда и везде были вместе. (4) Я очень скучаю по тем временам».

(1) Автор данного текста манифестирует свое видение времени «Старшие классы» с первых строк. Очевидно, что, когда автор ведет речь о своей общественной жизни в школе, то под эпитетом «бурная» подразумевает «активная». Тем не менее, для подтверждения данного тезиса приводится всего одно предложение (2) весьма общего содержания. Таким образом, субъективно автор полагает, что занимала в старших классах активную жизненную позицию, но как событие во внутреннем мире его автора такой вид деятельности не выявляется. Напротив, как бы произвольно, события частной жизни, социальные контакты (3) описываются достаточно подробно, им дана эмоциональная оценка (4). Следовательно, они оставили впечатление, в них нашли свое отражение личностные приоритеты.

3. темпоральная функция. Нарратив устанавливает временную связь между событиями в дискурсе воспоминаний (см. раздел 3.1 данной работы). Именно благодаря нарративу возможно установить время совершения события - «до другого определенного события», «после другого определенного события», «во время чего-либо». Темпоральная функция также связана со структурирующей, поскольку построение временной связи не может быть осуществлено без построения определённой структуры.

«(1) В 9 классе у нас были экзамены и последний звонок. (2) Для кого-то этот звонок был действительно последним, многие ушли из школы. (3) После выпускного вечера нас объединили со вторым классом и сделали один десятый. (4) После того, как нас объединили, нам стало намного веселее. (5) Почти все в классе сразу же сдружались. (6) С 10 по 11 класс было очень много веселых моментов. (7) Учителя доверяли нам проводить очень важные школьные мероприятия. (8) Нам очень нравилось готовить разные праздники. (9) Например, когда мы готовили Новый год (это было в 10 классе), мы снимали фильм. (10) После уроков мы собирались все вместе и шли в лес. (11) Там мы очень весело проводили время, снимали разные смешные моменты, а потом, уставшие, шли домой».

Приведенный выше отрывок был выбран нами потому, что весьма наглядно иллюстрирует установление времени совершения одного события относительно другого события. Иными словами, одно событие служит временной вехой для другого события. В предложениях (1), (6), (9) формальными вехами воспоминаний является указание на год обучения – *9 класс, с 10 по 11 класс, в 10 классе*. События, произошедшие в это время, имеют привязку к конкретному классу. Но связь здесь двусторонняя, можно предположить, что эти отрезки времени запомнились именно потому, что именно тогда произошли определенные события: события в предложении (2) и (3) релевантны времени, указанному в предложении (1); события в предложениях (7), (8), (10), (11) – времени, указанному в предложении (6). Предложение (9) содержит уточнение для события «Проведение общешкольного Новогоднего праздника» – *в 10 классе*.

4. оценочная (эвалюативная) функция. Повествователь выделяет определенные события и устанавливает связь между ними, что позволяет осмыслить прошлый опыт и понять значение темпоральных последовательностей, составляющих этот опыт. Временная дистанция между событием и воспоминанием о нём дает возможность вынести определенное суждение о данном событии (подробнее см. раздел 3.2 данной работы).

«(1) When I start my day, I wake up to my own alarm (not my Mom yelling down to me), choose to eat the cereal I've picked out for myself, listen to Morning Edition NPR radio rather than an obnoxious bus full of attention seeking delinquents, and get to write with a PEN all day if I want! (2) Along with these freedoms there are obvious responsibilities we never had to deal with as teenagers: bills, families, mortgages, bills, and more. (3) Regardless of the realities I've face in my adulthood, or how relatively easy high school was for me, I would not trade my current life for that again».

В данном отрывке речь идет об осмыслении опыта проживания времени «Старшая школа», сравниваются преимущества (1) и отрицательные стороны (2) самостоятельной жизни автора в настоящее время по сравнению с тем временем, приведено достаточное количество примеров, подтверждающих точку зрения автора. Предельно сжато сформулирован вывод (3) – автор не хотела бы вновь оказаться во времени «Старшая школа». По нашему мнению, данный текст предельно лаконично иллюстрирует эвалюативную функцию нарратива.

Следует отметить, что все вышеуказанные функции нарратива осуществляются в тесной связи между собой, а преобладание одной из данных функций зависит от выбора композиционно-содержательной модели нарратива.

3.4. Композиционно-содержательное варьирование жанров нарратива в описании концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCES

Связь концепта и нарратива существует на уровне диалогической реакции. Данные, полученные в ходе нашего эксперимента, послужили источником, используемым для исследования концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE. Мы ставили задачу описать воспоминания, и в результате пришли к лингвистической реальности нарратива. Причем в нашем случае имя концепта явилось лексической реализацией этого концепта, т.е. ключевым словом. В формулировке вопроса для респондентов мы конкретизировали ассоциативную область функционирования концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE как «воспоминания о школьных годах в старших классах»/«reminiscence of high school years?». Это позволило получить доступный для сравнения эмпирический

материал. Для выявления семного состава ключевого слова были проанализированы толкования базовой лексической репрезентации концепта в различных толковых словарях (см. Глава 2, раздел 2.3 настоящего исследования). Как уже было упомянуто выше, в дефиниционных толкованиях лексической репрезентации концепта была выявлена внутренняя связь с нарративом. Мы полагаем, что нарратив – это не просто форма языкового концепта, но более того – его коммуникативная бытийность.

Последовательность речевой реализации функционально-семантических фрагментов – это композиционная структура собственно нарратива как типа повествовательного монологического текста.

Э. Окс и Л. Капс выделили иные структурные элементы нарратива, нежели Е. Падучева и В. Шмид:

- обстановка (информация о времени, месте нахождения);
 - неожиданное событие (что-то непредвиденное или проблематичное);
 - психологические/физические реакции (изменения в эмоциональном или психологическом состоянии);
 - незапланированные действия (непреднамеренное и нецеленаправленное поведение);
 - попытка (поведение, инициирующее попытку решить проблемную ситуацию);
 - последствия (последствия психологического или физиологического отклика)
- [Ochs, Capps, 2001].

Мы полагаем нецелесообразным проводить анализ этих структурных элементов по той причине, что в подавляющем своем большинстве они объективно могут быть соотнесены с признаками нарратива в определении У. Лабова и Дж. Валетски. Элемент «обстановка (информация о времени, месте нахождения)» может быть соотнесен с признаком «ориентировка» (по У. Лабову и Дж. Валетски), элемент «неожиданное событие» – с признаком «осложнение/конфликт», элемент «попытка (поведение, инициирующее попытку решить проблемную ситуацию)» – с признаком «разрешение конфликта», элемент

«последствия (последствия психологического или физиологического отклика)» – с признаком «кода». В целом, структура нарратива по Э. Окс и Л. Капс в большей степени соответствует целям психологических и социологических исследований.

Для нашей научной работы интерес представляет критерий «незапланированные действия», поскольку, отталкиваясь от него, некоторые исследователи проводят разделение нарративов на «истории» и «хроники» [De Fina, 2003]. «История» (story) предполагает наличие хронологической структуры и включает, по крайней мере, одно неожиданное и незапланированное событие, нарушение социальных норм или привычного порядка, которое имеет определенную смысловую оценку, тогда как хроника (chronicle) – это нарратив, имеющий определенную цель, описывающий хронологически серию случаев, и то, как они проходили, но не несущий в себе определенной оценки. Хроника, таким образом, может включать описание ситуаций, которые происходят регулярно [Кутковая. URL: <http://www.psy.msu.ru/science/npj/> 28]. В изученной нами научной литературе по данной теме упоминания об аналогичном признаке не встретились. Мы полагаем, что в данном случае речь, скорее всего, идет о жанрах дискурса, нежели о признаках нарратива.

О жанрах дискурса мы упоминали в Главе 2, раздел 2.4 настоящего исследования при обосновании выделения дискурса воспоминаний из автобиографического дискурса и ссылались на работу М.М. Бахтина «Проблема речевых жанров». По Бахтину жанр – это относительно устойчивый тип высказывания, выработанный определенной сферой использования языка [Бахтин. Проблема речевых жанров. URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm]. Если говорить об устойчивости жанров, то нельзя не отметить, что одни жанровые формы довольно жестко стандартизированы, в частности, когда речь идет о Дискурсе экспертных сообществ по А.М. Каплуненко [Каплуненко, 2007, с.119], другие – «гораздо гибче и пластичнее» [Бахтин, там же], когда речь идет о Дискурсе Различий, к которому относится дискурс воспоминаний.

Известный американский исследователь жанровой проблематики Дж. Суэйлз определяет жанр как «набор коммуникативных событий, которые представители дискурсивного сообщества используют для достижения общих коммуникативных целей. Эти цели составляют основание жанра, которое формирует структуру дискурса и влияет на содержание и стиль» [Swales, 1990, p. 58]. К коммуникативным событиям относятся такие ситуации общения, где язык играет определяющую роль. Коммуникативные события должны обладать общим набором коммуникативных целей. Джон Суэйлз делает акцент на важности коммуникативных целей и выделяет их в качестве главного идентифицирующего признака жанра, поскольку полагает, что «жанры представляют собой коммуникативное средство достижения поставленных задач. На отношениях между коммуникативной целью и набором языковых средств строится выбор темы и структуры жанра».

В.В. Деметьев предложил модель, по которой могут быть описаны жанры дискурса. Она включает в себя:

1) предмет речи, в том числе прагматические диалогизированные аспекты его: что именно, с какой целью, в каком контексте, с какой оценкой сообщают друг другу собеседники в рамках того или иного речевого жанра («тема РЖ» по Бахтину);

2) стиль (шире – коммуникативная тональность, где особенно важна степень серьезности), куда входит тоже не только экспрессия как таковая, но и ее, так сказать, прагматика («стиль речевых жанров» по Бахтину);

3) лексика: наименования жанров и их компонентов, семантическая структура данных номинаций (включая их этимологию, а также метафоры, которые особенно значимы в случае вторичных речевых жанров); это то «имя жанра», которое «первым приходит в голову» при опознавании типа диалогического взаимодействия, а также ключевые слова и фразы в речи, по которым тоже осуществляется идентификация;

4) особенности синтаксической структуры, которые еще важнее, чем конкретное лексическое наполнение, для опознавания и интерпретации речевых

жанров (так считал и М.М. Бахтин – ср. его понятие «композиции речевых жанров»);

5) целеполагание: идентификация и характеристика РЖ, социально-ролевой структуры и контекста на иллюкативно-целевой основе;

6) социальный фактор и связанный с ним аксиологический;

7) общая внешнекультурная и внутрикультурная парадигма (включая языковую политику, моменты глобализации или, наоборот, изоляции);

8) для данной цели также должны быть выделены основные коммуникативные сферы, где роль речевых жанров, для данного периода, является особенно критической или где происходят значимые трансформации речевых жанров, – сферы устной и письменной речи, публицистики/СМИ (а в настоящий период очень важен Интернет), политической коммуникации; новая идиоматика и речевые стереотипы, реклама/слоганы/биллборды и т.п.;

- отдельные источники материала: так, текстовая часть материала может быть отобрана и обработана при помощи новейших технологических возможностей – корпусных баз данных и методов корпусной лингвистики» [Дементьев, 2016, с.12-13].

В целом, как отмечают В.В. Дементьев, А.А. Кибрик и другие, проблема разработки критериев для классификации жанров дискурса далека от своего разрешения. В большой мере это связано с многообразием коммуникативных событий социокультурного взаимодействия, лежащих, по словам Т. ван Дейка, в основе дискурса [Дейк, 1989, с.122].

Некоторые из текстов, полученных в ходе эксперимента, могут быть отнесены к жанрам истории и хроники. Опираясь на приведенную выше структуру дискурса Т. ван Дейка, мы полагаем, что перечень жанров дискурса воспоминаний может быть расширен. И если тексты большинства русскоязычных авторов могут быть отнесены как к «истории», так и к «хронике» (45% и 55% соответственно), то среди эссе, полученных нами от англоговорящих респондентов, превалировал жанр, который мы определили как «исповедь» (66 % от общего количества эссе из США). Таким образом, мы выделили «исповедь»

как еще один жанр автобиографического нарратива, помимо «истории» и «хроники».

Исповедь в литературе – это произведение, в котором повествование ведется от первого лица, причем рассказчик (сам автор или его герой) впускает читателя в самые сокровенные глубины собственной духовной жизни, стремясь понять «конечные истины» о себе, своем поколении. К жанру исповеди примыкают дневник, записки, автобиография, роман в письмах [Литературный словарь терминов. URL: <http://www.litdic.ru/ispoved/>].

Ниже проводится анализ двух текстов, которые, как мы полагаем, являются типичными образцами жанров «исповедь» и «история». Анализ проведен в соответствии с критериями У. Лабова и Дж. Валетски, а также Е. Падучевой и В. Шмида.

3.4.1 «Исповедь» как жанр автобиографического нарратива

В науке о языке исповедь относится к отдельному виду автобиографии, в котором представлен ретроспективный взгляд автора на свою жизнь. Отличительной чертой этого вида автобиографии является откровенность в оценке собственных действий. Автор, как правило, искренен в передачи своих переживаний и эмоций потенциальному читателю.

Приведенный ниже текст мы относим к этому виду автобиографии. Он содержит 791 словоупотребление. Для удобства анализа эссе разбито на шесть отдельно пронумерованных частей.

(1) *«Oh wow, how do I talk about my high school experience? Like any normal person I have my regrets and things I'd like to change. For one, I wish I had enjoyed my skinny body that I will never get back instead of obsessing about my fat. I wish I had taken a few different classes that I wanted to take and not the ones that my friends were taking. I also wish I had been more daring and taken Theater classes all throughout high school. That is my single biggest regret, because I loved drama. But when I moved from the top of middle school to the bottom of the totem pole in high school,*

everything and everyone was so big and scary. I chickened out, and it wasn't until my Senior year that I got some courage, really got involved, and loved every minute. I just wish I could have had that moment of courage sooner».

Вводная часть данного текста начинается с риторического вопроса, несущего иллокутивную функцию экспрессива. Фактически – это восклицание с элементами разговорного жанра (oh wow), призванными сблизить интенциональные горизонты автора и читателя. Искренность и эмоциональность, стоящие за экспрессивом oh wow, являются характерными чертами жанра «исповедь». Следующее предложение продолжает ту же стратегию повествования: словосочетание *like any normal person* объединяет автора и читателя по признаку принадлежности к одному социокультурному сообществу. Далее следует высказывание, граничащее с исповедью – *I have my regrets and things I'd like to change*. Последующее признание в том, что автор в школьные годы испытывал комплекс неполноценности, окончательно располагает читателя своим откровением.

Антитеза – *my skinny body* в прошлом и *obsessing about my fat* в настоящем весьма показательна в данном тексте по двум причинам. Во-первых, ещё Р. Барт указывал на особую способность данной риторической фигуры выражать трудновыразимое в концепте. По мнению специалистов в области герменевтики Конурбаева М.Э. и Конурбаева С.М., на различном архитектурном уровне происходит образование смысла, в сущности, сводимого к одному единственному понятию (доброе, зло, справедливости, счастью), которое в случае прямого выражения, то есть в виде явно сформулированного определения, будет недостаточным, поскольку каждое определение ущербно и недостаточно. А символическое представление эту недостаточность в явном виде восполняет через живые антитезы, создающие в восприятии читателя смысловые контрасты [Конурбаев. URL:

http://istina.msu.ru/media/publications/article/f61/74c/14722124/Gazali_Konurbaev_5_END.pdf].

Во-вторых, затрагивается объект базового уровня личного опыта – тело человека. Свое тело – это первый объект, который постигает человек в своей жизни. Поскольку первой сферой человеческого опыта является собственное тело, в психике присутствуют образно-схематические понятия, которые осознаются как некоторые понятные и хорошо знакомые структуры, исходя из телесного опыта. И только потом они применяются к абстрактным понятиям. По выражению Дж. Лакоффа, мышление воплощено (*embodied*), иными словами, понятийная система человека, обусловлена его «телесным опытом» (*bodily experience*) и имеет смысл лишь в терминах этого опыта. Таким образом, в данном абзаце при воспоминании о годах, проведенных в старшей школе, первым вспоминается собственное тело. Выстраивается цепочка воспоминаний – от телесного опыта (*skinny body*) к социальным контактам (*different classes that I wanted to take and not the ones that my friends*). Представляется, что именно апелляция к телесному опыту придаёт воспоминаниям характер откровения, делает соответствующую реальность легко узнаваемой и принимаемой адресатом.

Весь первый абзац данного эссе построен в виде смысловой оппозиции «сбывшегося и несбывшегося», где «несбывшееся» – маркированный её член. Словосочетание *the totem pole* в значении рейтинга оценок в классе полагает устойчивые эмоциональные смыслы, получающие дальнейшее развитие и конкретизацию в высказывании *everything and everyone was big and scary*.

Антитеза «то, что было в реальности – то, что хотелось бы автору, но не было в реальности» поддерживается также сослагательным наклонением в каждом втором предложении и наличием контекстуальных антонимов *more daring – chickened out, courage – scary*. Таким образом, через антитезу раскрывается концепт ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE, переживаемый, в том числе, и как череду неудач и ощущения неуверенности в себе, присущих индивидуумам в юном возрасте.

Все вышеуказанные приемы помогают донести до читателя один из важнейших признаков нарратива – авторскую оценку прошлых событий с точки зрения настоящего, то, что Падучева называет «противопоставление во времени и

пространстве между повествователем и изображаемым миром». Значительная роль при этом принадлежит грамматическим средствам, в первую очередь, сослагательному наклонению, позволяющему с достаточной степенью определенности отделить время совершения события от времени вынесения суждения о событии.

(2) «*Other than all that crap, I loved high school. I joined the choir my Sophomore year, and I found this niche that I fit into perfectly. I was good at it, I was surrounded by people with my same passions, and it made my high school experience. The best was my senior year when I was in A Cappella and Madrigals. The entire winter season was practices and performances. We had several a week, sometimes two in one day. I got to know my fellow choir members really well. They became like a second family. To this day it is still one of my favorite Christmas seasons that I remember. I was also in two musicals, and it was so amazing to be a part of something such a grand production. To me at least to me it seemed as grand as if it were a Broadway production. A big part of the fun was the opportunity to identify with other teens that were as quirky and dramatic as I was. That was a part of my personality that I really got to explore and enjoy*».

Содержание абзаца (2) представляет собой антитезу содержанию абзаца (1): в нем содержится описание позитивного опыта проживания времени «школьные годы». Первое предложение второго абзаца как бы проводит черту, отделяет воспоминания со знаком «минус», свое отношение к которым автор выразил с помощью пейоратива *that crap*, от положительных воспоминаний, начинающихся со слов *I loved high school*. Оценка событий и переживаний прошлого с точки зрения настоящего времени рассыпана по всему эссе, и данный отрывок не является исключением. Дать оценку целому периоду своей жизни можно лишь некоторое время спустя – *the best was my Senior year*, мягкая ирония по поводу подростковой восторженности тоже проявляется не в ходе подготовки к мюзиклам, а когда уже есть опыт участия в такого рода мероприятиях – *it seemed as grand as if it were a Broadway production*.

Для наиболее полного описания данной части концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE автор использует:

- 1) концепт MUSIC (*joined the choir, I was in A Cappella and Madrigals, practices and performances, I was also in two musicals*). Музыка, как феномен, апеллирующий исключительно к эмоциям и направленный на бессознательное в человеке, часто становится той областью, где индивидуум находит возможность для самовыражения и для установления социальных контактов – *I got to know my fellow choir members really well* – процесс самопознания, самоидентификации и идентификации с другими индивидуумами занимает центральное место в картине мира молодого человека.
- 2) топику «Социальные контакты». В классификации сфер личного опыта на уровне феноменологического сознания после сферы телесного опыта следует сфера ближайшего окружения (как правило, семья), а только потом – социальные контакты. Но в силу особенностей подросткового сознания социальные контакты приобретают особое значение в иерархии ценностей – *a big part of the fun was the opportunity to identify with other teens*. Они позволяют ассоциировать себя со сверстниками, позволяют избежать ощущения одиночества – *I was surrounded by people with my same passions, other teens that were as quirky and dramatic as I was*, поэтому друзья становятся главным авторитетом. Семья на некоторое время отступает на второй план, и автор пишет про своих друзей – *they became like a second family*.
- 3) культурный код. Поскольку код означает класс знаков и правила их прочтения интерпретатором, код неизменно связан с той или иной культурой, и он всегда расшифровывается в соответствующей культуре. Вслед за В.Н. Телия мы полагаем, что «соотнесение языковых значений с тем или иным культурным кодом составляет содержание культурно-национальной коннотации, которая и придает культурно значимую маркированность ... значениям слов и смыслу целых текстов» [Телия, 1996, с. 219]. Механизм действия культурного кода состоит в определении набора образов, которые связаны с определенным комплексом стереотипов в

сознании носителя данной культуры. Стереотипный образ Рождества – украшенная елка, праздничный ужин в кругу семьи, обмен подарками. Используя референтное значение языкового знака Christmas, отсылающего читателей к самому главному празднику европейской и американской культуры, автор вызывает в нашем сознании ассоциации с радостью, взаимопониманием, добротой и сердечностью.

В описании положительного опыта проживания времени «школьные годы» автором была задействована концептуальная метафора убежища - *I found this niche that I fit into perfectly* – где тепло, радостно, рядом близкие друзья, звучит музыка и где можно укрыться от жизненных невзгод. В конце абзаца этот опыт осмыслен и итог подведен – *that was a part of my personality that I really got to explore and enjoy*.

(3) *«Of course, I had the classes and the teachers I loved. I was a good student and should have studied harder, as it would have helped me so much more in college. I didn't really learn how to study until I went to college because I was too lazy and school was easy. However, I loved learning and was able to make good grades».*

Эссе, анализируемое нами, содержит более 700 слов, и только четыре строки уделил автор собственно учебному процессу. Это говорит о том, что собственно учеба, учителя и школа как образовательный институт, занимает далеко не центральное место в концепте ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE. И дело не в том, что наш респондент была нерадивой ученицей. Просто собственно процесс обучения не запечатлелся в памяти, не создал события. Следовательно, и полноценного нарратива здесь быть не может. И, как бы в противовес этому абзацу, следующий отрывок изобилует событиями, они как бы всплывают в памяти автора в самой неожиданной, на первый взгляд, последовательности.

(4) *«I remember very random and specific things from high school. First, that my two best friends and I only went to one football game and spent the entire time socializing. We didn't even know who won the game. / I remember how I'd get donuts and juice from the vending machine for breakfast every day and a candy bar and soda for lunch. / During Christmas, although my friends and I were worn out from our choir*

performances, we would drive around the valley forever just looking at the Christmas lights. / I remember telling my teacher I couldn't be her TA anymore because I was cheating my scores from her history class. / I remember sewing a hole in my finger in clothing class and passing out. I was taken to the office in a wheelchair right as the bell rang. So of course everyone saw and thought I was dying when I had to sheepishly say I only had a hurt finger.

Множественность событий, изложенных в абзаце (4), являет собой проайретическую, т.е. нарративную последовательность, подчиненную, по словам Р. Барта, некоторому правилу, которое носит культурный и языковой характер. [Барт, 2009, с. 63]. Речь идет о пяти не связанных между собой ни хронологически, ни сюжетно, событиях из своей биографии. Общего у них лишь то, что автор в передаче именно этих событий актуализирует свой индивидуальный концепт ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE, на что указывает четырехкратное употребление ключевого слова remember. Все события отнесены к прошедшему времени и определены по хронотопу (*one football game, around the valley, in clothing class; high school, during Christmas*), равно как и по действующим лицам (*my two best friends and I, my friends and I, my teacher*). Все вышеперечисленные характеристики позволяют, безусловно, причислить данный отрывок к нарративам. Мы ничего не знаем об очередности этих событий относительно друг друга, главное – они лежат в границах времени «школьные годы».

Почему автором выбраны именно эти события для актуализации индивидуального концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE? Возможно, ответ на этот вопрос лежит в области ассоциативных коннотаций, выделенных Р. Бартом. и включающей в себя символический и культурный коды. Эти коды отсылают нас ко всей совокупности «эндоксального знания», из которого, по словам Г. Косикова, вырастает произведение, состоящее из стереотипов, без труда понимаемых и принимаемых носителями данной культуры [Косиков, 1994, с. 15]. В свою очередь, комплекс исторического, философского, психологического, литературного знания и культурные стереотипы тесно связаны

с категорией идеологии, как концептуально оформленной системой. Р. Барт назвал текст сферой существования идеологии. Идеология обладает целостностью и тесно связано с мировоззрением. Идеология тесно смыкается с мифом, так как только миф, так же как и идеология, создает целостную картину мира. Мы уже писали в разделе 3.2 о связи мифа и концепта, о том, что концепт – это означаемое мифа, следовательно, можно сказать, что область идеологии «населена» концептами. Любой автор текста является проводником определенной идеологии, и наш респондент – не исключение. Мы полагаем, что события, помещенные им в текст эссе, выражают определенные идеологические и культурные установки, но не прямолинейно, а символически.

Футбольный матч – это социальный знак, присутствие на нем может нести коннотацию демократичности (футбол – один из самых демократичных видов спорта) и «американскости» (общеизвестно, что американский футбол значительно отличается от классического футбола) автора, сигнализирует читателям «я такой же, как вы», проводит идею равенства как одной из базовых ценностей американской культуры.

Упоминание о завтраке и обеде в виде пончиков, сока, шоколадного батончика и газированной воды может означать *total ignorance of the healthy food*, свойственной юному возрасту, а может перекликаться с импликацией абзаца (1) – в том возрасте можно было не следить за количеством поглощаемых калорий, фигура была стройной без соблюдения диеты. Но мы склоняемся к мысли, что коннотация этого высказывания лежит во все той же плоскости ценностей американской культуры – в свободе выбора, так, как понимает эту свободу подросток, хотя нельзя исключить тему протеста против радикальных ограничений, навязываемых в целях здорового образа жизни.

Во второй раз в данном эссе мы сталкиваемся с упоминанием о Рождестве, и, следовательно, с культурным кодом, с кодом американской культуры. Функционально коды культуры – это способ описания материального и духовного мира в культурном пространстве носителями данного языка, а также способ концептуализации окружающего мира [Телия, 1996, с. 219]. Автором

визуализируется переживание концепта CHRISTMAS, в том числе упоминанием *Christmas lights*. Тем самым утверждается преемственность мировоззренческих и культурных взглядов автора, функционирующие связи с традициями консерватизма.

И уже, безусловно, признание учителю в списывании – это пример одобряемого в американской культуре поведения, это событие несет коннотацию честности, умения признавать свои ошибки и двигаться после этого дальше. HONESTY и INTEGRITY входят в число ключевых концептов американской системы ценностей. В самом факте упоминания данного события угадывается реализация автором стратегии самопрезентации (см. Глава 2, раздел 2.7.1 данной работы) – представление себя в самом выигрышном свете.

И, наконец, эпизод с прошиванием собственного пальца описан автором с изрядной долей самоиронии, несоответствие характера травмы и оказанной медицинской помощи создает комический эффект. На достижение этого эффекта работает также и тактика драматизации, применяемая автором при описании данного события. Включение этого эпизода в перечень запомнившихся событий, по нашему мнению, связан, прежде всего, со сферой телесного опыта (см. выше) – острую физическую боль трудно забыть. Помимо этого автор демонстрирует умение иронизировать по собственному поводу – положительно оцениваемая в англо-американском обществе черта характера.

Таким образом, на первый взгляд случайные и несвязанные между собой эпизоды, репрезентирующие индивидуальный концепт ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE, призваны актуализировать идеологемы, существующие в социокультурном окружении автора.

(5) *«I also remember the obsession with boys and the small love affairs that were such a big deal, when in reality they comprised of saying hi in the hall and flirting in class. Yet we loved the drama! I was full of drama. My parents separated twice during my high school years, and it was something that affected me much deeper than I ever thought possible. It happened the beginning of my sophomore year, but I didn't realize how deep the pain went until the end of my junior year. Like so many things in high*

school, that one event shook my foundation and had me questioning everything of which I thought I was so sure. As a result, amid all the excitement and fun of high school I went through a bad depression that showed me a darkness in myself that I didn't know existed. I saw the same weaknesses in myself that were in my parents, and from that point on I didn't trust myself. I know it affected my decision to back away from theater, and it made my experiences an emotional roller coaster. But what teenage girl isn't emotional»

Существительное *obsession* аксиологически маркировано (имеет отрицательную оценку) и означает «одержимость, навязчивую идею» [URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/>]. В нем слышится голос автора из настоящего – сейчас она так оценивает свое тогдашнее состояние. Шутливая антитеза *the small love affairs that were such a big deal* призвана подтвердить несерьезность отношений автора к противоположному полу, которые в то время казались важными и серьезными, особенно учитывая тот факт, что идиоматическое выражение *a big deal* имеет ироническую коннотацию.

В ходе повествования автор многократно указывает на свое увлечение драмой. Понять это можно и как участие в любительских театральные постановках – *I also wish ... taken Theater classes, I loved drama*, и как столкновение с проблемами в реальной жизни – *I was full of drama*. Увлечение драмой прослеживается и в композиции эссе – упоминание переломного момента во внутреннем времени его помещено в конец текста, таким образом, осуществляется стратегия драматизации повествования.

В данной работе мы неоднократно ссылались на категоризацию сфер опыта по Дж. Лакоффу. Сфера «ближайшее окружение», чаще всего семья, стоит на втором месте по значимости для индивида. В данном тексте эту позицию заняла сфера социальных контактов – друзья, те молодые люди, вместе с которыми автор посещала театральные и хоровые занятия. Этот факт можно было объяснить особенностями психологии подростков. Но в абзаце (5) мы находим реальную причину того, что семья во времени «школьные годы» оказалась отодвинута на задний план – двойной развод родителей девушки, и её переживания по этому

поводу. В данном абзаце автор использует тактику исповеди: развод родителей стал даже не драмой (как об этом отзывается сама девушка), а, скорее, трагедией, что следует из описания её переживаний. Выражения, характеризующие её тогдашнее эмоциональное состояние – *affected me much deeper, how deep the pain went* подразумевает нанесение глубокого проникающего ранения, она потрясена до глубины души – *shook my foundation* (референция – землетрясение). Автор теряет уверенность в себе, во всем, что составляло её внутренний мир – *questioning everything of which I thought I was so sure, I didn't trust myself*. Анализируя последствия развода родителей и его влияние на восприятие себя и окружающей действительности, она применяет метафору *an emotional roller coaster*, метафорическое выражение *I saw the same weaknesses in myself*. Расположение метафоры *a darkness in myself* и эпитета *bad depression* внутри антитезы *amid all the excitement and fun of high school I went through a bad depression that showed me a darkness in myself*, где они противопоставлены словам *excitement and fun*, позволяет лучше понять её переживания.

В этом отрывке абзаца (5) нарративность как движение сюжета во времени исчезает, хотя наррация продолжается, внутреннее время его как бы обрывается. Автор решает порвать с театром – *my decision to back away from theater*, смысловая рамка «театр», открывающаяся словами *yet we loved the drama*, замыкается. Абзац завершается риторическим вопросом *but what teenage girl isn't emotional?*, содержащим сему притворного хладнокровия и низводящим глубокое душевное потрясение нашего респондента до уровня подростковой гиперэмоциональности.

(6) *Through everything, the pain, regrets, and drama, I truly loved high school and look back on it with a nostalgia that I think everyone can understand.*

Абзац (6) представляет собой классический вариант метатекстовой концовки. Автор возвращается в настоящее время и, оглядываясь назад, обобщает и оценивает свой опыт проживания времени «школьные годы». Она в очередной раз прибегает к антитезе, как к одному из наиболее выразительных приемов наррации, где, с одной стороны, *the pain, regrets, and drama*, а с другой – *I truly loved high school, a nostalgia*, а также старается вовлечь читателя в процесс оценки

– *everyone can understand*, с возможной целью поддержать связь с читателем в условиях неканонической коммуникативной ситуации.

Если говорить о тексте в целом, то можно заметить, что в нем господствуют интенциональные смыслы, что типично для нарративной модели «исповедь».

3.4.2 «История» как жанр автобиографического нарратива

История – это нарратив с более обязательной связностью событий, нежели хроника, сам выбор событий менее произволен. В приведенных ниже воспоминаниях о школьных годах последовательность изложения соответствует разворачиванию событий во времени. В повествовании практически отсутствуют художественные приемы речи, и преобладает экстенционал.

(1) *«В старших классах я параллельно с учебой усердно готовился к олимпиаде по физической культуре, так как хотел поступить на Спортивный факультет Ульяновского Государственного университета».*

Абзац (1) представляет экспозицию: обозначено время (*в старших классах*), относящее повествование к прошлому, и проявлена реакция на стимул – при проведении нашего эксперимента мы обращались к респондентам с просьбой поделиться именно воспоминаниями о старших классах. Функцией экспозиции обычно является экспликация исходной ситуации – *я готовился к олимпиаде по физической культуре*, а в данном примере ещё и указан мотив, которым руководствовался автор – *хотел поступить на Спортивный факультет Ульяновского Государственного университета*.

(2) *«В одиннадцатом классе после победы на Республиканской олимпиаде наша команда заняла призовое место на российской олимпиаде. Мои планы поменялись. Я попал в юношескую сборную Республики Бурятия. Мой новый тренер Большаков А.В. начал меня уговаривать меня поступать в Улан-Удэнский институт железнодорожного транспорта. Я долго думал над его предложением. Меня затруднял экзамен по физике. В одиннадцатом классе я приехал на сборы в Улан-Удэ, и длительное время занимался спортом здесь. В*

конце сборов ко мне в комнату ещё раз пришел Александр Васильевич и ещё один тренер. После разговора с ними я окончательно определился с выбором профессии».

В абзаце (2) содержится завязка повествования – осложнение ситуации. У автора возникает чувство внутреннего противоречия (конфликта) между его планами и неожиданно возникшими новыми перспективами. Осложнение ситуации является семантически и композиционно акцентированной позицией нарратива. Значимость осложнения для всей композиции нарратива подчеркивается её отражением в метатекстовом вводе – *мои планы поменялись*. Это высказывание служит своего рода «подзаголовком» внутри нарратива, который задает дальнейшее развитие нарратива и формулировки содержания (сути) осложнения – *попал в юношескую сборную Республики Бурятия, тренер Большаков А.В. начал уговаривать меня поступать в Улан-Удэнский институт железнодорожного транспорта*. Осложнение, отражающее отклонение от нормы в развитии событий, в структуре нарратива служит для создания кульминативности. Его отсутствие может нарушить коммуникацию с читателем.

Далее следует развитие повествования, не выходя за рамки функции осложнения – *Я долго думал над его предложением. Меня затруднял экзамен по физике*. В данном случае это своего рода «осложнение осложнения». В литературе в целом, и в настоящем эссе этот прием служит удержанию внимания читателя. Добавлено новое событие с признаком временной организации повествования - *В одиннадцатом классе я приехал на сборы в Улан-Удэ, и длительное время занимался спортом здесь*, назначение которого – подготовить читателей к развязке. Фраза *в конце сборов ко мне в комнату ещё раз пришел Александр Васильевич и ещё один тренер* - наивысшая точка кульминации перед разрешением осложнения. В предложении *после разговора с ними/ я окончательно определился с выбором профессии* первая часть в функционально – семантическом отношении относится к кульминации, а вторая – уже разрешение осложнения.

Фрагмент (2) является самым длинным в тексте, причиной этого мы полагаем коннотацию сложности выбора. В начале анализа настоящего эссе мы указали на преобладание денотативного компонента в нем. Но речь идет именно о преобладании экстенционала, а не об отсутствии интенционала, поскольку ещё Р. Барт доказал, что в реальности не существует текста, лишённого коннотации: «чистая», лишённая коннотативных обертонов денотация представляет собой теоретическую абстракцию, а лучше сказать, языковую «утопию», «адамов модус» лингвистического высказывания, о котором можно только мечтать» [Барт, 2009, с. 308-309], Денотация и коннотация по Р. Барту хорошо согласуются с тем, что лингвисты-семасиологи вслед за Р. Карнапом именуют экстенционалом и интенционалом [Карнап, 1959].

(3) *«После окончания сборов я приехал домой, поговорил с родителями. Мы решили, что это хороший вариант. И я начал готовиться в экзамену по физике. Мой лучший друг тоже решил поступать в этот же институт».*

Абзац (3) содержит разрешение конфликта (по У. Лабову). Описаны действия, предпринятые для преодоления осложнений. В нашем случае развязка – это разрешение внутреннего конфликта личности, решение о месте дальнейшей учебы принято и одобрено родителями: *поговорил с родителями, мы решили, что это хороший вариант*, и преодолевается дополнительное осложнение – необходимости сдавать ЕГЭ по физике: *я начал готовиться к экзамену по физике*. В данном фрагменте в повествование вводятся представители ближайшего окружения автора – родители и лучший друг, как значимые в его жизни люди, влияющие на принятия важных решений.

(4) *«Весной того года мы поехали на Всероссийский чемпионат по волейболу, где нас пригласили играть за волейбольный клуб «Трактор». К сожалению, мой друг согласился. После чемпионата я был расстроен тем, что он будет учиться и заниматься волейболом в другом городе».*

Автор данного эссе очень внимательно относится к хронологии событий, почти в каждом абзаце есть уточнение временных рамок – *весной того года*. Во фрагменте (4) содержится новое событие – *мы поехали на Всероссийский*

чемпионат по волейболу и дополнительное осложнение – *нас пригласили играть за волейбольный клуб «Трактор»*. Тут же следует аксиологически маркированная развязка – *к сожалению, мой друг согласился*. Впервые речь идет об эмоциональном состоянии – *я был расстроен*. Наличие эмоционального компонента в преимущественно информативном нарративе свидетельствует о глубине переживаний автора. Неслучайным представляется соседство *учиться и заниматься волейболом*. В описании времени «школьные годы» практически отсутствуют воспоминания о школе как таковой. Внутреннее время его автора маркировано исключительно спортивными событиями. Дискурс разворачивается вокруг концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE как хронологическая последовательность спортивных достижений автора; вторичную роль играет дружба с одноклассниками и одноклубниками.

(5) *«Летом я успешно сдал экзамены, поступил в институт и совсем не жалею, что принял такое решение»*.

Фрагмент (5) является кодой данного нарратива, поскольку вводит результирующую ситуацию – *летом я успешно сдал экзамены, поступил в институт*, достигнутую в результате действий, предпринятых автором. Далее следует метатекстовая концовка – *совсем не жалею, что принял такое решение*, где с позиций настоящего времени дается положительная оценка, передающая мнение автора о событиях времени «школьные годы» и своей роли в них. Оценка – это всегда нечто субъективное. Но и повествовательный текст становится нарративом тогда, когда в него добавлены эмоции и оценки автора. Субъективная модальность, как уже было выше упомянуто, является характерной чертой нарратива. По словам И.Н. Борисовой, «для субъективного авторского нарратива, в содержательной структуре которого рассказчик выступает как участник событий («рассказ о себе», основанный на личном опыте), характерно совмещение субъективной точки зрения рассказчика и персонажа, что проявляется в едином модусе всего текста «я рассказываю тебе о своих действиях и состояниях» и в единой направленности вектора оценки» [Борисова, 2002, с. 246].

В целом, данный текст нехарактерен для русскоязычных респондентов, повествование сосредоточено вокруг внешкольных событий с участием автора, акцентируются его личные достижения. Нет упоминания о своем классе, об учителях, что является особенностью эссе наших соотечественников по сравнению с текстами респондентов из США. Повышена частотность употребления местоимения первого лица единственного числа «я» (см. статью автора «Мы» и «я» как лингвистические маркеры воспоминаний)).

Таким образом, нарративные жанры дискурса воспоминаний «исповедь» и «история», примеры которых были проанализированы выше, имеют различия по следующим параметрам:

1. В «исповеди» имеет место эмоцицентрический выбор событий, т.е. во внутреннем времени его запечатлелись те эпизоды школьной биографии, которые вызвали наиболее глубокие чувства и сильные эмоции. В «истории» приоритет отдается хронологическому изложению событий, ценность представляет их последовательность и взаимосвязанность.
2. В «исповеди» превалирует интенциональное развёртывание смыслов, находят свое выражение значимые для автора переживания. Иными словами, в нашем примере «исповедь» есть попытка раскрыть содержание концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE «изнутри», путем повествования о проявлениях признака данного концепта. В «истории» интенциональные смыслы присутствуют (так же, как и экстенциональные смыслы присутствуют в «исповеди»), но экстенционалу принадлежит «ведущая роль». В «истории» автор большее значение придает объему концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE, объективному множеству событий, составляющих собственно сам концепт.
3. И, наконец, выбор собственно языковой формы изложения событий в «исповеди» отличается метафоричностью, разнообразием применяемых языковых художественных средств. Для «истории» в нашем примере характерна аналитичность в изложении событий – автор, по большому счёту, констатирует факты, не вдаваясь в их оценку. Язык нашей

«истории» строг, практически отсутствуют художественные обороты речи.

Выводы по Главе 3

1. Нарратив – конкретная сущность, обладающая следующими постоянными признаками:

- последовательность событий во времени;
- наличие наблюдателя/повествователя;
- наличие временной перспективы.

2. С помощью автобиографического нарратива осуществляется связь между произошедшими событиями и биографией рассказчика, что находит подтверждение не только эмпирически, но в определении нарратива У. Лабова и Дж. Валетски.

3. Концепт ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE уже содержит в качестве одного из ключевых признаков прямую связь с нарративом. Об этом свидетельствуют анализ текстов и дефиниций.

4. Все тексты, полученные нами в ходе проведения лингвистического эксперимента, имеют признаки личностного нарратива (по Е.В. Падучевой):

- присутствует манифестация субъективности;
- наличествует неканоническая (неполноценная) коммуникативная ситуация;
- в структуризации личностного опыта, осуществляемого посредством нарратива, важная роль принадлежит оппозиции «повествователь-изображаемый им мир».

5. Во всех полученных нами автобиографических нарративах категория события репрезентируется в условиях реальности/фактичности и при наличии результативности. Событийность как одна из основных характеристик нарратива в разных текстах имеет разную степень интенсивности (в соответствии с критериями события В. Шмида).

6. Нарратив в дискурсе воспоминаний выполняет структурирующую, субъективирующую и эвалюативную (оценочную) функции.

7. Вопрос о выявлении критериев для классификации жанров дискурса, а, следовательно, и нарратива как способа организации дискурса, не может быть

решен в настоящее время в связи с многообразием тем дискурса, на основании которых они (жанры) могут быть выделены.

Все тексты, полученные нами в ходе эксперимента, репрезентируют автобиографический нарративный дискурс и могут быть отнесены к следующим жанрам:

- хроника;
- исповедь;
- история.

8. В данной главе были проанализированы примеры реализации жанров исповеди и истории. Анализ подтвердил индивидуальный характер концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE, в том числе и по причине того, что в концепте находят свое выражения коды культуры, присущие носителям данной лингвокультуры. Нашла свое подтверждение теория Дж. Лакоффа о категоризации сфер опыта от телесного уровня через ближайшее окружение к сфере социальных контактов. Интенциональные и экстенциональные смыслы присутствуют в разном соотношении.

9. Концепт ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE онтологизируется преимущественно как нарратив. Иными словами, как действительность языка и сознания воспоминание существует в текстовой форме

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования текстов, относящихся к дискурсу воспоминаний, выявлено, что нарратив выступает конкретно-сущим воплощением концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE, иными словами, прототипической формой онтологизации концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE в автобиографическом дискурсе является нарратив. Экспериментальная часть настоящего исследования, по нашему мнению, подтвердила гипотезу, положенную в основу данной работы.

В работе прослеживается связь концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE с категориями времени и события. Очередность наших исследований была такова:

1. Для начала было проведено сравнение понятий объективного времени и времени субъективного, имманентного в трактовке физиков (С. Хокинг, Ш. Кэррол) и философов (А.Д. Александров, С. Прист, В.П. Казарян).
2. Далее был описан феномен внутреннего времени его как выражения имманентного времени с точки зрения феноменологии Э. Гуссерля.
3. Затем следовал вывод о том, что прошлое как множество событий, произошедших до настоящего момента, может существовать только во внутреннем времени его.
4. Сами события, произошедшие в прошлом, могут существовать преимущественно в виде воспоминаний.
5. Основная часть нашей работы была посвящена изучению речевого выражения воспоминаний о событиях, произошедших в прошлом.

Нами также было проведено исследование феномена воспоминания в его реализации в таких лингвистических категориях, как концепт, дискурс и нарратив. Данные категории находятся сейчас в эпицентре внимания исследователей во многих отраслях гуманитарного знания, в том числе и в теории языка. Установление их взаимосвязи на примере концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE представляется нам теоретически значимым результатом.

Первым практическим этапом данного исследования стал лексикографический анализ словарных статей толковых и ассоциативных словарей русского и английского языков и этимологического словаря английского языка, посвященных лексемам воспоминание и reminiscence. В результате было выявлено их общее значение: «мысленное воспроизведение чего-либо, сохранившееся в памяти» и «the act or processes or power of recalling and narrating past experiences or events», которое по условиям межкультурной коммуникации может считаться межкультурным инвариантом. Выявление межкультурного инварианта, в свою очередь, позволяет говорить о содержании концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE как о когнитивной и языковой универсалии. Таким образом, одно из положений, выдвинутых нами на защиту, нашло свое подтверждение.

Далее, в результате опроса, содержащего просьбу поделиться воспоминаниями о школьных годах и проведенного в режиме электронного анкетирования, был получен экспериментальный материал, благодаря которому мы смогли провести концептуальный, компонентный, контекстуальный и лингво-аксиологический анализы на предмет того, как оязыковляется вышеупомянутый концепт.

Основные итоги выполненного исследования заключаются в следующем:

1) Сопоставив критерии событийности В. Шмида, признаки события, предложенные Н.Д. Арутюновой и типологию событий в трактовке В.З. Демьянкова и В.Е. Гольдина, мы предлагаем уточненную терминологию события. Она включает в себя простое событие как последовательность действий или состояний, результатом чего является изменение положения дел в мире; сложное событие как ряд простых событий, которые вместе формируют значение процессуальности либо повторяемости; и, наконец, макрособытие как последовательность простых и сложных событий, которые в сознании дают впечатление, а в речевой деятельности (дискурсе) – нарратив.

2) В результате изучения эмпирического материала были выявлены две разновидности дискурса воспоминания. В первой разновидности дискурса воспоминаний концепт ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE манифестируется

соответствующим знаком языка, а во второй отсутствует языковая форма данного концепта. Тем не менее, концепт присутствует на интенциональном горизонте коммуниканта. Эти две разновидности дискурса воспоминаний обнаруживают, в свою очередь, три вида функционирования исследуемого нами концепта: с прототипическим языковым выражением концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE, с косвенным выражением данного концепта, и, наконец, с отсутствием прямых или косвенных форм выражения данного концепта.

3) Все тексты, полученные в результате эксперимента, были отнесены к автобиографическому дискурсу, из которого, как мы полагаем, можно выделить по параметру «тема» такую его разновидность, как дискурс воспоминаний. Темой дискурса воспоминаний может служить макрособытие. В нашем исследовании макрособытием являются школьные годы в старших классах или *high school years* в случае с носителями английского языка. Мы полагаем, что совокупность переживаний личности, объединённых темой «школьные годы», является макрособытием, поскольку состоит из некоторого количества простых и сложных событий.

4) При изучении дискурса воспоминаний наше внимание привлек вопрос о формах организации текстов в данном дискурсе. В данном вопросе мы придерживаемся того мнения, что текст входит в дискурс как конечное частное в общее и открытое. И, таким образом, формы организации текстов в конечном итоге выступают как репрезентации форм организации дискурса вокруг концепта.

5) Показательны стратегии, к которым прибегали авторы текстов воспоминаний. Выявлены образцы, соответствующие моделям «*hypothetical – real*» и «*general – particular*» по М. Хоуи и Ю. Уинтеру. В экспериментальном материале присутствовали также тексты, построенные по иным моделям, в частности, порождённые концептуальными метонимиями. Авторы текстов применяли стратегии драматизации и позиционирования, причем стратегия позиционирования присутствовала в двух вариантах – позиционирование личности и позиционирование коллектива.

б) Все тексты, полученные в ходе эксперимента, могут быть отнесены к личностным нарративам, поскольку отвечают всем критериям нарративных текстов, выделенных У. Лабовым и Дж. Валетски, а также Е. Падучевой и В. Шмидом. Правомерен вывод, что дискурс, разворачивающийся вокруг концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE, существует в виде нарративных текстов разных форм организации. При этом нарративные тексты относятся к различным жанрам. Вопрос о жанрах дискурса, и, следовательно, нарратива как способа существования дискурса, остаётся до настоящего момента нерешенным. Пока составить лингвистическую типологию жанров дискурса не представляется возможным в силу многообразия последних. Мы полагаем, что то же можно сказать и о коммуникативных стратегиях авторов нарративных текстов автобиографического характера, поскольку также наблюдается их разнообразие. Нами были подробно проанализированы два текста объемом 791 и 205 знаков, которые относятся к жанрам исповеди и истории и выявлены присущие им лингвистические и культурологические особенности.

Что касается положений, выдвинутых на защиту, то, как уже было сказано выше, по результатам лексикографического описания концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE было определено его понятийное ядро «мысленное воспроизведение чего-либо, сохранившегося в памяти», релевантное как для русского, так и для английского языков. Следовательно, данная формулировка представляет собой межкультурный инвариант, а содержание данного концепта выступает в качестве языковой универсалии.

Далее, анализ текстов, полученных в ходе лингвистического эксперимента, позволяет нам, опираясь на исследования события и событийности Н.Д. Арутюновой и В. Шмида, выделить следующие типы событий:

- а) простое событие;
- б) сложное событие;
- в) макрособытие.

Причем макрособытие в трактовке Т. А. ван Дейка, В. Кинча и В.Я. Шабеса, являясь структурной единицей коммуникации и представляя собой

последовательность взаимосвязанных простых и сложных событий, порождает в речи нарратив. Изучение эмпирического материала показало, что респонденты в качестве реакции на стимул продуцируют нарративные тексты.

Особо подчеркнем тот факт, что все тексты, полученные в ходе эксперимента, соответствуют параметрам, выделенным Ф. Лежёном в качестве условий для определения автобиографического дискурса. Темой, которой посвящены данные тексты, являются воспоминания о школьных годах, что свидетельствует о принадлежности их к дискурсу воспоминаний. Это дает возможность предположить, что дискурс воспоминаний является разновидностью автобиографического дискурса. Как было сказано выше, в нашем исследовании школьные годы являются макрособытием. Следовательно, в данной работе макрособытие «Школьные годы» является темой дискурса воспоминаний.

Как было сказано в предыдущем пункте, все тексты нашего экспериментального исследования относятся к автобиографическому дискурсу. Было определено, что все они являются нарративам в соответствии с критериями У. Лабова и Дж. Валетски. Это дает основание полагать, что нарратив является прототипической формой автобиографического дискурса.

При изучении концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE в естественных условиях его существования, т.е. в текстах на естественных языках, и спродуцированных носителями этих языков, нами была выявлена локальная онтология данного концепта, коей является нарратив.

Таким образом, принимая во внимание все вышеизложенное, можно предположить, что положения, выдвинутые нами на защиту, нашли в данной работе свое подтверждение.

Нам представляется, что перспективными в плане дальнейшего исследования являются следующие направления:

- изучение возможности существования дискурсов с прямым и косвенным упоминанием имени концепта в других видах дискурса;
- уточнение классификации и характеристик события в нарративных текстах, относящихся к дискурсу воспоминания;

- изучение и типологизация жанров дискурса воспоминания;
- построение типологии коммуникативных стратегий в автобиографическом дискурсе.

Список литературы

1. Акофф Р. О целеустремленных системах / Р. Акофф, Ф. Эмери ; пер. с англ ; под. ред. И. А. Ушакова. – Москва : Советское Радио, 1974. – 272 с.
2. Александров А. Д. Теория относительности как теория абсолютного пространства-времени / А. Д. Александров // Философские вопросы современной физики. – Москва, 1959. – С. 273-274.
3. Алифанова О. Г. Когнитивный и дискурсивный потенциал нарратива : на примере нарратива Священного Писания : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / О. Г. Алифанова ; Иркут.гос. лингвистич. ун-т. – Иркутск, 2010. – 167 с.
4. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель. – Москва : Изд-во Азбука, 2016. – 320 с.
5. Артюнина А.А. «Мы» и «я» как лингвистические маркеры воспоминаний / А.А. Артюнина// Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. - №3(24). – С. 133-137.
6. Артюнина А.А. Об особенностях онтологизации концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE / А.А. Артюнина // Вестник Московского государственного лингвистического университета.– 2015.– №10(721).–С. 9–18.
7. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1988. – 341 с.
8. Бабушкин А. П. Картина мира и концептосфера языка / А. П. Бабушкин // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста : материалы международного симпозиума Волгоград, 22-24 мая 2003 г. : в 2 частях. – Волгоград : Перемена, 2003. – Ч. 2 : Тезисы докладов. – С. 12-13.
9. Баксанский О. Е. Познание познания: когнитивные науки / О. Е. Баксанский, Е. Н. Кучер // Эпистемология и философия науки. – 2006. – № 1(7). – С. 148-169.

10. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Структуры знаний и их языковая онтологизация в значении идиом / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Исследования по когнитивным аспектам языка. Труды по искусственному интеллекту. – Тарту. – 1990. – Вып. 903. – С. 20-36.
11. Барт Р. S/Z / Р. Барт ; пер. с франц. Г. К. Косикова, В. П. Мурат ; под ред. Г. К. Косикова. – 3-е изд. – Москва : Академический Проект, 2009. – 373 с.
12. Барт Р. Семиотика. Поэтика : избранные работы / Р.Барт. – Москва : Прогресс, 1989. – 616 с.
13. Бахтин М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники : ежегодник 1984-1985. – Москва, 1986. – С. 80-160.
14. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : в 7 томах. – Москва : Русские словари, 1996. – Т. 5. – С. 159-206.
15. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Москва : Советская Россия, 1979. – 320 с.
16. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – Москва : Худ. лит., 1975. – С. 234-407.
17. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев, С. Г. Бочаров. – Москва : Искусство, 1979. – 423 с.
18. Бердяев Н. Дух и реальность / Н. Бердяев ; вступ. ст. и сост. В. Н. Колюжного. – Москва : ООО «Изд-во АСТ» ; Харьков : Фолио, 2003. – 175 с.
19. Берталанди фон Л. История и статус общей теории систем / Л. фон Берталанди // Системные исследования : ежегодник - 1973. – Москва, 1973. – 268 с.
20. Бондарева Л. М. К проблеме организации текстового пространства в немецкоязычном автобиографическом дискурсе / Л. М. Бондарева //

- Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2006. – Вып.2 – С. 69-74.
- 21.Борисова И. Н. Нарратив как диалогический жанр / И. Н. Борисова // Жанры речи. – Саратов : Колледж, 2002. – Вып. 3. – С. 245-262.
- 22.Брокмейер Й. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Й. Брокмейер, Р. Харре // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 29-42.
- 23.Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – Москва : Прогресс, 1993. – 501 с.
- 24.Воскобойник Г.Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.20 / Г.Д. Воскобойник. – Иркутск, 2004. – 290 с.
- 25.Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выгодский. – 5-е изд., испр. – Москва : Изд-во "Лабиринт", 1999. – 352 с.
- 26.Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования : монография / Б. М. Гаспаров. – Москва : Новое литературное обозрение, 1996. – 348 с.
- 27.Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи / В. Е. Гольдин // Жанры речи : сборник статей / отв. ред. В. Е. Гольдин. – Саратов : Колледж, 1997. – С. 23-34.
- 28.Грайс Г. П. Логика и речевое общение. Новое в зарубежной лингвистике / Г. П. Грайс. – Москва : Прогресс, 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – 504 с.
- 29.Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты : монография / В. С. Григорьева. – Тамбов : Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2007. – 288 с.
- 30.Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – Москва : ДИК, 1999. – Т. 1. – 486 с.

31. Гуссерль Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль. – Москва : Гнозис, 2002. – 614 с.
32. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени : собрание сочинений / Э. Гуссерль. – Москва : Гнозис, 1994. – Т. 1. – 162 с.
33. Дейк ван Т. А. Стратегии понимания связного текста. Новое в зарубежной лингвистике / Т. А. ван Дейк, В. Кинч. – Москва : Прогресс, 1988. – Вып. XXIII : Когнитивные аспекты языка. – 320 с.
34. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк : пер. с англ. – Москва, 1989. – 312 с. С. 122
35. Декарт Р. Сочинения : в 2 томах / Р. Декарт. – Москва : Мысль, 1989. – Т. 1. – 654 с.
36. Дементьев В. В. Некоторые методологические принципы изучения речевых заимствований / В. В. Дементьев // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – 2016. – Т. 20, № 1. – С. 7-23.
37. Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста / В. З. Демьянков. – Москва : Всесоюзный центр переводов ГКНТ и АН СССР, 1982. – Вып. 2 : Методы анализа текста. – 288 с. – (Тетради новых терминов; 39).
38. Демьянков В. З. "Событие" в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста / В. З. Демьянков // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1983. – Т. 42, № 4. – С. 320-329.
39. Демьянков В. З. Семиотика событийности в СМИ / В. З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учебное пособие / отв. ред. М. Н. Володина. – Москва : Изд-во Московского университета, 2004. – Ч. 2. – С. 68-83.
40. Дубровская О. Н. Об интерпретации понятий «событие» и «речевое событие» в лингвистике / О. Н. Дубровская // Вестник АГТУ. – 2005 – № 5 (28) – С. 129-135.
41. Зализняк Анна А. Предикаты ошибочного мнения в аспекте семантической типологии: глагол мнить / А.А. Зализняк // Логический анализ языка.

- Между ложью и фантазией / под ред. Н.Д. Арутюновой. – Москва : Индрик, 2008. – С. 106-116.
42. Зотеева Т. С. О некоторых компонентах жанра просьбы / Т. С. Зотеева // Жанры речи : сборник научных статей. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ Колледж, 2002. – Вып. 3. – С. 268-272.
43. Иванова Е. В. К проблеме исследования экологического дискурса / Е. В. Иванова // Политическая лингвистика. – 2007. – Вып. 3(23). – С. 134-138.
44. Иейтс Ф. Искусство памяти : монография / Ф. Иейтс. – Санкт-Петербург : Фонд поддержки науки и образования "Университетская Книга", 1997. – 480 с.
45. Казарян В. П. Темпоральность и естественные науки / В. П. Казарян // На пути к пониманию феномена времени: конструкции времени в естествознании. – Москва : ПрогрессАТрадиция, 2009. – Часть 3 : Методология. Физика. Биология. Математика. Теория систем / под ред. А. П. Левича. – 480 с.
46. Казарян В. П. Философский словарь / В. П. Казарян ; под ред. И. Т. Фролова. – Москва : Республика, 2001. – 720 с.
47. Каплуненко А. М. Концепт – понятие – термин: эволюция семиотических сущностей в контексте дискурсивной практики / А. М. Каплуненко // Азиатско-Тихоокеанский регион : диалог языков и культур. – Иркутск, 2007. – С. 115-120.
48. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 392 с.
49. Карасик В. И. Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности) / В. И. Карасик // Концепты : научные труды Центроконцепта / отв. ред. С. Х. Ляпин. – Архангельск : Изд-во Поморского гос. ун-та, 1997. – Вып. 2 (2). – С. 156-158.
50. Карнап Р. Значение и необходимость / Р. Карнап. – Москва : Иностранная литература, 1959. – 384 с.

- 51.Клюканов И. Э. Перевод как процесс и как результат / И. Э. Клюканов. – Калинин : Калинин, гос. ун-т, 1989. – 123 с.
- 52.Клюканов И. Э. Психолингвистические проблемы перевода / И. Э. Клюканов. – Калинин : Калинин, гос. ун-т., 1989. – 75 с.
- 53.Кормазина О. П. Речевой жанр воспоминания: структурные особенности текста / О. П. Кормазина // Молодой ученый. – 2013. – № 5. – С. 453-455.
- 54.Кормин Н. А. Диаграмма времени-сознания и феномен художественного восприятия / Н. А. Кормин // Феноменология искусства. – Москва, 1996. – С. 54- 89.
- 55.Косиков Г. К. Идеология. Коннотация. Текст (по поводу книги Р. Барта "S/Z") / Г. К. Косиков. – Москва : Ad Marginem, 1994. – С. 277-302.
- 56.Кравченко А. В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск : Ирк. ун-т, 1996. – 160 с.
- 57.Кронгауз М. А. Семантика / М. А. Кронгауз. – Москва : Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.
- 58.Куртен Д. Шапка Климетиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) / Д. Куртен // Квадратура смысла. – Москва : Прогресс, 1999. – 416 с.
- 59.Кэррол Ш. Вечность. В поисках окончательной теории времени / Ш. Кэррол. – Санкт-Петербург : Питер, 2016. – 512 с.
- 60.Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте / У. Лабов // Новое в лингвистике : сборник / общая ред. и вступ. ст. Н. С. Чехоманов. – Москва : Прогресс, 1975. – 486 с.
- 61.Лакло Э. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ / Э. Лакло, Ш. Муфф. – Екатеринбург :Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. – 177 с. – (Сер.Дискурсология).
- 62.Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д. С. Лихачев // Известия РАН. Сер.лит. и яз. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3-9.
- 63.Лихачев Д. С. Заметки о русском : в 3 томах / Д. С. Лихачев. – Ленинград :Худ. лит., 1987. – 528 с.

- 64.Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – Санкт-Петербург : Искусство – СПб, 1998. – С. 14-285.
- 65.Мальцева В. А. Общение как воздействие и диалог / В. А. Мальцев // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Челябинск : ЧелГУ, 2007. – Вып.15 (93). – С. 79-87.
- 66.Молчанов В. И. Парадигмы сознания и структуры опыта / В. И. Молчанов // Логос. – 1992. – № 3. – С. 7-36.
- 67.Москаленко Е. С. Личностный нарратив как когнитивный принцип организации массмедийного дискурса / Е. С. Москаленко // Вестник ИГЛУ. – 2009. – № 1. – С. 175-181.
- 68.Николаева Т. М. “Событие” как категория текста и его грамматические характеристики / Т. М. Николаева // Структура текста. – Москва, 1980. – С. 198-210.
- 69.Нуркова В. В. Автобиографическая память с позиций культурно-деятельностной психологии: результаты и перспективы исследования / В. В. Нуркова // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 2011. – № 1. – С. 79-90.
- 70.Нуркова В. В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности / В. В. Нуркова. – Москва : УРАО, 2000. – 316 с.
- 71.Нюбина Л. М. Память, воспоминания и текст / Л. М. Нюбина // Известия Смоленского государственного университета. – Смоленск, 2008. – Вып. 4. – С. 12-28.
- 72.Огнева Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста / Е. А. Огнева. – 2-е изд., доп. – Москва : Эдитус, 2013. – 282 с.
- 73.Олешков М. Ю. Лингвоконцептуальный анализ дискурса (теоретический аспект) / М. Ю. Олешков // Дискурс, концепт, жанр : коллективная монография / отв. ред. М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2009. – С. 68-85.

74. Падучева Е. В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке: семантика нарратива / Е. В. Падучева. – Москва : Языки славянской культуры, 1996. – 480 с.
75. Полоскин Б. П. Музыкальные истории: рассказы, очерки, песни / Б. П. Полоскин. – Санкт-Петербург : Изд-во Бояныч, 2006. – 504 с.
76. Попова З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 2000. – 30 с.
77. Прист С. Теории сознания / С. Прист ; пер. с англ. А. Ф. Грязнова. – Москва : Идея-Пресс ; Дом интеллектуальной книги, 2000. – 287 с.
78. Прохоров Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – Москва : ФЛИНТА, 2011. – 200 с.
79. Рикёр П. Память, история, забвение / П. Рикёр. – Москва : Изд-во гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
80. Руус Й. П. Контекст, аутентичность, референциальность, рефлексивность: назад к основам автобиографии / Й. П. Руус // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ : материалы международного семинара / под ред. В. Воронкова, Е. Здравомысловой ; Центр независимых социологических исследований. – Москва, 1997. – С.7-14.
81. Сапогова Е. Е. «Римейки жизни»: конструирование автобиографического нарратива / Е. Е. Сапогова // Известия ТулГУ. Серия Психология. – Тула : ТулГУ, 2005. – Вып. 5. – С. 200-228.
82. Сартр Ж. П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж. П. Сартр. – Москва : АСТ, 2015. – 928 с.
83. Семенова Т. И. Лингвистический феномен кажимости (на материале современного английского языка) : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.04 / Т. И. Семенова. – Иркутск, 2008. – 339 с.
84. Силантьев И. В. Газета и роман: риторика дискурсных смещений / И. В. Силантьев. – Москва: Языки славянской культуры, 2006. – 224 с.

- 85.Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов : монография / Г. Г. Слышкин. – Москва : Academia, 2000. – 141 с.
- 86.Солсо Р. Когнитивная психология / Р. Солсо. – Санкт-Петербург : Питер, 2006. – 589 с.
- 87.Тартарашвили Т. А. США. Инструменты регулирования качества образования / Т. А. Тартарашвили. – Москва : ЗАО «Новые печатные технологии», 2015. – 448 с.
- 88.Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва :Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
- 89.Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. – Москва : Аспект-Пресс, 1996. – 333 с.
- 90.Троцук И. В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках / И. В. Троцук // Вестник РУДН. – 2004. – № 1(6). – С. 41-74.
- 91.Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии / А. Н. Уайтхед. – Москва : Прогресс, 1990. – 718 с.
- 92.Фролова Ю. Б. Представление событий прошлого в устной и письменной речи. Спецкурсы по романской филологии / Ю. Б. Фролова // Сборник учебно-методических материалов кафедры романской филологии. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2003. – 128 с.
- 93.Фролова Ю. Б. Представление событий прошлого в устной и письменной речи / Ю. Б. Фролова // Спецкурсы по романской филологии : сборник учебно-методических материалов кафедры романской филологии. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – Вып. 2. – С. 101-107.
- 94.Фромм Э. Человек для себя / Э. Фромм. – Москва : АСТ, 2016. – 315 с.
- 95.Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия, 2004. – 416 с.
- 96.Хокинг С. Краткая история времени / С. Хокинг. – Санкт-Петербург : АМФОРА, 2015. – 223 с.

97. Шабес В. Я. Событие и текст : монография / В. Я. Шабес. – Москва : Высшая школа, 1989. – 175 с.
98. Шевцов К. П. Продолжение в другом (реконструкция медиа-пространства) : монография / К. П. Шевцов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2009. – 217 с.
99. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
100. Штомпка П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6-16.
101. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – 418 с.
102. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон; пер. с англ. И.А. Мельчука // Структурализм: «за» и «против»/ под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Поляковой. – Москва : Прогресс, 1975. – С.193-230.
103. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров [Электронный ресурс] / М. М. Бахтин. – Режим доступа : http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm/ (дата обращения 02.12.16).
104. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности [Электронный ресурс] / М. М. Бахтин. – Режим доступа : <http://teatrlib.ru/Library/Bahtin/esthetic/> (дата обращения 12.12.16).
105. Бахтин М. М. К философии поступка [Электронный ресурс] / М. М. Бахтин. – Режим доступа : <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/postupok1.html> (дата обращения 12.12.16).
106. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Электронный ресурс] / М. М. Бахтин. – Режим доступа : http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronotop1.html (дата обращения 13.04.16).

107. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.вокабула.рф/словари/бтс/воспоминание>(дата обращения 13.11.14).
108. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа :http://enc-dic.com/enc_big/Reminiscencija-50518.html (дата обращения 13.11.14).
109. Бондарева Л. М. К проблеме организации текстового пространства в немецкоязычном автобиографическом дискурсе [Электронный ресурс] / Л. М. Бондарева. – Режим доступа :<http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=490861> (дата обращения 12.12.16).
110. Даль В. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Режим доступа :<http://slovari.yandex.ru> (дата обращения 25.10.14).
111. Дейк Т. А. ванн. К определению дискурса [Электронный ресурс] / Т. А. ван Дейк. – Режим доступа :<http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения 15.05.15.).
112. Еременко В. И. Воспоминание и знание как формы переживания прошлого : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук : 19.00.01 - Общая психология, психология личности, история психологии [Электронный ресурс] / В. И. Еременко. – Москва, 2007. – Режим доступа : <http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-01/dissertaciya-vospominanie-i-znanie-kak-formy-perezhivaniya-proshlogo#ixzz5BUnhCtQb> (дата обращения 14.03.15).
113. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – Режим доступа :<https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения 11.11.14).
114. Казарян В. П. Философские проблемы пространства и времени в естествознании [Электронный ресурс] / В. П. Казарян. – Режим доступа

- :http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/kazaryan_filosofskie.pdf(дата обращения 13.10.12)
115. Кибрик А. А. Дискурс : энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс] / А. А. Кибрик, П. Б. Паршин. – Режим доступа :http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html?page=0,0 (дата обращения 10.10.15).
116. Конурбаев М. Э.Историко-герменевтический очерк философии фальсафа на примере «княжьих зеркал» (наставления правителям) Абу-хамида Мухаммада Аль-газали Ал-туси : герменевтический код [Электронный ресурс] / М. Э. Конурбаев, С. М. Конурбаев. – Режим доступа :http://istina.msu.ru/media/publications/article/f61/74c/14722124/Gazali_Konurbayev_5_END.pdf(дата обращения 15.12.16).
117. Кутковая Е. С. Нарратив в исследовании идентичности [Электронный ресурс]/ Е. С. Кутковская // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 4 (16). – Режим доступа :<http://www.psy.msu.ru/science/npj/> 28 (дата обращения 28.11.15).
118. Лапина Т.С. Смыслозадавание и семиозис: онтологическо-гносеологическое измерение [Электронный ресурс]/ Т.С. Лапина // Аналитика культурологии. – 2009. Выпуск 2(14). – Режим доступа: http://analiculturolog.ru/component/k2/item/381-article_9.html(дата обращения: 26.06.16).
119. Летягова Т. В. Тысяча состояний души : краткий психолого-филологический словарь [Электронный ресурс] / Т. В. Летягова, А. В. Филиппов, Н. Н. Романова. – Режим доступа :<http://vocabulary.ru/dictionary/976>(дата обращения 11.11.12).
120. Литературный словарь терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа :<http://www.litdic.ru/isproved/> (дата обращения 08.10.15).
121. Лопатина В. В. Русский толковый словарь [Электронный ресурс] / В. В. Лопатина. – Режим доступа : <http://www.вокабула.рф/словари/русский-толковый-словарь-лопатина/воспоминание> (дата обращения 11.11.14).

122. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азъ, 1992. – Режим доступа :<http://ozhegov.info/slovar>(дата обращения 11.11.14).
123. Психологический словарь терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа :http://www.psychologist.ru/dictionary_of_terms/(дата обращения 11.11.14).
124. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа :<http://thesaurus.ru/dict/index.php> (дата обращения 12.11.16).
125. Словарь ассоциаций русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа :<https://wikivox.ru/word/прошлое>(дата обращения 12.11.16).
126. Словарь русского языка : в 4 томах [Электронный ресурс] / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Русский язык, 1981-1984. – Режим доступа :<http://slovari.ru/search.aspx?p=3068>(дата обращения 11.11.14).
127. Ушаков Д. Н. Толковый словарь [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков. – Режим доступа :<http://ushakovdictionary.ru>(дата обращения 11.11.14).
128. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / М. Фасмер. – Режим доступа :<https://vasmer.lexicography.online/м/мнить>(дата обращения 25.06.18).
129. Фомина А. Ю. Конструкция с вторичной предикацией как средство репрезентации макрособытия : автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук [Электронный ресурс]/ А. Ю. Фомина. – Режим доступа :<http://cheloveknauka.com/konstruktsiya-s-vtorichnoy-predikatsiey-kak-sredstvo-reprezentatsii-makrosobytiya#ixzz4AWjNd69h>(дата обращения 05.03.16).
130. Профатилова Л. Г. Нарративы как междисциплинарный конструкт / Л. Г. Профатилова // Методологія, теорія і практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. – Харків : Вид-во Харківського національного університету ім. Каразіна, 2008. – С. 153-156.

131. Berntsen D. Involuntary autobiographical memories / D. Berntsen. – Cambridge : UK, 2009. – 248 p.
132. Berntsen D. The unbidden past: Involuntary autobiographical memories as a basic mode of remembering / D. Berntsen // *Current Directions in Psychological Science*. – 2010. – Vol. 19. – P. 138-142.
133. Berntsen D. Cultural life and individual life stories / D. Berntsen, A. Bohn // *Memory in mind and culture* / ed. by P. Boyer, J. V. Wertsch. – Cambridge : UK, 2009. P. 62-82.
134. Berntsen D. Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory / D. Berntsen, D. Rubin // *Memory and Cognition*. – 2004. – Vol. 32, is. 3. – P. 427-443.
135. Bruner J. S. Acts of meaning / J. S. Bruner. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1990. – 208 p.
136. Cambridge English Dictionary & Thesaurus [Electronic resource]. – URL :<http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english><http://www.thefreedictionary.com/>(reference date 11.11.14).
137. Collins English Dictionary [Electronic resource]. –URL :<http://www.thefreedictionary.com/>(reference date 15.05.13).
138. De Fina A. Identity in Narrative: A study of immigrant discourse / A. De Fina. – Amsterdam : John Benjamins, 2003. – 251 p.
139. Dijk van Teun A. Ideology: A Multidisciplinary Approach / A. Dijk van Teun. – London : Sage, 1998. – 366 p.
140. English Wictionary [Electronic resource]. – URL :<http://en.wiktionary.org/wiki>(reference date 11.11.14).
141. Gardiner J. M. Remembering and knowing / J. M. Gardiner, A. Richardson-Klavehn // *The Oxford Handbook of Memory* / ed. E. Tulving, F. I. M. Craik. – New York : Oxford Univ. Press, 2000. – P. 229-244.
142. Halliday M. Current Ideas in Systemic Practice and Theory / M. Halliday. – London : Pinter, 1991. – 173 p.

143. Hoey M. Textual Interaction: An Introduction to Written Discourse Analysis / M. Hoey. – Abingdon : Routledge, 2001. – 203 p.
144. Hoey Michael. On the Surface of Discourse / Hoey Michael. – London : George Allen & Unwin, 1983. – 211 p.
145. Labov W. Narrative Analysis / W. Labov, J. Waletzky // Essays on the Verbal and Visual Arts / ed. J. Helm. – Seattle : American Ethnological Society, 1967. – P. 12-44.
146. Labov W. Some further steps in narrative analysis / W. Labov // Special issue of the Journal of Narrative and Life History. – 1997. – P. 395-415.
147. Lakoff G. J. Philosophy in the flesh / G. J. Lakoff. – New York, 1999. – 640 p.
148. Lejeune Ph. On autobiography / Ph. Lejeune. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1988.–289 p.
149. Ochs E. Living Narrative / E. Ochs, L. Capps. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2001. – 368 p.
150. Ochs Elinor. Narrative lessons / Elinor Ochs // A Companion to Linguistic Anthropology / ed. In Duranti A. – Oxford : Blackwell, 2004. – P. 269-287.
151. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – URL :<https://www.etymonline.com/> (reference date 11.11.14).
152. Oxford Dictionaries [Electronic resource]. – URL :<http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/reminiscence>(reference date 11.11.14).
153. Random House Kernerman : Webster's College Dictionary [Electronic resource]. –URL :<http://www.thefreedictionary.com>(reference date 15.05.13).
154. Swales J. Genre analysis: English in academic and research settings / J. Swales. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 261 p.
155. Schiffrin Deborah. In other words: variation in reference and narrative / Deborah Schiffrin. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 373 p.
156. Schlagman S. Involuntary autobiographical memories in and outside the laboratory: how different are they from voluntary autobiographical memories? /

- S. Schlagman, L. Kvavilashvili // *Memory and Cognition*. – 2008. – Vol. 36, № 5. – P. 920-932.
157. The American Heritage Dictionary of the English Language [Electronic resource]. – URL :<http://www.thefreedictionary.com>(reference date 15.05.13).
158. Vendler Z. *Linguistics in philosophy* / Z. Vendler. – Ithaca ; New York, 1967. –144 p.
159. Webster's 1913 Dictionary [Electronic resource]. – URL :<http://www.webster-dictionary.org/definition/reminiscences> (reference date 15.05.13).
160. Whitman Walt. *Poems* [Electronic resource] / Walt Whitman. – URL :<http://www.biblioteca.org.ar/libros/167791.pdf> (reference date 07.02.13).
161. WordNet Dictionary [Electronic resource]. – URL :<http://www.wordassociations.net/>(reference date 12.11.16).